

**ДНЕВНИК
АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЫ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ИССЛЕДОВАНИЙ
№ 33. Сентябрь 2017 г.**

**Современная Россия и мир:
альтернативы развития
(Имидж страны как фактор «мягкой силы»
в международных отношениях)**

Сборник научных статей

Барнаул
Издательство
Алтайского государственного
университета
2017

ББК 66.3(2)я431+66.4(2), 3я431

Д 541

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор **Ю.Г. Чернышов** (отв. редактор), кандидат исторических наук, доцент **О.А. Аршинцева**, кандидат исторических наук, доцент **А.М. Бетмакаев**, **С.Н. Исакова** (отв. секретарь), кандидат исторических наук, доцент **В.Н. Козулин**, кандидат исторических наук, доцент **О.Ю. Курныкин**.

Д 541 **Дневник Алтайской школы политических исследований № 33. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях):** сборник научных статей / под ред. Ю.Г. Чернышова. — Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2017. — 235 с.

Сборник содержит научные статьи исследователей из девяти российских городов (Барнаула, Екатеринбурга, Кирова, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Томска, Читы) и пяти зарубежных стран (Армении, Казахстана, Канады, Китая и Таджикистана). В статьях рассматриваются теоретические и прикладные аспекты темы имиджа страны как фактора «мягкой силы».

Издание предназначено как для специалистов (историков, международных работников, регионоведов, политологов, социологов, культурологов, экономистов, юристов и др.), так и для всех, кто интересуется проблемами «мягкой силы», международного имиджа России и других стран, теорией и историей международных отношений.

ББК 66.3(2)я431+66.4(2), 3я431

ISSN 2309-5431

© Алтайская школа политических исследований, 2017

© Оформление. Издательство Алтайского государственного университета, 2017

БАРНАУЛ

**СОВРЕМЕННАЯ РОССИЯ И МИР:
АЛЬТЕРНАТИВЫ РАЗВИТИЯ**

ИМИДЖ СТРАНЫ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Ю.Г. Чернышов
Многозначность понятий «мягкая сила»
и «имидж страны»: к итогам дискуссии

В 33-м выпуске «Дневника АШПИ» собраны статьи, поступившие в редакцию в 2017 г. в ходе обсуждения темы «Имидж страны как фактор „мягкой силы“ в международных отношениях». Сначала эта тема стала предметом дискуссий в апреле — июне этого года на интернет-конференции. Такие предварительные обсуждения в Интернете Алтайская школа политических исследований проводит уже 15 лет. К концу июня поступило 30 докладов от авторов из 9 городов России (Барнаул, Екатеринбург, Кирова, Москвы, Новосибирска, Омска, Санкт-Петербурга, Томска, Читы) и из 5 зарубежных стран (Армении, Казахстана, Канады, Китая и Таджикистана)¹.

Конкретные результаты этого обсуждения уже получили отражение в отдельной публикации [1]. В этой вступительной статье мы хотели бы остановиться на вопросе о необходимости уточнения содержания ключевых понятий и привести основные итоги «очной» конференции, которая прошла в Алтайском государственном университете 28-29 сентября 2017 г.

Нужно отметить, что количество литературы о «мягкой силе» и об имидже страны с каждым годом стремительно растет, причем эти термины включаются уже и в концепции внешней политики ряда государств, в том числе и России [2], а также широко используются в публицистике. Вероятно, на актуализацию этой темы повлияло то, что с конца 80-х гг. XX в. на фоне затухания «холодной войны» в международных отношениях при решении различных проблем все чаще стали использоваться методы не «жесткой» военной конфронтации, а более гибкого влияния. Здесь сказались, конечно, и процессы «размыwania границ» в ходе глобализации, и «информационная революция», и осознание масштабов угроз применения оружия массового поражения и т.д. Сила как военная мощь страны далеко не всегда в современном мире соответствует силе как влиянию.

Сам «изобретатель» термина Джозеф Най делал акцент на том, что «мягкая сила» (soft power) — это, прежде всего, привлекательность (притягательность) образа страны для других участников международных отношений, поддерживаемая, в частности, через публичную ди-

¹ Информация об авторах, представивших тексты и принявших участие в дискуссиях, приведена в конце данного издания, в приложении.

пломатию, образование, культуру... [3]. Однако вскоре после того, как термин обрел популярность, он стал все чаще наполняться и другим содержанием. Так, нередко в литературе (в том числе у многих отечественных авторов) под «мягкой силой» понимают вообще все невоенные методы воздействия, включая, например, экономическое давление, подкуп, шантаж, хакерские атаки и т.д. При такой трактовке теряется первоначальный смысл термина (который, кстати, можно переводить с английского языка и как «гибкое влияние»), поскольку здесь уже появляется мотив принуждения и манипуляций взамен мотива добровольного сотрудничества, доверия и диалога.

Сам Дж. Най, кстати, тоже внес вклад в «размывание» смысла термина, введя еще и понятие «умная сила» (smart power, как эффективное сочетание жестких и мягких методов воздействия) [4]. А многие авторы следом за ним продолжили изобретать термины — например, говоря о «жесткой слабости» (применительно к Монголии) [5] и т.д. Как справедливо отметила М.М. Лебедева, в различных трактовках термина зачастую заложена разница в более общих позициях сторонников разных подходов: реалистской и неолиберальной концепций в теории международных отношений [6, с. 215]. Разумеется, ни у кого из авторов нет права на монопольное толкование термина «мягкая сила», однако участникам дискуссий все же полезно было бы сразу уточнять, какой именно смысловой вариант они связывают с ключевым термином. Иначе может получиться элементарное непонимание в разговоре как бы об одних, а на самом деле о разных вещах.

Если исходить из того, что в основе «мягкой силы» лежит привлекательный образ страны, закономерно возникает вопрос о том, как соотносятся понятия «имидж страны» и «мягкая сила». С использованием термина «имидж» в русскоязычной литературе тоже далеко не все просто. Дело в том, что в английском языке слово «image» означает одновременно и «имидж», и «образ». В отечественной науке многие авторы считают оправданным разграничивать эти термины [7; 8; 9]. Образ страны, в их интерпретации, формируется в основном под влиянием долговременных объективных факторов и обладает устойчивостью, в то время как имидж целенаправленно формируется в основном с помощью СМИ и характеризуется быстрой изменчивостью, текучестью. В то же время имидж страны зачастую является одной из составных частей ее образа.

Итак, если говорить о «мягкой силе» в классическом понимании, то она, конечно в большей степени связана с объективно сформировавшимся привлекательным «образом» страны. Однако в некоторых новых трактовках «мягкой силы» зачастую акцент делается именно на искусственно формируемом имидже. Рассуждения в этом случае стро-

ятся по такой логике: «неважно, какова страна на самом деле и какие у нее проблемы — давайте заплатим миллиарды пиар-компаниям, давайте во всех СМИ будем писать только самовосхваления, и к нам потянутся все народы!». Реальная жизнь уже многократно опровергала подобные расчеты на всемогущество пропаганды, однако заинтересованные лица продолжают продвигать именно такое понимание имиджевых аспектов «мягкой силы».

В реальности самой эффективной имиджевой политикой всегда было следование простому принципу: «Надо быть, а не казаться». Пропанганда и пиар слабы, если они не опираются на реальные привлекательные качества продвигаемого объекта. В условиях современного мира, когда по разным каналам легко получить альтернативную информацию, «лобовая» и откровенно тенденциозная пропаганда может не только не улучшить, но и ухудшить восприятие страны на мировой арене. При этом нужно учитывать принцип «адресности»: в разных странах существуют подчас совершенно разные ценностные предпочтения.

Было бы ошибкой, например, продвигать в одном и том же виде фоторепортаж о российском конкурсе женской красоты, скажем, в Нидерландах и в Иране. Кроме того, нужно учитывать, что пропагандистское продвижение страной своих «эгоистических» интересов (например, по расширению собственных территорий) вряд ли может получить положительный отклик у других стран. Скорее наоборот. Положительный отклик может вызвать высокий, «надэгоистичный» месседж, направленный на решение каких-то общих, актуальных для всего человечества глобальных проблем. Именно это лежало, кстати, в основе «мягкой силы» Советского Союза: страна представлялась многим за рубежом как «опора сил социальной справедливости в борьбе за мир и против империализма». И хотя здесь тоже имела место пропагандистская идеализация, это в определенной степени опиралось на отдельные реалии и поэтому работало на международный имидж страны.

Какой «высокий месседж», какой позитивный образ будущего могут предложить миру современная Россия и другие крупные страны? Этот вопрос пока остается открытым. И данная тема не раз поднималась участниками прошедшей в сентябре 2017 г. конференции.

Ежегодные конференции под общей темой «Современная Россия и мир: альтернативы развития» АШПИ проводит с 1996 г. В этом году учредителями конференции стали Алтайская школа политических исследований, Алтайский государственный университет (кафедра всеобщей истории и международных отношений), Конгресс интеллиген-

ции Алтайского края и Российская ассоциация политической науки. Во время конференции работали две тематические книжные выставки, организованные научной библиотекой АлтГУ и краевой универсальной научной библиотекой¹.

Открывая работу конференции, профессор **Ю.Г. Чернышов** отметил, что ключевые понятия «имидж» и «мягкая сила» со временем становятся все более многозначными, и поэтому при изучении данной темы в первую очередь необходимо четче определять то содержание, которое в них вкладывается. С приветствием к участникам конференции обратились проректор по научному и инновационному развитию АлтГУ **Е.С. Попов** и декан исторического факультета **Е.В. Демчик**. Было отмечено, в частности, что эта конференция сама уже стала фактором «мягкой силы», поскольку она способствует улучшению научного имиджа и университета, и всего региона.

Затем состоялся вебинар, на котором выступили специалисты из разных городов — **Т. Рокки** (Торонто, Канада), **Г. Григорян** (Ереван, Армения), **В.Р. Филиппов** (Москва), **С.И. Кузина** (Ростов-на-Дону), **А.Н. Харин** (Киров) и присутствовавшая «очно» **Е.Ю. Лицарева** (Томск). По каждому докладу были заданы вопросы, иногда переходившие в дискуссии. В целом вебинар оказался интересным, и благодаря помощи сотрудников научной библиотеки АлтГУ он прошел без каких-либо серьезных технических сбоев.

После завершения вебинара начались выступления ученых из АлтГУ, Барнаульского государственного педагогического университета и Барнаульского филиала Финансового университета при Правительстве РФ (**О.А. Аршинцева**, **В.С. Бойко**, **О.Ю. Курныкин**, **А.М. Бетмакаев** и **И.Н. Юдина**). Первые доклады были посвящены теоретико-методологическим аспектам, а затем были рассмотрены и многие конкретные практики применения «мягкой силы» в истории и в современном мире.

29 сентября работа конференции началась с докладов экспертов-политологов из Новосибирска, представителей Сибирского института управления — Филиала РАНХиГС при Президенте РФ (**С.В. Козлов**, **Д.В. Березняков**, **В.В. Демидов**, **А.М. Барсуков**). Различные примеры использования мягкой силы рассмотрели также в своих докладах международник (**Н.С. Малышева**), историк (**В.Н. Козулин**), географ (**А.В. Кротов**), востоковед (**Ю.Н. Цыряпкина**). Общим выводом стало то, что в разных странах встречаются не только разные «инструменты»

¹ В приложении к данному изданию приводится список литературы по теме, подготовленный А.Н. Левкович, сотрудницей Алтайской краевой универсальной научной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

и ресурсы, но и разные понимания того, что представляет собой политика «мягкой силы». Эта тема уже начинает рассматриваться отечественными исследователями [см., например: 10; 11; 12], однако она, несомненно, заслуживает еще более подробного изучения.

Завершила конференцию секция молодых исследователей. Выступления девяти докладчиков (*Д.М. Безнадежных, Е.А. Бикетова, Ю.И. Бокова, М.А. Вахрушева, А.А. Гурьянова, А.Д. Дерендяева, С.Ф. Назаршоева, Н.Ю. Самойлов, П.В. Ульянов*) были весьма успешны и вызвали оживленную дискуссию. Всем молодым авторам по итогам были вручены сертификаты.

При подведении итогов конференции было отмечено, что позиции и оценки разных авторов нередко различались, что способствовало содержательной дискуссии. Вместе с тем обсуждение было полезно еще и тем, что в ходе него обозначился целый ряд вопросов, на которые стоит дополнительно обратить внимание. С учетом этого была намечена и тема следующей конференции АШПИ. Она будет связана с продолжением изучения имиджа страны [см. уже опубликованные выпуски «Дневника АШПИ»: 13; 14; 15; 16] и конкретных практик применения «мягкой силы» в международных отношениях.

Литература

1. Чернышов Ю.Г. Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях: история и современность (итоги интернет-конференции) // Известия Алтайского государственного университета. Серия «Исторические науки. Археология». 2017. № 5.
2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
3. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
4. Nye J.S. Jr. In Mideast, the Goal Is “Smart Power” // The Boston Globe. 2006. August 19.
5. Бабаян Д. «Мягкая сила» и «жесткая слабость» в китайско-монгольских отношениях // Международные процессы. 2016. Т.14. № 4.
6. Лебедева М.М. «Мягкая сила»: понятие и подходы // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 3(54).
7. Гравер А.А. Имидж и бренд страны: понятия и направления исследования // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2012. № 3.
8. Гринберг Т.Э. Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели // Реклама и PR. 2008. № 2.

9. Чупрова И.А. «Имидж» и «образ» страны: проблема демаркации понятий // Право и управление. XXI век. 2015. № 4 (37).

10. Дейч Т.Л., Сериккалиева А.Е. «Мягкая сила» как орудие политики Китая в Африке // Азия и Африка сегодня. 2017. № 3 (716).

11. Егоров А.И., Гудгольд А.М. «Мягкая сила»: немецкий опыт реализации // Вестник Поволжского института управления. 2017. Т. 17. № 1.

12. Лебедева М.М., Харкевич М.В. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2.

13. Дневник АШПИ. №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке). Барнаул, 2007. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn23.html>

14. Дневник АШПИ № 24. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны). Барнаул, 2008. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn24.html>

15. Дневник АШПИ № 25. Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона). Барнаул, 2009. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn25.html>

16. Дневник АШПИ. № 26. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения). Барнаул, 2010. URL: <http://ashpi.asu.ru/prints/dn26.html>

1. ИМИДЖ СТРАНЫ И «МЯГКАЯ СИЛА»: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЙ

О.А. Аршинцева

Джозеф С. Най и концепт «мягкой силы»: дискуссионные вопросы прикладного анализа

В условиях возрастающей неопределенности мировой политики вопрос о ресурсах влияния ее акторов остается в фокусе интереса специалистов-международников. Тематика конференции сразу отсылает нас к одному из самых популярных вариантов их классификации исходя из природы воздействия, предложенному влиятельным американским специалистом-международником Джозефом Наем-младшим. Общеизвестно, что именно он ввел в оборот понятия «жесткая сила» — экономические и военно-стратегические ресурсы, и «мягкая сила» — политические ценности, массовая культура и успешная внешняя политика и дипломатия [1].

Со времени появления концепции Джозефа Ная прошло более 25 лет — срок вполне достаточный для того, чтобы подвести некоторые итоги, однако сделать это непросто — учитывая грандиозные масштабы распространения его идей. Выход в свет каждой новой книги Дж. Ная, включая работу 2015 г. «Is the American Century Over?» [2], сопровождается множеством комментариев и рецензий. А вышедшая в свет в 2004 г. книга «Soft Power. The Means to Success in World Politics» двумя годами позже была переведена и опубликована на русском языке [3; 4]. Сам ученый в публичных лекциях и интервью активно интерпретирует основные положения своей концепции применительно к текущим процессам мировой политики. Таким образом, библиография оригинальных публикаций и посвященных ему исследований не только значительна по объему, но и постоянно пополняется. Четко определенный формат данного текста, скромные способности автора и внушительный список пишущих на сходные темы обусловили постановку прикладной и вполне конкретной цели в соответствии с тематикой конференции. Представляется интересным, во-первых, свести воедино имеющиеся впечатления от наиболее типичных отечественных разработок концепта «мягкой силы» (оговоримся сразу, что предлагаемый обзор не претендует на универсальность и весьма субъективен). И, во-вторых, что важнее, по возможности выяснить, изменилась ли авторская трактовка «мягкой силы» и как выглядит ее новейшая версия.

Благодаря своей концепции гарвардский профессор Дж. Най давно превратился в живого классика, а сам термин «мягкая сила» вышел далеко за пределы узко профессионального словаря международников, внедрившись в «широкие народные массы» гуманитариев, политиков и дилетантов. Даже современные наследники советской пропагандистской традиции, с неувядающим энтузиазмом обличающие американский гегемонизм, приспособили это сверхпопулярное понятие к своим целям. Кто кроме узких специалистов знает имена или слышал о заслугах Э. Карра, Г. Моргентау, К. Уолца и даже (не побоюсь сказать) Зб. Бжезинского? А при одном упоминании «мягкой силы» неизбежно возникает фигура Дж. Найа, пусть даже не всегда называется его имя.

Всевозможные обзоры и интерпретации заняли свое место в отечественных учебниках по теории международных отношений и мировой политике, глоссарии содержат более-менее единообразное определение ресурсов «жесткой» и «мягкой силы». Справедливости ради отметим, что этого не произошло бы без серьезных фундаментальных исследований начала 2000-х гг., в которых были выявлены и исследованы нормативно-теоретические основания предложенных Наем категорий. Особого упоминания в этом ряду заслуживают работы Ю.Д. Давыдова (ныне покойного) из ИСКРАН [5]. В рамках академического подхода данное направление исследований нашло успешное продолжение у Е.М. Харитоновой (ИМЭМО РАН), в основном на британском материале. Вместе с тем, некогда оригинальная концепция стала почти хрестоматийной, поэтому создается впечатление, что пик ее популярности у специалистов-международников пройден, хотя они продолжают внимательно следить за эволюцией взглядов самого Найа. Как живой классик он особенно интересен молодым исследователям — о чем свидетельствуют их статьи в специальной периодике и диссертации на соответствующие темы. В качестве наиболее свежего примера сошлемся на диссертацию Л.Р. Рустамовой «„Мягкая сила“ во внешней политике современной Германии» [6], подготовленную под руководством известного отечественного специалиста по проблемам мировой политики М.М. Лебедевой, и исследования аспиранта Дальневосточного федерального университета Жуной Иня «Мягкая сила, жесткий разрыв: мягкая сила России и Китая во взглядах Джозефа Найа» [7]. Внимание начинающих продиктовано и чисто прикладными целями методологического и источниковедческого анализа в рамках конкретных внешнеполитических и международных исследований. Так, они сразу отметили поворот от первоначальной версии к проблеме эффективности применения силы «smart power» [8; 9].

На этом фоне примечателен возрастающий интерес к проблематике «мягкой силы» со стороны представителей смежных предметных

областей «чистой» политологии, культурологии и философии. При этом они склонны сводить концепцию к категории «мягкой силы», хотя для самой Ная характерна комплексная трактовка ресурсов влияния и обеспечения безопасности. При знакомстве даже с лучшими, выдержанными в строго академической манере исследованиями — например, уральского философа О.Ф. Русаковой [10] — трудно отделаться от впечатления, что специалистам-международникам все сложнее найти свое место в междисциплинарном предметном пространстве. Тем более что некоторые тексты стилистически столь своеобразны, что с трудом поддаются пересказу, только цитированию. Так, например, в авторской аннотации сформулирована основная идея статьи А.И. Андреева «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении»: «Автор доказывает, что „мягкая сила“ выстраивается в виде определенной контекстуально детерминированной структуры с переменной конфигурацией. Ключевой элемент этой структуры, определяющий ее неповторимый „профиль“ и внутреннюю связность, — способность „задавать смыслы“. С этих позиций в статье рассматривается вопрос о наличии (или отсутствии) в российской политике факторов „мягкой силы“. Ответ на него дается в контексте альтернативных вариантов социально-исторического развития современного глобального мира» [11, с. 122].

В рамках того же междисциплинарного подхода с начала 2010-х гг. получила распространение отечественная практика междисциплинарных дискуссий по проблемам «мягкой силы» на различных академических площадках, что, конечно, способствовало популяризации идей Дж. Ная и либерального международно-политического дискурса в целом. Судя по материалам конференций, опубликованным в виде коллективной монографии «Soft power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ» [12], потенциал «мягкой силы» рассматривался, главным образом, в пространстве массовых коммуникаций.

Случайно или нет, примерно в это же время термин «мягкая сила» стал достоянием официальной внешнеполитической риторики, включая высказывания российских политических лидеров и формулировки программных документов. Официальный шаблон был задан В.В. Путиным в ходе предвыборной президентской кампании 2012 г.: «В ходу все чаще и такое понятие, как „мягкая сила“ — комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия. К сожалению, нередко эти методы используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внут-

ренную политику суверенных государств» [13]. В приведенной цитате примечательно определение «мягкой силы» в контексте перечисления угроз государственному суверенитету. Двойственность официальной позиции становится очевидной, если сравнить путинское высказывание с вполне нейтральной, констатирующей формулировкой Концепции внешней политики РФ 2016 г. В документе использование инструментов «мягкой силы» для решения внешнеполитических задач признается «неотъемлемой составляющей современной международной политики», а в качестве таковых названы — в дополнение к традиционным дипломатическим методам — прежде всего возможности гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий [14].

В результате предпринятого обзора возникает столь пестрая картина, что неизбежно возвращает нас к первоисточнику для поиска конкретных ответов на конкретный вопрос: появилось ли что-то принципиально новое в авторском варианте концепции Дж. Най? Правда дошлые критики легко ловят его на противоречиях и предъявляют претензии по поводу не совпадающих и даже противоречащих друг другу определений «мягкой силы» в одном тексте. Признавая частную правоту таких критиков, все же нельзя не заметить некую внутреннюю преемственность, сквозную логику концепции, которая просматривается на всех этапах ее эволюции — при всем тематическом разнообразии, специфике привлекаемого фактического материала, меняющемся соотношении прикладных и академических задач текстов и авторских интерпретаций. Позволим себе сформулировать несколько обобщающих тезисов.

Главным предметом интереса Дж. Най остается американское лидерство, его параметры и перспективы трансформации, включая такую важную сферу как информационное пространство. Собственно, проблема вынесена в заголовок книги 2015 г. «Закончился ли американский век?» Ключевое понятие — относительный подъем-упадок, основной метод — сравнительный анализ. Исходя из логики рассуждений, самый серьезный современный вызов американскому лидерству исходит от Китая, которому посвящена отдельная глава. Оценивая потенциал его влияния, Най считает, что его существенно ограничивает то, что государство сосредотачивает в своих руках все виды ресурсов — экономических, военных, «мягкой силы». Сравнивая сильные и слабые стороны позиции Китая в мире, Най остается оптимистом в части перспектив американского лидерства [2, р. 46].

«Дух и буква» наевской концепции — комплексный характер ресурсного потенциала: «жесткая» и «мягкая сила» не действуют по отдельности. Если признать исходную (для анализа) американскую мо-

дель за эталон, то успех или неуспех на конкретном направлении определяется степенью оптимального сочетания (разумностью использования) разных видов ресурсов. Предложенный Наем (в соавторстве с Ричардом Армитиджем, бывшим заместителем госсекретаря) термин “smart power” скорее продиктован соображениями стилистического единообразия и сам требует уточнений. Однако он хорошо демонстрирует общую логику рассуждений Ная, согласно которой для выработки искомого «разумного» варианта политики и достижения желаемых результатов правительства должны, прежде всего, оценить имеющиеся в их распоряжении ресурсы и понять, где они могут быть применены. Начать уместно с исчисления ресурсного потенциала, а для этого его следует разложить на составляющие компоненты. Отсюда понятна высокая оценка, которую у Дж. Ная заслужила практика составления рейтингов государств по критериям «мягкой силы» — Soft Power Index, первый вариант которого под руководством Д. МакКлори был опубликован в 2010 г. британской некоммерческой организацией Институт управления и стал ежегодным. По версии 2015 г. The Soft Power 30 мировым лидером с точки зрения «мягкой силы» является Великобритания, за ней следуют Германия и США, на последнем 30-м месте Китай, Россия в первую тридцатку не попала [15].

Возвращаясь к позиции Ная, более чем уместно привести его оценку «силы и слабости» России с точки зрения основных составляющих ее ресурсного потенциала. Наряду с ядерным потенциалом, достаточным для разрушения США, огромным пространством, значительными природными богатствами силу страны составляют образованное население и квалифицированные ученые и инженеры — к этому перечню внутренних факторов Най добавляет хорошие отношения с Китаем, основанные на общем для обеих стран нелиберальном внутреннем состоянии, правда, их сдерживает остаточное исторически сложившееся недоверие. Слабости явно перевешивают — это разнообразные внутренние проблемы: корпоративная экономика, демографии, этническая разобщенность, состояние здоровья нации, коррупция и пренебрежение к правовому регулированию, а также отсутствие долгосрочной стратегии развития страны. Поэтому Россия вряд ли восстановит потенциал, которым обладал СССР в качестве реального противобеса США, или достигнет такого уровня возможностей, чтобы положить конец «американскому веку» [2, р. 32]. Отвечая на вопрос об эффективности использования «мягкой силы», Най предлагает оценить его результаты по участию отдельных стран в производстве глобальных общественных продуктов (global public goods), к примеру, чистого воздуха или финансовой стабильности, что, очевидно, требует разработки новых или дополнительных критериев. Таким образом, пребы-

вая в динамичном состоянии, позиция Дж. Ная ждет новых интерпретаторов и исследователей. Плохо или хорошо, но отсутствие канонического определения «мягкой силы» стимулирует творческий поиск недогматических подходов и внимание исследователей к контексту.

И напоследок частный, имеющий скорее чисто академический интерес вопрос о принадлежности Дж. Ная к тому или иному направлению современной теории международных отношений. Считать американского политолога «мягким реалистом» с глобалистским уклоном или «чистым» либералом — подобные дискуссии имеют право на существование, если в качестве стартовых условий признаны: а) известная степень абстракции в постановке самого предмета; б) мифологичность популярной конструкции «великих дебатов» в теории международных отношений; в) все большая плюралистичность теории, методологии и методов международного анализа.

Литература

1. Nye Jh. S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990. URL: <http://www.kropfpolisci.com/exceptionalism.nye.pdf>
2. Nye Jh. S. Is the American Century Over? Cambr., 2015.
3. Nye Jh. S. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
4. Най Дж. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / пер. с англ. Новосибирск, М., 2006.
5. Давыдов Ю.Д. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // США — Канада: экономика, политика, культура. 2007. № 1. С. 3–24.
6. Рустамова Л.З. «Мягкая сила» во внешней политике современной Германии. Дисс. ...к. полит. н. М., 2006. URL: http://mgimo.ru/science/diss/rustamova_diss.pdf
7. Жуюй Инь. Мягкая сила, жесткий разрыв: мягкая сила России и Китая во взглядах Джозефа Ная // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 4. С. 255–265. URL: <http://www.publishingvak.ru/file/archive-politology-2016-4/22-zhuyui-in.pdf>
8. Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 173–177.
9. Чихарев И. «Умная мощь» в арсенале мировой политики // Международные процессы. Т. 9. № 1 (25). Январь–апрель 2011.
10. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2010. Вып. 10. URL: <http://www.ifp.uran.ru/files/publ/eshegodnik/2010/13.pdf>

11. Андреев А.Л. «Мягкая сила»: аранжировка смыслов в российском исполнении // Полис. Политические исследования. 2016. № 5. С. 122–133.

12. Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ: колл. монография / сост. и ред Е.Г. Борисова. М., 2015. URL: <http://iknigi.net/avtor-kollektiv-avtorov/123220-soft-power-myagkaya-sila-myagkaya-vlast-mezhdisciplinarnyy-analiz-kollektiv-avtorov/read/page-1.html>

13. Московские новости. 27 февраля 2012 г. URL: <http://www.mn.ru>

14. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г. // МИД РФ. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

15. McClory J. The Soft Power 30. Portland, 2015. URL: http://softpower30.portland-communications.com/pdfs/the_soft_power_30.pdf

Д.В. Березняков, С.В. Козлов
«Мягкая сила» государства и формирование
международных альянсов

Классическое политическое различие внутреннего и внешнего, реализуемое, в первую очередь, в противопоставлении внутренней и внешней политики [1], предполагает, что государство как институционализированная монополия легитимного насилия выступает в качестве суверенного субъекта, конкурирующего с другими аналогичными субъектами, в пространстве, в котором нет централизованного органа управления. Эту идею, в частности, выражает знаменитый тезис реализма об анархической природе международных отношений как сферы соперничества самостоятельных Левиафанов.

Вместе с тем, актуальное состояние мировой политики демонстрирует два очевидных обстоятельства. С одной стороны, в ситуации постбиполярного мира и постепенной утраты Соединенными Штатами статуса глобального гегемона [2; 3] растет число стран, претендующих на роль макрорегиональных лидеров, преследующих собственные геополитические и геоэкономические интересы. С другой стороны, самостоятельные государства в условиях нарастающей неопределенности вынуждены искать потенциальных или реальных союзников, которые бы позволяли осуществлять среднесрочное планирование коллективных действий на международной арене. Это привело к тому, что за последнюю четверть века мы имеем значительный количественный рост числа межгосударственных объединений, которые вынуждают их участников к кооперативной политике и отказу от части национально-

го суверенитета в пользу наднациональных структур. Модельным примером этого, безусловно, является Европейский Союз.

В этой связи рассмотрение проблематики «мягкой силы» приобретает новое измерение. Безотносительно к многообразным трактовкам самого феномена «мягкой силы» [4; 5], она всегда рассматривается как совокупность методов и технологий, используемых именно суверенным государством, реализующим свои национальные интересы посредством ресурсов символической (а не политической или экономической) власти в терминологии М. Манна [6]. В условиях резкого возрастания запросов на межгосударственные союзы суверенные государства сталкиваются с проблемой адаптации своих внешнеполитических стратегий с общей стратегией альянсов, членами которых они являются. Это самым серьезным образом проблематизирует традиционные модели политики «мягкой силы», которые применялись на рубеже XX–XXI веков.

Ниже мы попытаемся обозначить ключевые проблемы, которые встают при реализации политики «мягкой силы» государствами как членами международных союзов, претендующими на статус самостоятельных субъектов мировой политики, используя при этом теоретический инструментарий концепции альянсов в исследованиях международных отношений [7; 8; 9; 10]. Иными словами, в центре внимания будет вопрос о том, как соотнести политики «мягкой силы» самостоятельных государств с необходимостью реализации политики «мягкой силы» альянсов, членами которых они являются.

1. Проблема асимметричного статуса участников альянсов при реализации политики «мягкой силы». Концепция альянсов в теории международных отношений предполагает, что суверенные государства в рамках альянсов объединяют ресурсы разного типа для совместного противостояния внешним вызовам и угрозам, источником которых выступают государства, которые не входят в данный альянс. При этом внутренняя структура самого альянса характеризуется изначальным статусным неравенством его членов, что приводит к структурной асимметрии. Альянсы складываются вокруг держав-гегемонов, имеющих более мощный потенциал ресурсов разного типа. Однако именно держава-гегемон берет на себя основные издержки по содержанию альянса. Основной тип издержек, который фиксируется в данном случае, — это издержки по оказанию услуг безопасности. В такой ситуации возникает проблема доминирования державы-гегемона, стремящейся навязать своим союзникам собственное понимание коллективного «мы» конкретного альянса, которое может идти вразрез с представлениями младших партнеров. Это усугубляется тем фактом, что держава-гегемон может искать способы компенсировать свои из-

держки по обеспечению безопасности и совместной экономической политики в символическом плане. Поэтому сфера «мягкой силы» — это сфера латентных и потенциальных конфликтов между участниками альянсов, основанных на их собственных культурно-политических традициях и сформированных идентичностях.

2. **Проблема субъекта политики «мягкой силы».** Специфика реализации «мягкой силы» во внешнеполитическом пространстве предполагает отсутствие консолидированного субъекта ее реализации. Отсутствие такого субъекта можно рассматривать как константу, которая непосредственно не зависит от характера политического режима и приоритетов внешней политики тех или иных государств. Глубинная причина этого факта определяется статусом интеллектуальных элит в высокодифференцированных обществах. Эти элиты всегда пользуются относительной автономией, поскольку именно они, обладая символическим капиталом, способны продуцировать базовые нарративы, формирующие идентичность и тексты высокой культуры. Кроме того, сфера культуры и символического производства трудно поддается монополизации государством (и традиционно не включается в сферу трех классических монополий, связанных с веберийским пониманием государства). В современных условиях неолиберальной глобализации проводниками «мягкой силы» выступают не столько государственные чиновники, реализующие установки официальных доктрин, сколько разного рода акторы культурной индустрии в широком смысле слова (массмедиа, киноиндустрия, некоммерческие организации, образовательные структуры и проч.). Соответственно можно говорить не о целостном субъекте, а о дифференцированном наборе акторов, между которыми никогда не будет полного взаимопонимания относительно реализуемых целей и задач. Отдельного внимания заслуживает не только фактор автономии интеллектуальных элит, но и фактор специфики регионов, из которых состоят национальные государства, входящие в альянсы. Регионы тоже могут формировать собственную локальную политику, ориентируясь на региональную идентичность и устойчивые культурно-политические связи с приграничными регионами партнера по альянсу.

3. С отсутствием консолидированного субъекта реализации «мягкой силы» непосредственно связана **проблема различения *politics* и *policy* как ее самостоятельных измерений.** Плохо маркируемое в русскоязычном политологическом дискурсе различие политики как институализированного конфликта различных акторов (*politics*) и политического курса, ориентированного на решение актуальных публичных проблем (*policy*), может быть осмыслено примени-

тельно к заявленной проблематике на двух уровнях: уровне национального государства и уровне альянса как целого.

На национальном уровне, как мы отмечали выше, консолидированный субъект «мягкой силы» отсутствует. Но в ситуации идеологической конкуренции различных сил видение позитивного образа коллективного «мы» стран и альянса постоянно оспаривается и по сути не представляет из себя некой «(над)национальной идеи», разделяемой всеми конкурирующими сторонами. Поэтому жесткие идеологемы, однозначно маркирующие идентичность, в данном случае, как правило, не используются, чтобы не провоцировать углубление имеющегося конфликта. Символические ресурсы политики «мягкой силы» часто тяготеют к использованию таких символов и метафор, которые снижают потенциальную конфликтность национальных идентичностей.

На уровне альянса с учетом его асимметричной структуры «мягкая сила» как *policy* требует высокого уровня консолидации интересов его участников, что труднодостижимо, учитывая различия в экономических и политических интересах. На уровне *politics* сфера «мягкой силы» может быть рассмотрена как пространство конфликта в двух основных плоскостях — между державой-гегемоном и другими участниками альянса, которые опасаются культурно-политического доминирования главного актора, и отдельными участниками альянса, каждый из которых может иметь свое видение коллективного будущего.

4. Проблема экономикоцентричного дискурса, используемого для описания «мягкой силы». Концепция «мягкой силы» появляется в эпоху господства неолиберализма как нарратива, задающего словарь для концептуализации мир-системных трансформаций рубежа XX–XXI веков. Его ключевой особенностью является апология рынка как пространства максимизации прибыли и минимизации затрат рациональными акторами, будь то ТНК или национальные государства. Международные отношения в его рамках понимаются не как поле идеологических и ценностных конфликтов, а как сфера конкуренции акторов, использующих инструменты идеологически нейтрального менеджмента и маркетинга. Соответственно отдельные страны рассматриваются как аналоги товаров, которые продаются при помощи технологий национального маркетинга, определяемого Ф. Котлером как «систематический подход, имеющий целью помочь амбициозным нациям сделаться заметными и достичь своих имиджевых целей рентабельным способом» [11, с. 18]. Хотя этот подход эффективен с точки

зрения экономических акторов, он не способен описать логику поведения государства в сфере реализации политики «мягкой силы». Претендуя на идеологическую нейтральность, он осуществляет коммодификацию символической сферы, оперирующей ценностно нагруженными смыслами. Происходит редукция феномена «мягкой силы» к его маркетинговому измерению, что в условиях усиливающихся идеологических конфликтов и военно-политического противостояния в различных регионах мира не может адекватно отразить всю сложность происходящих в символической сфере процессов.

Обозначенные выше проблемы, безусловно, не характеризуют всех трудностей осмысления феномена «мягкой силы» на национальном и межгосударственном уровнях. Вместе с тем, учет обозначенных проблем, с нашей точки зрения, позволит стимулировать научные дискуссии с целью выработки интеллектуального инструментария, адекватного быстро изменяющимся реалиям мировой политики.

Литература

1. Walker R.B.J. *Inside/Outside: International Relations as Political Theory*. Cambr., 1993.
2. *Закат империи США: Кризисы и конфликты*. М., 2013.
3. Mann M. *Incoherent Empire*. L., 2003.
4. *Soft power: теория, ресурсы, дискурс* / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015.
5. *Soft Power, мягкая сила, мягкая власть. Междисциплинарный анализ* / под ред. Е. Борисовой. М., 2015.
6. Mann M. *The Sources of Social Power. Vol. I. A History of Power from the Beginning to AD 1780*. N.Y., 2012.
7. Walt S. *Alliances in Unipolar World // World Politics*. 2009. № 61 (01).
8. Snyder G. *Alliance Politics*. Itaca; N.Y., 1997.
9. Gelpi Ch. *Alliances as Instruments or Intra-Allied Control or Restraint* / Н. Haftendorn, R. Keohane, C. Wallander (ads.) // *Imperfect Unions: Security Institutions over Time and Space*. N.Y., 1999.
10. Olson M., Zeckhauser R. *An Economic Theory of Alliances // The Review of Economics and Statistics*. 1966. № 48 (3).
11. Паршин П.Б. Проблематика «мягкой силы» во внешней политике России // *Аналитические доклады Института международных исследований МГИМО (У) МИД России*. 2013. Март. Вып. 1 (36).

К.М. Табаринцева-Романова
Эволюционные изменения концептов:
«мягкая сила», культурная политика
и внешнеполитический имидж

Для Европы, как колыбели западной цивилизации, культура приобретает экзистенциальный смысл в качестве ответа на вызовы последнего десятилетия и как основа для преодоления кризиса идентичности. Учитывая складывающиеся тенденции, можно предположить, что роль и значение международных культурных отношений на мировой арене в дальнейшем будут только укрепляться и развиваться. Таким образом, исследование этого феномена позволит точнее прогнозировать и анализировать векторы и подходы в современной европейской дипломатии. Явным доказательным примером может послужить представленная Европейской комиссией в июне 2016 г. «Новая стратегия развития международных культурных отношений». Ее основными целями стали: укрепление культурного сотрудничества и взаимодействия между ЕС и странами — партнерами; мировой порядок, основывающийся на мире, на уважении прав человека, на свободе выражения, на взаимном понимании и уважении фундаментальных ценностей. Ф. Могерини отметила, что «культура должна стать неотъемлемой частью внешней политики ЕС, ... культурная дипломатия должна всегда быть в центре наших отношений с сегодняшним миром» [1].

В связи с такими изменениями, на наш взгляд, требуется теоретико-методологический пересмотр связки концептов: «мягкая сила» — публичная дипломатия — культурная дипломатия. Традиционно при широком толковании «мягкая сила» воспринимается как все внешнеполитические действия государства, направленные на формирование и укрепление положительного имиджа страны, естественно, без применения какой-либо силы. Инструментом реализации «мягкой силы» является публичная дипломатия, под которой понималось до последнего времени классическое определение Эд. Гуллиона и Э.Р. Мэрроу, которое «включает в себя измерения международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии: культивирование правительствами общественного мнения в других странах, взаимодействие частных групп и интересов одной страны с другой, освещение международных отношений и их влияния на политику государства, взаимодействие между теми, чья работа заключается в коммуникации (дипломаты и зарубежные корреспонденты) и процесс межкультурных коммуникаций... Центральным моментом для публичной дипломатии является транснациональный поток информации и идей» [2]. Соответственно, культурная дипломатия являлась отраслью публичной ди-

пломатии и определялась как система мер, реализуемых правительственными и неправительственными акторами, которые осуществляют свои внешнеполитические задачи через определенные культурные механизмы: организация фестивалей, культурных недель, выставок и т.д.

Однако последнее десятилетие характеризуется достаточно резким изменением научного дискурса: появляется все больше работ, посвященных «новой публичной дипломатии», все чаще поднимается вопрос — возможно ли четко разграничить «мягкую» и «жесткую» силу (феномен информационных и гибридных войн)? Прежде всего, это связано с усложнением и определенной мутацией форм, средств, способов реализации политического влияния. Как отмечает А.И. Подберезкин, «граница между «войной» и «миром», военной силой и дипломатией окончательно исчезла» [3].

Термин «публичная дипломатия 2.0» впервые употребил заместитель госсекретаря США Дж. Глассман в 2008 г., обозначив таким образом новый подход в рамках публичной дипломатии, предусматривающий использование социальных сетей, блогов, игровых мобильных приложений в реализации внешнеполитических задач США (прежде всего в борьбе с терроризмом) [4]. То есть происходит активное вовлечение новых технологий в систему внешней политики государства, размывающее традиционное понятие актора международных отношений, методы и инструменты ведения внешней политики, а также предметную область реализации последней, ставящее под вопрос, что входит в компетенции внегосударственной деятельности, а что относится к «внутренней» жизни государства. Таким образом, «социальная жизнь» экстраполируется на глобальный уровень, что приводит к тому, что у государства фактически не остается «ничего личного» — все превращается в инструмент манипуляции при формировании как положительного, так и отрицательного образа страны. Утрата главенствующей роли официальной классической дипломатии приводит к переосмыслению новых видов дипломатии. Вполне целесообразным, на наш взгляд, является отделение культурной дипломатии от публичной и рассмотрение ее как самостоятельного и независимого инструмента «мягкой» силы. Культурная дипломатия не сводится только к кино, концертам и выставкам, под ее компетенцию попадают креативная индустрия, мода, дизайн, реставрационные работы, привлечение туристического потока с целью культурного туризма, консолидация локальных идентичностей для продвижения межкультурного диалога. Например, археологические раскопки — это не только свидетельство прошлого, но и огромный ресурс для сообщества, которое живет вокруг них. Культурная дипломатия может быть описана как совокупность действий, которые основываются на обмене идей, ценностей,

обычаев и других аспектов культуры или идентичностей местного общества. В более широком смысле целью этих действий является укрепление на международном уровне межнациональных отношений, направленных на «создание социально-культурного сотрудничества; на укрепление на мировом уровне глобального лидерства наций, продвигающих косвенно национальные интересы» [5]. Основными принципами культурной дипломатии становятся: уважение и признание культурного разнообразия и культурного наследия; всеобщий межкультурный диалог; справедливость, равенство и социально-культурная взаимозависимость; международная защита прав человека; поиск всеобщего мира и стабильности.

Роль культурной дипломатии заключается в развитии межкультурного диалога на международном уровне. При этом концепт культуры также подвергается изменению: он становится более коммерческим, политизированным и, в некоторых случаях, милитаризованным. Основными акторами культурной дипломатии являются государства, НКО, институты культуры, международные организации и отдельные персоналии. Основная функция культурной дипломатии, минуя агрессивную пропаганду публичной дипломатии, – «мягко» формировать положительный образ государства и/или организации на международной арене. Стоит отметить, что на современном этапе развития международных отношений стратегия формирования имиджа страны и международной организации совпадают (более подробно см. [6]). Основными тенденциями в формировании имиджа становятся: размывание национальных границ (акцент на более мелкие сегменты: города, коммуны, регионы); усиление ценности идентичности (локальной, национальной, глобальной); увеличение роли культуры в международных отношениях.

Так, при формировании имиджа Европейского Союза на современном этапе стоит обратить внимание на следующие особенности:

1) стремление пересмотреть политику коммуникации и СМИ в рамках освещения самого ЕС — так на конференции «Будущее Европы» и на форуме «Гражданский диалог», прошедших в Риме 23–24 марта 2017 г., подчеркивалась необходимость в изменении подхода освещения новостей про ЕС: было предложено активно акцентировать внимание на достижениях ЕС, а не на кризисных моментах. Так, например, при упоминании о том или ином экономическом событии следовало бы упоминать о том, что это стало возможно только благодаря экономической интеграции и политике ЕС (отсутствие границ, единая валюта, система преференций и т.д.);

2) усиление единой европейской политико-культурной идентичности, формирование которой является необходимым базисом для даль-

нейшей интеграции европейских норм и институтов. По мнению европейцев, это позволило бы преодолеть растущее недоверие к евро и ЕС. Повышение ценности европейской идентичности влечет за собой инвестиции в культуру, образование, социальные службы, сохранение исторического и культурного наследия, европейских традиций;

3) активное вовлечение граждан ЕС в европейскую политику через участие в различных проектах;

4) политика ЕС должна сосредоточиться на «Европе территорий и городов», поскольку именно города и регионы исторически являлись колыбелью европейской культуры и богатства (достаточно вспомнить греческие полисы или идею Италии как страны тысячи коммун).

Таким образом, культурную дипломатию следует рассматривать не как отрасль публичной дипломатии, но как равнозначный элемент осуществления «мягкой силы», как правило, менее агрессивный и «быстрый», но обладающий широким спектром рычагов воздействия, не вызывающих отторжения у объектов, на которые направлены действия. Культурная дипломатия становится именно «мягкой» частью «мягкой силы», обладающей огромным неиспользованным и невостребованным ранее потенциалом. Стоит подчеркнуть, что культурная дипломатия становится одной из имиджеобразующих систем и отдельных территорий, государств и таких сложных структур, как Европейский союз, и в этом плане также выполняет одну из базовых функций «мягкой силы» как таковой.

Литература

1. Una nuova strategia volta a porre la cultura al centro delle relazioni internazionali dell'UE // European Commission. Press Releases Database. Press Release Details. URL: http://europa.eu/rapid/press-release_IP-16-2074_it.htm

2. Шамугия И.Ш. Понятие «публичная дипломатия» в теории международных отношений // IX Международная студенческая электронная научная конференция «Студенческий научный форум»-2017. URL: <http://www.scienceforum.ru/2017/2706/32077>

3. Подберезкин А.И. Основные понятия политики «новой публичной дипломатии» // Центр военно-политических исследований. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=analitika/osnovnye-ponyatiya-politiki-novoy>

4. Glassman J.K. Public Diplomacy 2.0: A New Approach to Global Engagement // US Department of State. Archive. URL: <https://2001-2009.state.gov/r/us/2008/112605.htm>

5. Cultural Diplomacy & Soft Power // Rebel Alliance Empowering. URL: <http://www.rebelalliance.eu/cultural-diplomacy.html>

6. Табаринцева-Романова К.М. Итальянская Республика: преемственность или разрыв в формировании политического образа страны // Италия: от Второй Республики к Третей? = Italy: from the Second Republic to the Third? Доклады Института Европы = Reports of the Institute of Europe / под ред. Е.А. Масловой. М., 2015.

К.А. Тарабарко
Концепция «мягкой силы культуры»
в китайском научном дискурсе

Дискуссия вокруг теории «мягкой силы» в Китае началась в середине 1990-х гг. В процессе «китаизации» рассматриваемая теория довольно быстро обнаружила национальную специфику — культуроцентричность. Это послужило основанием для формирования отдельного научного направления исследований, становления нового понятия и концепции «мягкой силы культуры» Китая. Анализ определенного количества научных источников по теме показал, что академические исследования в Китае носят фундаментальный характер, это способствует систематизации знаний в данной области и более глубокому пониманию феномена.

Рассуждая о концепте «мягкая сила культуры», исследователи КНР указывают на необходимость уточнения понятий «мягкая сила» и «культура», так как китайская концепция «мягкой силы культуры» является продолжением и развитием научных изысканий в области теории «мягкой силы» и теории «силы культуры». Множественность определений понятия «сила культуры» китайские исследователи объясняют комплексностью и размытостью самого содержания термина «культура». Отдельные ученые интерпретировали данное понятие согласно условиям, которые диктовала специфика конкретного исследования и область научных изысканий. Поэтому вопрос отсутствия универсального понятия «культура» остается открытым, вследствие чего ученые предпринимали попытки выработать определение «культуры» как элемента мягкой силы.

Так, профессор Чжан Гоцзо полагает, что для этого целесообразно выделить следующие уровни культуры: макро-, мезо- и микроуровень. На макроуровне понятие, помимо духовной культуры, включает материальную культуру (т.е. осязаемые предметы культуры, которые можно увидеть, все созданное человеком материальное, а также объекты природы, признанные человеком). На мезоуровне, по мнению исследователя, концепт «культура» ограничен функцией обеспечения

поддержки государственного развития «семи больших сфер»: экономики, политики, общества, экологической среды, национальной безопасности, дипломатии, партийного строительства. На этом уровне рассматриваемое понятие включает способность культуры распространять язык, письменность, имидж-образы; оказывать влияние на имеющиеся у людей идеологические представления о морали, ценностях и содержании государственных стратегий, включая знания социально-философских наук, различные предметы литературы и искусства. На микроуровне понятие «культура» включает, главным образом, отрасли науки, направления литературы и искусства, специальные знания в области законодательных и нормативных актов и политического строя. Чжан Гоцзо настаивает на том, что при исследовании «мягкой силы культуры» под «культурой» следует рассматривать содержание понятия, представленного на мезо- и микроуровне [1, с. 58].

Профессор Шэнь Хун'юй в своих научных изысканиях обосновывает схожую точку зрения, аргументируя свои научные взгляды с позиций китаизированного марксизма, где термин «культура» подразумевает определенную систему ценностей, способов мышления, идеалов и убеждений, языка и письменности, и других духовных ориентиров, которыми руководствуется человек в определенном обществе. Суть данного определения — система ценностей и образ мышления [2, с. 13]. Общим для большинства интерпретаций «культуры» как элемента «мягкой силы» является то, что в качестве базового компонента «мягкой силы» китайские исследователи рассматривают духовную культуру.

В западной философии культурную силу интерпретируют как влияние культуры, влияние, которое культура оказывает на развитие человеческого общества. Специфика китайской теории «силы культуры» заключается в том, что китайские исследователи рассматривают это понятие с двух точек зрения — экономической и социальной. С точки зрения экономики, «сила культуры» интерпретируется в китайском научном дискурсе как сила разнообразных культурных факторов, стимулирующих развитие производительных сил, или как сила преобразования и покорения природы человеком [3, с. 4]. С социальной точки зрения понимание «силы культуры» не однозначное. Культурную силу определяют как «производительные силы культуры» или как «мощь культуры». Однако подавляющее большинство ученых придерживаются позиции, что концепт «сила культуры» подразумевает «человеческую силу познания и преобразования». Гао Чжаньсян в своей монографии «Сила культуры» подчеркивает, что данное понятие указывает

на культуру, в которой заключена огромная сила. Эта «сила» не эквивалентна пониманию «силы» в физике, поэтому ее название «мягкая сила» — образное. В сущности, «физическая сила» используется человеком для преобразования природы, а «сила культуры» используется человеком для самосовершенствования [4, с. 2]. Шэнь Хун'юй полагает, что так называемая «сила культуры» указывает на содержащиеся в самой культуре активные и пассивные силы познания и самосовершенствования человека [5, с. 19]. Таким образом, ученые КНР подчеркивают антропологическую направленность китайской теории «силы культуры».

Устанавливая категориальные диалектические связи, китайские исследователи отмечают, что, хотя культурная сила — это не основная движущая сила общественного развития, но она играет важную роль в социальном развитии КНР. Культурная, экономическая и политическая силы оказывают влияние друг на друга и взаимно ограничиваются. С одной стороны, культурная сила — это отражение экономической и политической сил. Развитие экономических сил, ставшее основой развития какого-либо общества и достигшее определенной степени, может в значительной степени ограничивать развитие политической и культурной сил страны, тогда как определенного рода общественно-политические силы будут иметь влияние на культурную силу в духовном ее проявлении. С другой стороны, культурная сила может оказывать влияние на развитие экономической и политической силы. Сила экономики и сила политики различны, поэтому сила культуры — это форма морально-этического воздействия на духовную жизнь народа. И люди, подвергающиеся влиянию или ограничениям силы культуры, в общественной практике могут играть существенную роль в продвижении или ограничении социально-экономического и политического развития страны.

Таким образом, китайская концепция «силы культуры» как порождение научного и общественно-политического дискурса КНР содержит мощные антропологические и социетальные ресурсы: посредством культурных ресурсов человек стремится познать самого себя, а посредством культурного воздействия самосовершенствуется и гармонизирует свой социум.

Нельзя не отметить и тот факт, что исследования в области теории «мягкой силы» в КНР излишне политизированы и несут на себе отпечаток идеолого-пропагандистской работы КПК [6, с. 47–48]. Китайские исследователи, развивая официальную точку зрения, подчеркивают, что Китай является развивающейся страной, различные аспекты

общественной жизни все еще находятся в процессе развития, и по многим позициям по-прежнему существует отставание от показателей развитых стран. Поэтому в КНР научные изыскания в области теории «мягкой силы» должны быть сосредоточены не только на ее международном влиянии, но, прежде всего, на ее потенциале в решении вопросов внутреннего развития КНР. Только путем содействия здоровому развитию внутренних регионов страны и всестороннему развитию духовной жизни граждан можно, по мнению китайских теоретиков, укрепить собственную мягкую силу, повысив тем самым привлекательность КНР в других странах. Создание собственной мягкой силы — принципиальная позиция научного сообщества и официального Китая. Научные разработки в области теории «силы культуры» особо выделяют роль культуры и ее влияние на всестороннее развитие социального индивида. Основное внимание при изучении «силы культуры» сосредоточено на том, как содействовать всестороннему развитию граждан, что неизбежно определяет основное направление исследований в данной области, которые акцентируют внимание на идейно-политическом воспитании, теории информации, идеологии и т.п.

Дискурс «мягкой силы» и «силы культуры» породил гибридизированное понятие «мягкой силы культуры», которое стало неотъемлемой частью современной общественной мысли и философской рефлексии. Очевидно, что концепция «мягкой силы культуры» Китая является продолжением теоретических работ в области «силы культуры» и «мягкой силы».

Так что такое «мягкая сила культуры» Китая? Под влиянием многозначности концепта «культура», в китайском научном дискурсе можно выделить два понимания мягкой силы культуры: широкое и узкое. Первое подразумевает, что культурные ценности, идеология, социальный строй и культурные модели той или иной страны обладают привлекательностью, влиятельностью и конкурентоспособностью на международной арене. Такая мягкая сила культуры противопоставлена экономическим силам, военным и другим «твердым силам». С этой точки зрения, мягкая сила культуры включает в себя влияние творческих сил нации, авторитет идеологии, притягательность культуры и идеологии, а также силу распространения культурных продуктов. Мягкая сила культуры в узком понимании включает в себя дух национального единства, признание ключевых ценностных представлений, наследование и инновации национальной культуры и т.д. Основные ценности такой мягкой силы культуры — идеи, концепции и принципы — система ценностей. «Переносчики» (распространители) этой

системы ценностей — культурная продукция, мероприятия культурных обменов, культурное образование и средства массовой информации. Мягкая сила культуры в узком ее смысле, в основном, противопоставлена политической и дипломатической мягкой силе. Сфера ее влияния, привлекательности и потенциал национального сплочения ограничены рамками одного государства или региона.

По мнению китайских ученых, мягкая сила культуры играет важную роль в современном социальном развитии, поскольку страна, имеющая мощную мягкую силу культуры, не только может обеспечить всестороннее развитие своих граждан, но и существенно повысить показатели ВВП за счет развития отраслей культуры. В то же время мощная мягкая сила культуры в состоянии оказать сильное влияние на людей в других странах, тем самым повысить привлекательность и влияние отдельного государства на международной арене [7, с. 117]. Поэтому современные государства придают большое значение развитию национальной мягкой силы культуры. Отвечая требованиям времени, Китай также прилагает усилия по развитию собственной мягкой силы культуры, в целях содействия всестороннему развитию своих граждан и повышению международного влияния Китая.

В заключение отметим, что в китайском научном дискурсе фундаментальные исследования мягкой силы культуры сосредоточены на уточнении родственных понятий и теорий, их разведению и установлению категориальных диалектических связей. В целом, концепция «мягкой силы культуры» Китая достаточно систематизирована и отличается выраженной антропологической и ценностно-идеологической направленностью.

Литература

1. Чжан Гоцзо. Тезисы исследований мягкой силы культуры КНР. Пекин, 2015.

2. Шэнь Хун'юй. Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая. Дисс. ...д-ра наук. Пекин, 2013.

3. Гу Чуньфэн. Сила культуры. Пекин, 1995.

4. Гао Чжаньсян. Сила культуры. Пекин, 2007.

5. Шэнь Хун'юй. Исследование вопросов мягкой силы культуры современного Китая. Пекин, 2013.

6. Ху Цзиньтао. Высоко держать знамя социализма с китайской спецификой и добиваться новых побед во всестороннем строительстве общества сяокан: доклад на XVII съезде КПК, 15.10.2007. Пекин, 2009.

7. Гу Фэйтэн. Мягкая сила культуры Китая // Цзунхэ луньгань. 2013. № 7.

В.Р. Филиппов
«Имидж страны» как информационная модель

*Мы источник веселья — и скорби рудник.
Мы вместилище скверны — и чистый родник.
Человек, словно в зеркале мир, — многолик.
Он ничтожен — и он же безмерно велик!*

Омар Хайям

Имидж — образ? Вспомним марксистскую «теорию отражения»: наше сознание — это субъективный образ объективного мира. Можно как угодно относиться к В. Ленину, как к политику, но я не знаю, кто и когда убедительно опроверг это определение понятия «сознание». Соответственно, «наши представления *не есть* существующая вне нас действительность, а только *образ* этой действительности» [1, с. 66]. Не существует отдельного от сознания индивида образа чего бы то ни было, не существует надперсонального коллективного сознания.

Образ страны — это ситуативный субъективный ее образ в сознании (лучше было бы сказать в сознаниях) суммативного множества индивидов в том или ином социуме. Статистический характер такого социума заключается в том, что он совпадает с множеством дискретных единиц, не образующих при этом целостного образования, группы (например, жители Москвы, население Удмуртии, россияне). Такой социум имеет стохастическую природу: нахождение в его составе носит случайный характер. Он всегда будет гетерогенным по своему составу (если, конечно, мы не изучаем стереотипы восприятия той или иной страны в определенной социальной среде, среди студентов Московского университета, например). Поэтому нет, и не может быть, универсального образа страны в массовом сознании. Многое зависит от социального статуса индивидов, составляющих интересующее нас статистическое множество, от их политической культуры, образования, информированности и проч. Речь идет именно о «массовом сознании, как о виде общественного сознания, свойственного *большим неструктурированным множествам* людей» [2, с. 355].

Ситуативным этот образ будет потому, что в зависимости от обстоятельств он постоянно меняется. Перефразируя Франсуа де Ларошфуко («Ничье воображение не способно придумать такого множества противоречивых чувств, какие обычно уживаются в одном человеческом сердце») [3, р. 34]), можно смело сказать: «Ничье воображение не способно придумать такого множества противоречивых образов, какие обычно уживаются в одной человеческой голове». Ситуативным будет

и персональный состав социума, который мы имеем в виду, рассуждая об «имидже страны». Именно поэтому об образе (имидже?) страны в массовом сознании можно говорить лишь как о тенденции, как о более или менее распространенных в данном сообществе стереотипах и представлениях. Социологическое их изучение, на мой взгляд, дело неблагодарное: слишком изменчивы они, слишком подвижны и зависимы от внешнеполитической конъюнктуры.

О каком сообществе идет речь в контексте темы этой конференции? Вероятно, о гражданах тех или иных государств-наций. Говоря об образе того или иного государства и *государственной медийной политике*, нужно всегда помнить о дихотомии «наше государство» — «чужое государство». Очевидно, что вся мощь идеологического, информационного, пропагандистского воздействия государства на умы своих граждан (а, по возможности, и на умы граждан других государств) направлена на формирование исключительно позитивного восприятия своего Отечества и своих сограждан. Такая информационная модель инвариантна и здесь все зависит от вкуса и чувства меры бойцов идеологического фронта. Вот характерный пример ура-патриотизма: «Россия не может не быть великой державой. Более того, она должна быть мировой державой, в чем кроется залог сохранности всех народов евразийского пространства» [4].

Иное дело — формирование образа контрагента в международных отношениях. Здесь все зависит от характера взаимоотношений субъектов международного права. Вполне тривиальная истина: в случае дружественных отношений между государствами информационная политика формирует позитивный образ партнера (вспомним лозунг из нашего не столь отдаленного прошлого: «Русский с китайцем братья навек!») Прошли несколько десятилетий конфронтации, и этот лозунг трансформировался в пропагандистское клише «Китай — дружественная нам держава и стратегический партнер России»).

Если же страны пребывают в состоянии холодной или горячей войны, то недружественная страна и ее граждане рисуются в самых мрачных тонах. В моем архиве хранится листовка времен начала Великой Отечественной войны. На фоне истерзанной женщины мужчина со сжатыми кулаками надвигается на солдата в форме германского солдата. И призыв, написанный И. Эренбургом: «Если не будет в руках твоих даже камня, то вырви из груди своей сердце и брось его в мерзавца с автоматом!»).

Разумеется, лозунговый универсум лишь самая малая толика арсенала оружия, разработанного для ведения психологической войны. Формат тезисов не позволяет сколько-нибудь полно анализировать все

средства идеологического воздействия (изобразительные, литературные, научные, психологические, музыкальные, визуальные и проч.), разработанные для ведения информационных войн. Весь этот арсенал мобилизуется для внедрения в массовое сознание тех политических доктрин, которые продуцируются для обоснования права той или иной страны на лидерство или, напротив, для уличения контрагента в ущербности. Вспомним сочинения Э. Каррер д'Анкосс [5], обосновавшей возможность раскола СССР («империи зла») по границам национальных республик, или теорию «столкновения цивилизаций» С. Хантингтона [6], призванную обосновать вторжения американцев в исламские страны.

Я предлагаю развести понятия «образ страны» и «имидж страны». Образ страны характеризует пестрый калейдоскоп субъективных психологических стереотипов, мнений, суждений, оценок, постоянно возникающих, трансформирующихся и исчезающих в головах людей. Имидж страны, напротив, объективен и представляет собой достаточно устойчивую информационную модель, которую (в зависимости от политической конъюнктуры) формирует идеологический и пропагандистский аппарат государства. В конечном счете, понятие «имидж страны» описывает ту «картинку», которую масс-медиа призваны внедрить в массовое сознание для формирования более или менее устойчивого «образа страны» в сознании граждан. Имидж (в этом контексте) и есть психологическое оружие, та самая внешняя по отношению к массовому сознанию «мягкая сила», которая столь эффективно используется во второй холодной войне, гибридных и информационных войнах [7, с. 64–74].

Яркий пример применения «мягкой силы» в международных отношениях — политика Франции в отношении суверенных африканских государств, в недавнем прошлом входивших в состав Французской колониальной империи. Официальная пропаганда внедряет в умы французов и франкоговорящих африканцев идеологический штамп, согласно которому Франция — эталон европейской демократии, государство, воплотившее в политической практике принцип «свобода, равенство, братство». В этой парадигме африканская политика Пятой республики преподносится как образец бескорыстной помощи и политического патронажа по отношению к странам Черного континента. Генерал де Голль сформулировал это так: «Мы принесли им нашу цивилизацию, вместо прежней анархической разобщенности создали на каждой территории централизованную систему управления, которая стала прообразом национального государства, мы создали элиты, которые, воодушевленные принципами прав и свобод человека, уже

стремились занять наше место на всех ступенях иерархии. Означало ли это, что, предоставив им возможность самоуправления, мы должны отвернуться от них? Мы приняли на себя обязательства стать их привилегированными партнерами. Уже потому, что они говорят на нашем языке и проникнуты нашей культурой, мы обязаны помогать им. Их зачаточная государственность, лишь создаваемая экономика и финансовая система, наивная дипломатия и формирующаяся обороноспособность нуждаются в поддержке с нашей стороны, и мы обязаны оказать им такую поддержку. Привести народы заморских владений к самоуправлению и, в то же время, наладить с ними сотрудничество — таковы были мои искренние намерения» [8, р. 42].

При этом именно Шарль де Голль был создателем и вдохновителем военно-политического феномена «Франсафрик» [подробно см.: 9]. Патрик Пено, автор фундаментального исследования «Изнанка Франсафрик» («Les dessous de la Françafrique»), охарактеризовал этот феномен так: «Все годы независимости африканских стран Париж продолжает навязывать им свою опеку и делает все, чтобы сохранить свои экономические и политические преференции. Для достижения этой цели все правительства Франции использовали все имеющиеся в их распоряжении средства: перевороты, грязные трюки секретных служб, гарнизоны, оставшиеся в африканских странах в наследство от колониального прошлого, военные экспедиции наемников, тайные соглашения, позволяющие Парижу вмешиваться во внутренние дела суверенных стран, экономическое давление... Франция несет ответственность за многие кровавые эпизоды и убийства в странах Африки» [10].

Литература

1. Ленин В.И. Материализм и эмпириокритицизм // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1968. Т. 18.
2. Глоссарий по политической психологии / под ред. Д.В. Ольшанского. М., 2003.
3. La Rochefoucauld F. Réflexions ou sentences et maximes morales et réflexions diverses / éd. L. Plazenet. P., 2002.
4. Чачия А. Мессианская роль // Рустрана.рф. URL: <http://рустрана.рф/article.php?nid=10606>
5. Carrère d'Encausse H. La gloire des nations ou La fin de l'empire soviétique. P., 1990.
6. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
7. Манойло А.В. Управление конфликтами. Модель психологической операции // Акмеология. 2009. № 1.

8. Gaulle Ch. de. Mémoires d'espoir. Le renouveau 1958–1962. P., 1970.

9. Филиппов В.Р. «Франсафрик»: тень Елисейского дворца над Черным континентом. М., 2016.

10. Pesnot P. Note de l'éditeur // Les dessous de la Françafrique. Les dossiers secrets de monsieur X. P., 2011.

А.Н. Харин
Имидж страны и «мягкая сила»
в концепциях американских политологов

В последнее время одной из самых популярных категорий является понятие «мягкая сила». Данный термин был введен в научный оборот американским политологом Дж. Наем. По мнению ученого, данная концепция является скорее образным обобщением, нежели нормативно-выраженной концепцией [1, с. 149].

Формирование данного понятия было не случайным. Во-первых, уже расхожим стало представление о современной цивилизации, как информационной. Вспомним в связи с этим концепцию «метаморфоз власти» Э. Тоффлера [2]. В грядущем мире, по мнению автора, главным ресурсом власти, по сравнению с предыдущими эпохами, станет информация. В определенной степени книга Дж. Наея, посвященная трактовке мягкой силы, есть своеобразное продолжение размышлений Э. Тоффлера о трансформации власти.

Рассматривая информационный фактор, можно добавить и такой феномен современности, как информационные войны. В ходе такого противоборства осуществляется несиловое воздействие на противника (точнее на его сознание). Более того, в ходе данного противостояния актер создает два образа, или имиджа. Негативный — врага, и позитивный — своего государства. Указанные имиджи транслируются как на граждан своей страны, соседние государства, так и на население противника.

Во-вторых, усложняются сами международные отношения, появляются разнообразные их формы и виды. Возникают и такие феномены, как, например, публичная дипломатия. Кроме того, большую роль в мировой политике начинают играть и негосударственные акторы, порой не имеющие силового потенциала и использующие иные ресурсы. Хорошо усложнение мира дипломатии показано в работе П. Ханны [3].

В-третьих, возрастает роль цивилизационного фактора. Взаимодействуя друг с другом, цивилизации (как и отдельные страны) стремятся выстроить свой образ, обозначить свою систему ценностей, во-

круг которой могли бы объединяться близкие в культурном плане государства. Возможно, в какой-то степени этим вызван «индейский ренессанс» в Латинской Америке. Работа над такой идеей ведется и китайцами. С другой стороны, известно, что основой любой цивилизации является система ценностей, а также историческая память. Противоборствующие цивилизации стремятся разрушить систему ценностей противника, нанести удар и по его исторической памяти (что также относится к информационным войнам). Через это также создаются определенные имиджи, наполняемые «черными» и «белыми» мифами.

В-четвертых, о чем писал и сам Дж. Най, произошла наработка внешнеполитического опыта субъектами глобальной политики. Осмысление данного опыта и ведет к появлению новых концепций, идей.

Поскольку проблематика мягкой силы, а также имиджа страны неисчерпаема, мы остановимся только на США. Главной целью данной работы и будет оценка имиджа страны в работах американских политологов.

Анализируя предпосылки возникновения концепции «мягкой силы», укажем еще на один важный фактор применительно к Америке: кризис внешнеполитической стратегии США, сущность которого — в ситуации определенного выбора, перед которым оказалась Америка. Складываются новые внешнеполитические условия, в которых старые методы уже не работают, и США необходимо менять стратегию, а также методы воздействия на окружающий мир. Об этом говорят и интересные работы З. Бжезинского, Ч. Капчена, А. Маунта и ряда иных авторов [4; 5].

Проблемами поиска новых ресурсов, выработки адекватной внешнеполитической стратегии, выбора соответствующего ответа на возникающие вызовы озадачены не только политики, государственные деятели, но и научное сообщество.

Большую роль в выработке внешнеполитической стратегии играет и формирование имиджа страны, о чем уже отчасти говорилось выше. Размышляя о мире, ученые обозначают место Америки в нем, создавая определенный имидж государства. Как правило, внешнеполитическая деятельность государства учитывает данные имиджи, хотя бы даже на уровне риторики.

Таким образом, сформированные интеллектуалами имиджи страны должны оказывать влияние не только на соседей, но и непосредственно на высшую политическую элиту государства.

Если брать первую половину 2000-х гг., то в США преобладал взгляд на страну как на империю, пусть и нового типа [6; 8]. Характерно здесь было и отождествление Америки с Римом: подобно тому,

как раньше Рим нес культуру другим народам, так теперь должны поступать и США. Кроме того, формируется и имидж «либеральной империи».

Например, В. Одом и Р. Джаррик высказывали убеждение, что Америка является новым видом империи, не характерным для предыдущей истории. Данный тип основывается на идеологии, добровольном членстве и экономических выгодах для всех стран, а не на территориальном контроле. Империя строится на принятии людьми и государствами либеральных ценностей. Авторы не забывают и о военном факторе, однако отмечают, что стабильности новой империи способствуют, помимо военной силы, характер экономической системы, университетов, самой элиты и СМИ, а также некоторые аспекты культуры. В целом же, власть США настолько существенна в новой империи, что Вашингтон может воздерживаться от применения силы при урегулировании споров между членами сообщества, используя либерализм в качестве руководящего принципа. Помимо либерализма можно назвать и еще один фактор стабильности — это интерес стран-участниц империи в долговечности данного образования [9, р. 5, 36, 41–44, 205].

Таким образом, перед нами образ либеральной империи. Руководствуясь данным имиджем, лидеры страны должны были использовать не только силовые методы. Вместе с тем, подобный имидж должен был создавать у других стран образ Америки, как империи нового типа, отличной от предыдущих, строящейся на заинтересованности входящих в нее держав. Соответственно, он и должен был побуждать другие страны к вступлению в данное образование.

Интересный образ Америки, как империи, неуклонно проводящей свою линию через международные организации, предложили Ч. Капчен и А. Маунт в своей статье «Автономное управление» [5, р. 20–21]. США должны выступить в образе империи, приветствующей политическое разнообразие за рубежом, проявляющей терпимость по отношению к недемократическим режимам и иным идеологиям. Разумеется, что это должно улучшить внешнеполитический имидж Америки. Вместе с тем, призывая других к взаимоуважению, терпимости, США должны неуклонно продвигать либеральные идеи в мире. Одной из форм воздействия на мировую политику должны стать международные организации, через которые США и могут проводить свою линию.

Ошибки администрации Дж. Буша-младшего, изменение международной ситуации привели к потребности переосмыслить внешнеполитический курс страны. Это повлияло и на формирование новых ими-

джей страны в концепциях американских политологов, и в 2000-х, и уже в 2010-х гг.

А.-М. Слотер, размышляя о месте США в новом глобальном мире, предлагает интересный пример, обращаясь к анализу мужского и женского типов поведения. Если мужчина рассматривает мир иерархически и поэтому стремится взгромоздиться на вершину власти, то женщина видит мир как паутину взаимодействий, и отсюда движется к центру. Пример удачен, тем более, если брать психологию, то в мужчине часто проявляются такие архетипы, как «воин», «философ», «монарх», то есть те, кто стремится к власти (в том числе и духовной), желая другим навязать свою волю, взгляды.

Мир прошлого века как раз полностью соответствует такой мужской психологии — сталкивающиеся бильярдные шары (тоже, на наш взгляд, удачный пример у А.-М. Слотера), то есть государства с их амбициями, архетипами поведения. Мир XXI столетия иной — он уже существует над государством, ниже его и проходит через него. Государство здесь выступает в роли своеобразного стекла, пропускающего всевозможные лучи света. В таком мире государство с большинством связей, коммуникаций станет центральным актором, способным установить правила игры; и здесь Соединенные Штаты имеют явное преимущество [10].

По логике А.-М. Слотера, для Америки более приемлема женская линия поведения. Здесь можно увидеть своеобразную полемику со знаменитым тезисом Р. Кагана об «американцах с Марса и европейцах с Венеры» (статья написана по аналогии со знаменитой книгой Д. Грея «Мужчины с Марса, женщины с Венеры»). Правда, Р. Каган писал немного об ином: европейцам и американцам сложно понять друг друга. Однако суть ясна — А.-М. Слотер предлагает отойти от «мужской» линии во внешней политике США. Соответственно, и Америка должна позиционировать себя не как восседающая на Олимпе и раздающая приказания богиня, а в качестве незаменимого центра сложной паутины взаимодействий, все нити которых ведут к нему. Преимущество Америки в трех вещах — демографии, географии и культуре. С их помощью Америка и сможет управлять своеобразным оркестром сетевых взаимодействий.

Создатель концепции «мягкой силы» Дж. Най солидаризируется с тезисом А.-М. Слотера о сетевом мире и месте в нем США. В его представлении США также являются центром сетевого мира, умело дирижирующим оркестром других держав [11].

Подход, предлагаемый Дж. Наем, А.-М. Слотер, отчасти и другими авторами (например, Ф. Закария, уподобляющим США председателю

Совета директоров), с одной стороны, частично отличается от имперских трактовок. Как и прежде, политологическое сообщество (как и политическое) в целом не откажется видеть США во главе мира, и в какой-то степени тут можно увидеть наброски проектов сетевой империи. Однако имидж Америки уже меняется. Теперь это уже не «повелитель» или «император», а «глобальный посредник», «председатель совета директоров», «первый среди равных». Понятно, что такой образ Америки должен и более позитивно воздействовать на другие государства.

Литература

1. Най Дж. Будущее власти. М., 2014.
2. Тоффлер Э. Метаморфозы власти. М., 2003.
3. Ханна П. Как управлять миром. М., 2012.
4. Brzezinski Z.K. Strategic Vision. America and the Crisis of Global Power. N.Y., 2012.
5. Kupchan Ch., Moyn A. The Autonomie Rule // Democracy: A Journal of Ideas. 2009. Issue № 12. Spring.
6. Judt T. Dreams of Empire // United States Military Review. 2004. Vol. 51. № 17. November 4. URL: <http://terpconnect.umd.edu/~dcrocker/Courses/Docs/PUAF698J-Judt-Dreams%20of%20Empire.pdf>
7. Левченко А. Англосаксы примеряют корону Римской империи (I) / Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. URL: http://ruskline.ru/monitoring_smi/2012/02/04/anglosaksy_primeryayut_koronu_rimskoj_imperii_i
8. Cox M. Still the American Empire // Political Studies Review. 2007. Vol. 5. 1–10. URL: <http://raider.mountunion.edu/~GROSSMMO/POL%20270/articles/still%20the%20american%20empire.pdf>
9. Odom W.E., Dujarric R. America's Inadvertent Empire. New Haven & L., 2004.
10. Slouter A.-M. America's Edge. Power in the Networked Century // Foreign Affairs. January/February 2009 Issue. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2009-01-01/americas-edge>
11. Nye J. The Future of American Power // Foreign Affairs. 2010. Issue № 6. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/2010-11-01/future-american-power>

2. ИМИДЖ СТРАНЫ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Д.М. Безнадельных ***Распад Советского Союза и имидж России в США*** ***(1991–1993 гг.)***

Большое значение для восприятия современной России в мире имеет ее прошлое, в особенности стереотипы, сформировавшиеся во время «холодной войны». Как справедливо отмечают исследователи, политический имидж государства играет ключевую роль для самой страны на международной арене в вопросах взаимодействия с другими государствами, укреплении политических и экономических связей [1, с. 40]. Причем в современном мире, полном идеологических конфликтов, имидж государства приобретает значимость одного из важнейших ресурсов «мягкой силы» государства, призванной продвигать национальные интересы страны [2, с. 56]. В данной статье хотелось бы выявить причины кардинального изменения имиджа России в резко менявшейся геополитической обстановке начала 90-х годов прошлого века.

Образ России в США формировался на протяжении столетий и воспринимался по-разному, в зависимости от характера взаимоотношений между странами. Так, во время Второй мировой войны, когда две сверхдержавы оказались в одном антифашистском лагере, разногласия отошли на второй план. США поставляли СССР вооружение и боеприпасы по ленд-лизу. Союзники, как и собственные воины, изображались пропагандой США сильными, уверенными в себе (например, один из американских плакатов гласил: «Русский. Этот человек — твой друг. Он сражается за свободу»). На первый план часто выходили слова о народах-братьях, общей борьбе за мир и свободу. Весьма примечательно, что пропагандистские штампы о «коммунистической угрозе» и «мировом империализме» вытеснялись союзнической пропагандой [3].

После Второй мировой войны СССР предстал в образе страны-победительницы фашизма и страны-освободительницы народов [4, с. 26], однако вскоре рост числа стран социалистического лагеря был воспринят в США как стремление СССР к мировому господству. Оба государства разворачивали пропагандистские кампании друг против друга по созданию и поддержанию образов врага, что делало оба имиджа крайне негативными, исключало любые положительные характе-

ристики, нагнетало тем самым худшие перспективы развития событий периода «холодной войны».

С приходом к власти М.С. Горбачева были провозглашены идеи нового политического мышления, гласности, демократизации общественной жизни, общечеловеческих ценностей, единого Европейского дома «от Лиссабона до Владивостока». Падение Берлинской стены и «железного занавеса», подписание договора СНВ-1 с пониманием были встречены на Западе.

Выступая в ООН в декабре 1988 года, Горбачев уже отказался от концепции «международной классовой борьбы», лежавшей в основе внешней политики СССР, отказался от доктрины Брежнева и осудил практику применения силы для разрешения конфликтов. Горбачев объявил о принятии в одностороннем порядке мер по сокращению численности вооруженных сил страны на пятьсот тысяч человек и по выводу пятидесяти тысяч воинов воинского контингента из стран Восточной Европы. Как выразился советолог Арчи Браун (Archie Brown), тем самым он фактически «волевым решением положил конец коммунистическим режимам Восточной Европы» [5].

Итак, в 1991-1993 гг. Россия на всех уровнях формирования имиджа воспринималась теперь как страна, победившая коммунизм и готовая развиваться по демократическому пути. Гарантом такой политики стал считаться более последовательный, чем М.С. Горбачев, Б.Н. Ельцин. Однако образ России в США все еще был непрочным и легко трансформируемым [2, с. 56].

Новое политическое руководство страны во главе с Б.Н. Ельциным стремилось позиционировать Россию как молодую демократию и перспективное правовое государство с рыночной экономикой. Не случайно в ходе встречи с Б.Н. Ельциным, прибывшим со своим первым официальным визитом в Вашингтон, госсекретарь США Джордж Бейкер заверил: «Президент и я твердо верим, что американский народ осознает огромное значение демократических экономических преобразований в России. Американский народ понимает, что ваш успех даст нашим народам возможность протянуть друг другу руку и заменить многие десятилетия недоверия веками демократического мира, десятилетия страха — веками дружбы». В таком же духе прошло и выступление самого Джорджа Буша: «Господин президент, подобно Петру Великому, вы помогаете России понять саму себя, придаете новые очертания роли России в мире» [6].

В конце XX века на Западе сформировался имидж России и как ученика, перенимающего опыт демократии и рыночной экономики. В 1990 годы для США было важнейшей задачей превращение России в

партнера и союзника. В период президентства Ельцина почти отсутствовала негативная риторика в адрес России [2, с. 58-59].

Руководство министерства иностранных дел России было ориентировано на создание позитивного образа страны в мире. Вот что писал по поводу пропагандистских компаний России Джеймс Коллинз: «Постоянно изыскивались пути улучшить этот имидж. Я не считаю, что данные попытки были очень успешными, большие деньги были израсходованы не самым эффективным образом. Американцы аналогичным образом озабочены своим восприятием в России. <...> Однако мы не тратим кучу денег, беспокоясь по поводу нашего имиджа» [7, с. 17].

Реформы, начатые М.С. Горбачевым и продолженные Б.Н. Ельциным, были прямой масштабной попыткой модернизации России. Однако на фоне распада СССР произошло катастрофическое падение экономики, ухудшение здоровья населения, сократилась продолжительность жизни, особенно у мужчин.

Репутация постсоветской России в США испортилась не сразу. Поначалу на нашу страну смотрели через розовые очки: ведь мы сами разрушили «империю Зла» — СССР, поэтому многие закрывали глаза на конфликт президента Российской Федерации Б.Н. Ельцина с Верховным Советом в 1993 году, на «наведение конституционного порядка в Чечне» и т.д.

По мере углубления кризисных явлений в общественно-политической жизни России (август 1991 г., октябрь 1993 г.) происходит переоценка международного имиджа страны. Зарубежных партнеров начинают волновать результаты программы по разоружению, возможность возвращения к власти коммунистов и восстановления СССР, уровень доверия населения Б.Н. Ельцину. Положительные элементы структуры имиджа, акцентирующие обновление, демократизацию, стабилизацию общества и государства, все чаще замещались сообщениями отрицательного характера, политической нестабильностью, экономическими неурядицами, падением уровня жизни [6].

Стремление ряда бывших советских республик и стран — бывших членов Организации Варшавского договора вступить в НАТО испортило их отношения с Кремлем. Усугублялись отношения держав и в период Югославского кризиса. Российская внешнеполитическая линия в конфликте в 1990-е годы определялась, с одной стороны, давлением коммунистического большинства в парламенте, требовавшего защиты исторического союзника России на Балканах, с другой — позициями западных партнеров, от кредитов и политической поддержки которых во многом зависела стабильность внутривнутриполитического положения в Российской Федерации. Со временем становилось все очевиднее, что

Запад не является беспристрастной стороной в этом конфликте, поддерживая антисербские силы.

На основе проведенного анализа можно выделить целый ряд причин ухудшения имиджа России в США 1991-1993 гг. Среди них можно отметить, в частности, следующие:

1) сохранившаяся память о «холодной войне», когда считалось, что Советский Союз стремится к мировому господству, бросая вызов Соединенным Штатам;

2) Россия представлялась государством, претендующим на роль конкурента, сверхдержавы;

3) Россия в американском обществе воспринималась как потенциальная ядерная угроза всему человечеству из-за ослабления контроля и смены политического режима, которые ставили под вопрос охрану стратегических вооружений;

4) Россия в американских СМИ критиковалась за неуважение к личности и собственности, за неэффективную систему управления, коррупцию, бюрократию, за агрессивность и стремление доминировать на мировой арене;

5) российские политики часто приносили внешнеполитический имидж и судьбу реформ в жертву внутривнутриполитическим интересам;

6) открытая констатация национальных интересов была далека от принципов действия мягкой силы, одним из инструментов которой является имидж государства.

Распад СССР и проведение на этом фоне реформ России сопровождались снижением международного авторитета страны и большинства положительных имиджевых характеристик бывшего СССР, утратой статуса сверхдержавы. По данным научных исследований начала 1990 г., лидеры ведущих держав Запада после распада СССР ориентировались на получение политических и иных дивидендов от сложившейся новой мировой конъюнктуры [6, с. 28].

Для многих иностранцев, включая американцев, Россия и сегодня остается страной непредсказуемой, полукриминальной, авторитарной, малокультурной, страной «вечного холода и тьмы, где властвует КГБ» [8, с. 149].

Таким образом, отдельные явления и события политической жизни России оказывают заметное влияние на имидж России в США, особенно если они широко освещаются в СМИ. Политическая элита придерживается прагматичного подхода в отношениях с Россией [2, с. 61]. Многие эксперты уверены, что общественное мнение американцев и россиян друг о друге улучшится, если оба народа поймут, что их жизнь в чем-то похожа. Знакомство двух народов с этнокультурными

стереотипами друг друга может стать фактором позитивного изменения имиджа каждой из стран во внешней среде [8, с. 158]. В целом для американского общественного мнения о России и сегодня типичен набор из трех качеств: большой вклад русской культуры в мировую культуру, народность и добродушие.

Литература

1. Пекониди А.В. Особенности процесса трансформации политического имиджа России в США // Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова. Общественные науки. 2011. №4. С. 40–44.

2. Пиковская К.Б. Формирование образа России в США (1991-2008 гг.): проблемы позиционирования и восприятия // Социальные явления: журнал международных исследований. 2012. № 1(1). С.56-62. URL: http://journal.socialphenomena.org/ru/issues/1_2012/sp1_2012_pikovskaya_56_62/

3. Американские плакаты времен Второй мировой войны // Wiredlogic.io. URL: <http://wiredlogic.io/ru/usa-wwii-posters/>

4. Галумов Э.А. Международный имидж России: стратегия формирования. М., 2003.

5. Демакис П. Кто положил конец «холодной войне»? // ИноСМИ.ру. 11.05.2009. URL: <http://inosmi.ru/world/20091105/156487747.html>

6. Соколова-Сербская Л.А. Формирование политического имиджа Российской Федерации на международной арене (1992–1999 гг.). Автореф. дисс. ... д.и.н. М., 2008. // Центр Научных Изысканий (ЦНИ). URL: http://www.ceninaku.ru/page_19375.htm

7. Костяев С.С. Имидж России в США: анализ экзогенных и эндогенных факторов // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2015. №2(18). С. 14–21.

8. Гарусова Л.Н. Имиджи России и США как фактор международных отношений // Вестник ВГУЭС. 2012. №3. С. 147–158.

О.Ю. Курныкин

«Мягкая сила» в политике колониальных империй: к постановке проблемы

В истории науки периодически возникают теоретические построения и концепты, не только оказывающие серьезное воздействие на развитие научной мысли, определяющие мейнстрим научного дискурса, но и приобретающие медийную популярность, проникающие в пласты массового сознания (например, «столкновение цивилизаций» С. Хан-

тингтона, «ориентализм» Э. Саида, «ментальность», «идентичность» и т.д.). К их числу, несомненно, принадлежит концепция «мягкой силы» Дж. Най-младшего. Причем приобретшие популярность теоретические конструкции и понятия нередко отрываются от первоосновы и начинают жить своей жизнью, подвергаясь интерпретациям, подчас до неузнаваемости меняющим авторский замысел.

Вряд ли Дж. Най предполагал, что предложенное им понятие «мягкой силы» станет столь популярным среди политиков, экспертов, журналистов. Притягательность этого концепта столь велика, что среди исследователей возник соблазн опробовать аналитический инструментарий наевской концепции применительно к различным историческим сюжетам и эпохам, о чем, кстати, свидетельствуют представленные на данной конференции доклады (заметим, что сам Дж. Най в обоснование своей концепции не углублялся в историческое прошлое далее середины XX века). Подобное «опрокидывание в прошлое» новейших теоретических построений, с одной стороны, рискованно и чревато подгонкой исторического прошлого под современные реалии и, как следствие, неоправданной модернизацией исторических процессов и явлений. С другой стороны, представляются интересными попытки выявить возможности и пределы использования новых концептов и теоретических положений применительно к событиям и явлениям, выходящим за рамки авторского замысла, в частности, в отношении феномена колониальных империй.

В связи с этим возникают вопросы: обладали ли великие колониальные империи ресурсом «мягкой силы», было ли им присуще сознательное использование этого ресурса во внешнеполитической практике? Насколько работоспособна наевская концепция «мягкой силы» применительно к феномену имперской идеологии? Наконец, возможно ли использование имперского наследия в качестве ресурса «мягкой силы» в современных условиях? Ответить на поставленные вопросы в рамках небольшой статьи невозможно, поэтому задача данной публикации — скорее, постановка проблемы.

Как известно, в трактовке Дж. Най «мягкая сила» — это ресурс, позволяющий «добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек». В соответствии с авторской трактовкой, ресурс «мягкой силы» работает на престиж того или иного государства сам по себе, в силу этого он экономичнее и эффективнее, чем применение набора мер «кнута и пряника» для того, чтобы подвигнуть людей в нужном направлении [1]. Однако исторические реалии оказались богаче авторского замысла: осознание ценности вновь «открывшегося» ресурса и стремление многих госу-

дарств включить его в свою внешнеполитическую практику имели следствием «инструментализацию» «мягкой силы», т.е. разработку специальных мер и приемов по продвижению вовне благоприятного имиджа своей страны. Более того, эти усилия приняли целенаправленный характер, дополняя политический и экономический ресурсы внешнеполитического влияния. Таким образом, «мягкая сила» парадоксальным образом приобрела некую «силовую составляющую», что не вписывается в первоначальную концепцию Дж. Ная. Неслучайно идеальный конструкт «мягкой силы» был позднее дополнен автором понятием «smart power» («умной силы»). Впрочем, при попытках включения «мягкой силы» в арсенал внешнеполитических рычагов подобное смещение акцентов представляется неизбежным, ибо, как справедливо отмечал В. Малахов, «культура сама представляет собой *Politicum*. Она входит неотъемлемой частью в пространство политического» [2, с. 76].

Вышеприведенные суждения призваны подвести некоторое обоснование использованию наевской концепции «мягкой силы» применительно к такому жесткому историческому явлению как колониальные империи. Действительно, формирование колониальных империй было невозможно без задействования военно-политического и экономического ресурсов («жесткой силы», по терминологии Дж. Ная), а сама колониальная экспансия вполне обоснованно ассоциируется с грубым насилием и несправедливостью. Вместе с тем не стоит недооценивать роль и значение политико-моральных и культурно-исторических мотиваций, придающих завершенность имперскому проекту. Подобная мотивация включала в себя элементы избранничества и мессианства, морального права на руководство другими народами, культурного превосходства и т.д. В результате на повестку дня был поставлен вопрос о формировании положительного имиджа той или иной колониальной империи, причем в значении, близком к современной трактовке этого понятия. Если на начальных этапах формирования имперской идеологии для обоснования колониальных захватов использовались античные и средневековые мифологемы (легендарные Атлантида, Последняя Фула, «земля обетованная» [3] и др.), то в дальнейшем (в XVIII–XIX вв.) в доктринальном имперском комплексе все большее место занимали рациональные, просвещенческие императивы, в концентрированном виде нашедшие отражение в известном киплингговском тезисе о «времени белого человека». Как отмечал П. Леруа-Больё, «...колонизация есть результат сознания, явление, подчиненное своим правилам и порождаемое обществом, далеко ушедшим по пути развития» [4, с. III].

Сконструированный имперский образ (имидж) был призван «стянуть» разбросанные в пространстве и весьма разнородные в этническом и культурном отношении части имперского комплекса. Очевидно, что этот имидж был многосоставным и разнонаправленным; он имел свои содержательные и функциональные отличия для народа-создателя империи и для других народов, включенных, как правило, принудительно, в имперское геополитическое пространство. В отличие от великих империй древности и средневековья, претендовавших на вселенский универсализм, колониальные империи Нового времени были националистичными, поскольку их создателями и структурообразующим ядром являлись те или иные европейские народы, придававшие формируемым ими имперским образованиям (при их типологических сходствах) национально-культурную окраску.

Империи, как форма организации огромных, разнородных в этнокультурном отношении пространств в целостные системы, нуждались в привлекательном образе. При этом их неотъемлемой типологической характеристикой являлось структурное различие метрополии и периферии, приведшее в конечном итоге к кризису и демонтажу имперских конструкций. Одним из обоснований правомерности существования колониальных империй являлось широко используемое утверждение о просветительской, «культуртрегерской» миссии цивилизованных наций в отношении отсталых, находящихся в плену патриархальности народов. Это своеобразное «культурное облучение» колониальной периферии дает основание для постановки вопроса об использовании имперским центром «мягкой силы», хотя, разумеется, в ином историческом контексте и с иными целями.

Имиджевая составляющая имперской доктрины была призвана сформировать среди подвластного населения «общеимперскую солидарность» — цель трудно достижимая с учетом непреодолимого разрыва между центром и периферией, присущего имперской конструкции, и не подлежащего сомнению права на лидерство и мессианскую роль народа-строителя империи. При этом метрополии отводилась роль источника мира, порядка, прогресса, культуры. Официальная доктрина была направлена на выработку поведенческих и мировоззренческих стереотипов, базировавшихся на верности и чувстве долга перед империей, а сама империя трактовалась как абсолютная ценность. Существенное значение отводилось эмоциональному наполнению идей и образов имперского величия. Возможно, работоспособной для анализа имперских доктрин и их влияния на массовое сознание окажется конструктивистская концепция Б. Андерсона о «воображаемых сообществах» [5]. Население империй, особенно в их дистантном

варианте, когда метрополия была отделена от колониальных владений морскими пространствами, должно было представлять собою некую общность, сплавиваемую унифицированным воображением на базе общеимперских символов и атрибутов.

При анализе имперских идеологий исследователи, как правило, концентрируют внимание на формировании великодержавных, шовинистических черт национальной идентичности народа-создателя империи. Меньший интерес проявляется к изучению восприятия имперской доктрины народами колониальной периферии (речь идет об уровне массового сознания, а не отдельных представителях образованной элиты). И здесь перед исследователями могут открыться непривычные ракурсы и грани отношения широких слоев колониального общества к «родной» империи. Устойчивость, легитимность имперской конструкции в глазах подвластного населения определялась, помимо прочего, готовностью имперского центра если не к применению, то к демонстрации силы. Парадоксально, но «обаяние силы» в ее жестком варианте могло обратиться в ресурс «мягкой силы» империи, стать наглядным свидетельством имперского могущества, а значит, повысить престиж и притягательность имперского образа.

Показательно, что в рамках имперских идеологий стали разрабатываться проекты межгосударственной интеграции на основе приверженности однотипным политико-правовым системам и ценностям и культурно-языковой общности. Одним из наиболее действенных факторов и инструментов внутриимперской интеграции стала система образования, сыгравшая для многих представителей элитарных слоев колониальных обществ роль социального лифта и позволившая сформировать из них страту, лояльную имперскому центру. Остается открытым вопрос: распространяется ли на колониальные империи утверждение Дж. Ная о том, что мягкое могущество возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами.

Распавшиеся в середине XX века, утратившие субъектность в международных отношениях колониальные империи оказали опосредованное влияние на формирование структуры двух- и многосторонних межгосударственных взаимоотношений в постколониальный период. Стремительно распавшиеся имперские структуры в ряде случаев оказались способными проявить себя в новой ипостаси, способными к своеобразному «ребрендингу». Примерами тому служат британское Содружество наций, идея которого вызревала еще с конца XIX в., последовательно сменявшие друг друга проекты Французского Союза, Французского сообщества, Франкофонии, созданное в 1996 г. Содру-

жество португалоязычных стран. Впрочем, в этом ряду были и неудавшиеся проекты, в частности, недолго просуществовавший Нидерландско-Индонезийский Союз (1949–1956 гг.).

Сошедшие с исторической арены великие империи не утратили для некоторых приверженцев великодержавия своей вдохновляющей притягательности, на их основе выдвигаются новые внешнеполитические концепции и проекты (упомянем в качестве примера турецкий неоосманизм). В современных публикациях можно даже встретить опрокинутый в современность новаторский и небесспорный тезис о том, что имперская идеология «играет позитивную роль средства стабилизации межэтнических отношений и остановки роста ксенофобии и экстремизма» [6, с. 37]. Актуализация имперской проблематики в научной литературе и возобновление общественных дискуссий об имперском наследии возвращают к вопросу о мере практичности (или виртуальности) применения имперского дискурса в качестве «мягкой силы» в условиях постмодернистской борьбы «за место под солнцем».

Подводя некоторые итоги, отметим: безудержное расширение хронологического и содержательного пространства в применении идеи «мягкой силы» может привести к размыванию теоретических основ наевской концепции. Вместе с тем стремление раздвинуть горизонты использования концепта «мягкой силы» позволяет скорректировать и дополнить прежние привычные ракурсы исследований, акцентируя внимание на анализе мотиваций, мифологем, массового сознания и механизмов воздействия на него.

Очевидно, проявления «мягкой силы» в той или иной форме действительно можно усмотреть, начиная с древних этапов мировой истории, по сути, с момента формирования властных функций. Однако лишь в последних десятилетиях XX века возникают условия для системного, концептуального осмысления и использования феномена «мягкой силы», что связано с глубинной трансформацией миропорядка, определенной деморализацией силовых методов в международных отношениях, массовизацией политического сознания в условиях прорыва в сфере информационных технологий.

Литература

1. Най Дж. «Мягкая сила» и американо-европейские отношения // Smart Power Journal. URL: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power>
2. Малахов В. Скромное обаяние расизма и другие статьи. М., 2001.
3. Барабанов О.Н. Британская империя: идеология глобального доминирования от Джона Ди до Сесила Родса // Институт высокого

коммунитаризма. URL: http://communitarian.ru/publikacii/novyyu_mirovoy_poryadok_struktury/britanskaya_imperiya_ideologiya_globalnogo_dominirovaniya_ot_dzhona_di_do_sesila_rodsa_27052013/

4. Леруа-Больё П. Колонизация новейших народов. СПб., 1877.

5. Андерсон Б. Воображаемые сообщества: размышление об истоках и распространении национализма. М., 2001.

6. Богомолов С.А. Имперская идеология как система ценностей // Общественные науки. Политика и право. 2009. № 4 (12).

Н.С. Малышева

Пропаганда Плана Маршалла во Франции (1948–1952 гг.)

Значение Плана Маршалла сложно переоценить как для истории американской внешней политики, так и для европейской истории XX века. Как правило, в научной литературе этот сюжет рассматривается с точки зрения геополитических и экономических последствий. Так, предоставление американской экономической помощи странам Западной Европы позволило им преодолеть послевоенный кризис и создать основу для будущих интеграционных процессов в регионе. Для Соединенных Штатов План Маршалла стал средством обеспечения стратегических интересов в условиях начавшейся Холодной войны, позволив сдерживать рост коммунистического влияния в европейских странах. В то же время, План Маршалла или, официально, Программа восстановления Европы, рассчитанная на период 1948—1952 гг., может рассматриваться как первый опыт применения публичной дипломатии США. (Под этим термином нами понимается комплекс мер, направленных на информирование зарубежной аудитории об институтах, ценностях и внешнеполитических установках государства с целью продвижения национальных интересов). При этом стоит отметить, что термин «публичная дипломатия» не использовался американской администрацией в годы реализации Плана Маршалла. Свою работу по продвижению Плана Маршалла в администрации обозначали как «пропаганда», «информирование» или «рекламная кампания» [1, р. 236].

В данной статье ставится задача выявить особенности пропаганды Плана Маршалла во Франции, являвшейся одним из крупнейших получателей американской экономической помощи в послевоенные годы.

Окончание Второй мировой войны многое изменило в отношениях Старого и Нового света. Превосходство США в военно-политической и социально-экономической областях обозначило вопрос о преимуществах модели американского общества и о возможности ее применения в послевоенной Европе. В то время как страны Западной Европы лежали в руинах, послевоенная Америка олицетворяла процветание, технический

прогресс и эффективное экономическое управление, высокий уровень жизни и социальной мобильности населения. Среди европейских государств наиболее остро проблема восприятия США как новой великой державы стояла во Франции. Поражение в войне, за которым последовала оккупация севера страны давним противником — Германией, утрата статуса великой державы и переход в ранг держав второстепенных, — все это крайне болезненно переживалось французским обществом и сопровождалось внутренним протестом против гегемонии США. По мнению американского историка Р. Кьюзела [2, р. 12], наиболее отчетливо антиамериканизм проявлялся в рядах французской интеллигенции (литераторов, журналистов), а также членов Коммунистической партии. В глазах коммунистов США, проводившие империалистическую внешнюю политику, несли ответственность за разжигание войн, расизм и культурную деградацию. Для интеллектуальной элиты вызовом представлялся экспорт американской массовой культуры, чуждой традиционным европейским ценностям.

Влияние Коммунистической партии во Франции было заметно и на политической арене — на выборах в Национальное собрание в ноябре 1946 г. она получила почти 29% голосов [3, р. 68]. Представитель КПФ занял пост министра обороны, а еще трое коммунистов стали министрами без портфелей. После того как в мае 1947 г. по инициативе премьер-министра Поля Рамадье министры-коммунисты были исключены из правительства, Коммунистическая партия перешла в ряды оппозиции. Правительством США это продолжающееся противостояние расценивалось как сценарий для будущего всей Западной Европы: если коммунисты вернутся к власти во Франции, такая же участь будет ожидать и другие страны. Как заявлял чиновник Госдепартамента, во Франции в миниатюре разыгрывается «мировая драма русской экспансии», и исход этой политической борьбы крайне важен для США [4, р. 611].

В то же время американской администрации также нежелательным представлялся приход к власти крайне правых во главе с генералом Ш. де Голлем. Как говорилось в докладе Госдепартамента, левые и правые силы Франции объединяет их антиамериканизм, который они демонстрируют ради «общественного признания и престижа». Опрос общественного мнения, проведенный в 1946 г., свидетельствовал о том, что французы в основном негативно воспринимают американцев, считая тех «материалистами и гедонистами» [5, р. 344].

Таким образом, активное вовлечение США в экономическую и политическую жизнь Франции могло быть осложнено реакцией оппозиционных политических сил и спровоцировать внутривнутриполитический кризис. Тем не менее, предполагалось, что экономический успех и

рост благосостояния населения сведут на нет антиамериканскую риторику и снизят популярность левых политических сил. Франции, которая, по мнению заместителя госсекретаря США Р. Ловетта, являлась ключевым участником Программы восстановления, было выделено 2,9 млрд долларов из общей суммы 12,5 млрд [6, р. 303]. Одним из пунктов двустороннего соглашения между США и государством-участником программы было проведение различных общественных мероприятий, на которые выделялось не менее 5% от объема предоставляемой помощи. Для Франции, которая была вторым после Великобритании крупным получателем американской помощи, эта сумма составляла около 20 млн долларов в первый год реализации программы и 10 млн долларов в последнем году.

Пропагандистской работой руководил Информационный отдел Управления по экономическому сотрудничеству, располагающийся в Вашингтоне. Выполнение поручений отдела координировал Информационный отдел Офиса специального представителя США, штаб-квартира которого была размещена в Париже. Через парижское отделение поддерживалась связь с национальными Информационными отделами других европейских стран, в каждом из которых были должности ответственных за радио, газеты, выставки. Кроме того, организацией общественных мероприятий занималась также Миссия Управления по экономическому сотрудничеству во Франции. Такая громоздкая структура, отсутствие четкой иерархии обусловили определенную автономию информационных отделов.

Вопреки ожиданиям, начальный этап реализации Плана Маршалла в 1948–1949 гг. не показал изменений французского общественного мнения в пользу США. Напротив, согласно докладу Миссии во Франции, успеха добились коммунисты, чья критика Плана Маршалла была поддержана общественностью [7, р. 170]. В частности, коммунистическая пропаганда опиралась на утверждение о том, что план — это подготовительный этап к новой войне и его задачей является финансирование перевооружения европейских стран. Также говорилось о том, что План Маршалла был учрежден с целью сбыта в Европу американских излишков сельскохозяйственной и промышленной продукции. Другую проблему представляли нейтралитетские настроения, набиравшие все большую популярность в послевоенной Франции. Нейтралитет со стремлением проводить независимую внешнюю политику представлял собой третий путь между капиталистическим Западом и коммунистическим Востоком. Рупором нейтралитетов была вечерняя газета «Монд» во главе с ее редактором Хьюбертом Бове-Мери [8, р. 69]. Публикуя заметки под псевдонимом «Сириус», Бове-Мери критиковал американскую внеш-

ную политику и проамериканский курс правительства Четвертой республики, выступал против размещения военных баз США во Франции и перевооружения Германии. Такие идеи импонировали и некоторым французским политикам, прежде всего, социалистам.

В Госдепартаменте США сложилось мнение, что успех коммунистической пропаганды против Плана Маршалла вызван незнанием французами условий предоставления экономической помощи. По мнению А. Гарримана, специального представителя США в Париже, и П. Хоффмана, главы Управления по экономическому сотрудничеству, во Франции больше, чем в какой-либо другой европейской стране недопонимали и недооценивали План Маршалла [6, р. 402]. Поэтому, помимо активизации работы Информационного отдела, было решено привлечь к продвижению Плана Маршалла самих французов. В конце 1948 г. был создан Рабочий комитет, в состав которого вошел министр иностранных дел Франции, секретарь по связям с общественностью при французском правительстве и американские представители Миссии Управления по экономическому сотрудничеству во Франции. В декабре того же года Рабочим комитетом были разработаны основные принципы информирования французской общественности о Плане Маршалла:

1) американская помощь является лишь малой частью по сравнению с затратами на экономическое восстановление из бюджета Четвертой республики;

2) помощь предоставляется на безвозмездной основе и ее расходование не будет контролироваться американской стороной;

3) Франция будет закупать только те товары, в которых испытывает потребность; причем преимущество будет отдаваться сырью, а не готовой продукции;

4) План Маршалла дополняет, но не замещает четырехлетний национальный план восстановления экономики Франции [6, р. 477].

Таким образом, была поставлена задача снизить значимость американской помощи и подчеркнуть ее полное соответствие французскому плану модернизации экономики. К осуществлению конкретных проектов: составлению информационных буклетов, подготовке радиопередач, съемке документальных фильмов о Плане Маршалла были привлечены французские консультанты. Необходимо отметить, что французское правительство (состав которого за 1947–1952 гг. сменялся двенадцать раз. — Н.М.), находясь под огнем критики со стороны коммунистов, нейтраллистов и голлистов, стремилось всячески самоустраниться от участия в пропаганде. Таким образом, во Франции сложилась иная ситуация, чем в других странах участницах Плана

Маршалла. Соединенным Штатам была предоставлена большая свобода действий в проведении информационной кампании.

Не имея возможности в данной статье осветить все формы проведения информационной кампании, остановимся на такой форме, как проведение выставок. В период 1948–1952 гг. Миссией Управления по экономическому сотрудничеству во Франции было организовано три крупных передвижных выставки. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживает сельскохозяйственная выставка, проходившая в 1949 г. в течение шести месяцев, чей слоган звучал следующим образом: «Аграрная Франция будет процветать благодаря Плану Маршалла, Четырехлетнему плану и вашим усилиям!». Ее открытие состоялось 6 июня, в годовщину открытия Второго фронта в Нормандии, в деревне Сен-Мари-дю-Мон недалеко от места высадки американского десанта. Далее маршрут выставки пролегал по пути следования американских войск в Париж. Очевидная параллель между американской помощью по освобождению от германской оккупации и помощью Плана Маршалла должна была, по замыслу организаторов, способствовать его положительному восприятию. Вступительную речь на безупречном французском языке произнес посол США во Франции Д. Брюс, упомянувший о том, что имеет нормандские корни [7, р. 513–514]. Выставка, на которой также демонстрировался документальный фильм и распространялись информационные буклеты о Плане Маршалла, имела большой успех.

Возникает вопрос, на основании каких критериев американская администрация оценивала эффективность пропагандистской кампании? Судя по отчетам и докладом, отправляемым из Парижа в Вашингтон, во внимание принимались несколько показателей: наличие реакции с стороны коммунистов, количество упоминаний о Плане Маршалла в французских средствах массовой информации, а также данные ежегодных опросов под эгидой Миссии во Франции. Вплоть до начала 1950 г. задача просвещения французского населения об «истинном» значении программы экономической помощи успешно выполнялась. Однако планы по перевооружению Германии и начало войны в Корее повлекли новый виток наступления французской оппозиции на План Маршалла и перепределили более широкую повестку американской пропаганды.

Литература

1. Foreign Relations of the United States (FRUS). 1950. Vol. III. Western Europe. Wash., D.C., 1977.
2. Kuisel R. Seducing the French: the Dilemma of Americanization. Berkeley, 1993.

3. Brogi A. A. Question of Self-Esteem: the United States and the Cold War Choices in France and Italy, 1944–1958. Westport, 2002.
4. FRUS. 1947. Vol. III. The British Commonwealth; Europe. Wash., D.C., 1972.
5. FRUS. 1946. Vol. V. The British Commonwealth, Western and Central Europe. Wash., D.C., 1969.
6. FRUS. 1948. Vol. III. Western Europe. Wash., D.C., 1974.
7. FRUS. 1949. Vol. IV. Western Europe. Wash., D.C., 1975.
8. McKenzie B. Remaking France: Americanization, Public Diplomacy and Marshall Plan. N.Y., 2007.

Т. Рокки

**Имидж пореформенной Российской империи
в исследованиях французского историка
Анатolia Леруа-Больё**

В последние десятилетия XIX века книги и статьи французского историка и публициста Анатоля Леруа-Больё (Anatole Leroy-Beaulieu, 1842—1912) внесли заметный вклад в формирование имиджа Российской империи во Франции и других странах Европы. Особое место в его работах о России занимает трехтомное исследование «Империя царей и русские» (L’empire des tsars et les russes). Впервые оно было опубликовано серией статей в журнале «La revue des deux mondes», а потом отдельными томами, в период с 1882 по 1889 гг. (нами использовался английский перевод [1]). В 1880-е годы Леруа-Больё часто проводил лето в России для бесед с представителями правительства и политических классов. Он вернулся в Россию в 1905–1907 гг. для сбора материалов о первой русской революции [2].

Написание работ Леруа-Больё приходится на то время, когда имидж России в Европе был резко негативным. По Европе, особенно в Великобритании, давно бродил призрак «русского медведя», готового поглотить обширные территории Европы и Азии. Среди либералов Россия получила имидж «жандарма Европы» за роль, которую она сыграла в подавлении революций в 1820-е годы, 1830 году и 1848–1849 гг. Российские революционеры, особенно из организации «Народная воля» (1 марта 1881 года народовольцы убили Александра II), и либералы проводили в Европе информационную войну против самодержавия. Революционеры и либералы в публикациях утверждали, что карательная политика правительства превратила мирных пропагандистов в террористов. В Европе и Америке огромную популярность имела книга «Подпольная Россия», написанная террористом Сергеем Степняком-Кравчинским [3]. Народовольцы достигли замет-

ных успехов в идеологической обработке зарубежной общественности. В числе иностранных сторонников и апологетов «Народной воли» была плеяда литераторов, среди них — Виктор Гюго, Эмиль Золя, Жюль Верн, Оскар Уайльд и Марк Твен [4]. Карательная политика самодержавия укрепила зарубежные стереотипы о России, как деспотическом государстве. Учитывая все варианты имиджа России, многие европейцы задавали себе вопрос: «Была ли Российская империя европейским государством?». На него и принялся отвечать Анатолий Леруа-Больё, стараясь опровергнуть европейские стереотипы о России.

Леруа-Больё не занимался ни демонизацией, ни идеализацией Российской империи. Он заметил, что Россия не была ни Европой, ни Азией. Скорее всего она была собственным миром. Французский ученый согласился с тем, что Россия, как христианская страна, была европейским государством. Однако империя была не современным европейским государством, а средневековым. В отличие от Европы Россия не пережила ни Возрождение, ни Реформацию, ни эпоху европейских революций [5, р. VIII–IX].

Леруа-Больё подчеркивал различия между Россией и Европой, но он не уделял должного внимания сходствам России с Европой. Как и все европейские страны, в сложный переход от доиндустриального общества к индустриальному обществу пореформенная империя испытывала огромную внутреннюю напряженность и массовую дезориентацию (по Карлу Марксу — переход от феодализма к капитализму). При чтении Леруа-Больё часто возникает впечатление, что он подсознательно разделял позицию русских славянофилов и народников об особом пути России. Он заметил, что многие представители правительства и политических классов перестали ставить знак равенства между Европой и цивилизацией, предпочтя, чтобы Россия шла собственным путем [5, р. IX].

В этом утверждении Леруа-Больё был прав, потому что главный политический вопрос в пореформенной России был: «Куда идешь, Россия?». Это был вопрос о политическом развитии империи. Для правительства и политических классов были два главных вопроса о политическом развитии России:

1. Станет ли Россия европейским государством? (Все государства Европы этого периода были конституционными/полуконституционными монархиями или республиками).

2. Пойдет ли Россия особым путем? (В особенность России верили не только консерваторы и реакционеры, но также либералы и социалисты).

По мнению Леруа-Больё, три фактора предопределили огромные отличия России от Европы: природа (особенно климат), раса (ученый подчеркивал, что славяне, по сравнению с германскими и романскими народами, были относительно отсталыми и неразвитыми) и история [5, р. 137].

Нетрудно угадать, что Леруа-Больё был сыном своего времени, а модный биологический детерминизм имел большое влияние на его взгляды о России. Как уже отмечалось, ученый подчеркивал, что Россия не испытала великих поворотных моментов европейской истории. Российская история шла собственным путем, что стало долгосрочной причиной нигилизма в политике и морали [5, р. 275].

Леруа-Больё считал, что нигилизм был и менталитетом, и манерой поведения, присущей русским. Явление нигилизма было предопределено факторами природы, расы и истории. Нигилизм проявлялся в крайностях поведения и мышления. Например: равнодушие и энтузиазм, инертность и лихорадка, сомнение и убеждение. Нигилистический менталитет влиял на поведение отдельных лиц, общества и правительства, предопределял рождение и развитие революционного движения в России. При этом Леруа-Больё подчеркивал, что политический нигилизм был лишь русским вариантом общеевропейского революционного духа. Симптомы и последствия революционной болезни были неодинаковы в разных странах, по разным факторам и причинам [5, р. 189–196].

Леруа-Больё написал, что Россия переживала общий кризис христианской (т.е. европейской) цивилизации. По его утверждению, «Россия не была ни более здоровой, ни более больной, чем другие европейские государства» [6, р. 560]. Однако французский ученый не понял широчайший контекст кризиса европейской цивилизации. До Первой мировой войны во всех европейских странах проявилось массовое разочарование широких слоев политических классов по всему политическому спектру. Это касалось Французской революции и других великих перемен. В Европе уже появились правые популистские партии, выступавшие против либералов, социалистов, традиционных консерваторов и реакционеров.

Как Леруа-Больё отличал русский нигилизм от общеевропейского революционного духа? Русский нигилизм в лице народничества и народолюбия более чем в европейских странах, имел большие сходства с религиозным движением. Элементы религиозности в русском нигилизме включали культ страдания и мученичества, принятие социалистических теорий религиозными догматами, не подлежащими сомнениям, ненависть к врагам и обожествление народа [7, р. 6; 5, р. 208]. Как и многие европейцы, Леруа-Больё принял обвинения русских

социалистов и либералов в том, что карательная политика самодержавия принудила «мирных» пропагандистов обращаться к терроризму [6, р. 509]. Французский ученый поверил в миф о царской жестокости, подтвердив негативный имидж самодержавия. Однако Леруа-Больё довольно хорошо понял сущность народофильского терроризма.

Французский историк понял, почему главным орудием борьбы народофильцы выбрали цареубийство. «Можно сказать, что во многих отношениях престол — краеугольный камень всего общественного порядка. Вот почему революционеры направляют все удары против престола... Все распадется с престолом, потому что все в России зависит от престола», — написал Леруа-Больё [14, III, 504].

В осознании цели народофильского терроризма Леруа-Больё точно понял сущность государственного и общественного порядка в России. Народофильцы видели главное отличие России от Европы в роли государства и общества. В европейских странах общество создало государство, а в России государство создало общество. Народофильцы были убеждены, что сосредоточение власти в руках царя явилось «ахиллесовой пятой» российского государства. Акт цареубийства привел бы к самому быстрому распаду государства и общества. В конце концов, отречение Николая II, а не акт цареубийства, привело российское государство к распаду.

Указывая на историческую традицию, Леруа-Больё констатировал, что только правительство могло провести политические преобразования в империи. Самодержавие должно было дать представительные институты и политическую свободу. Постепенное продолжение великих реформ Александра II могло дать отпор революционному брожению и позволить обществу участвовать в управлении страной. По мнению французского ученого, империя была на перепутье, но он верил в ее способность развития в лоне европейской либеральной государственности [6, р. 540–553].

Итак, Леруа-Больё представил своим европейским читателям имидж России, переживающей сложный переход, отягощенной прошлым и стоящей перед решением о своем будущем. Как и многие люди в Российской империи, Леруа-Больё задавал себе вопрос: «Куда идешь, Россия?». Он ответил на вопрос с надеждой о возможной эволюции России в лоне европейской либеральной государственности.

Леруа-Больё вернулся в Россию в революционном 1905 году. Октябрьский манифест даровал Государственную думу и политические свободы. Однако Россия не стала либеральным европейским государством. Главным препятствием на пути к конституционному развитию России было несогласие царя Николая II, многих членов правительства

и представителей политических классов на движение Российской империи к модели европейской либеральной государственности. Все представители политического спектра, от правых до левых, были едины в отказе от европейских норм государственности и законности. В истории европейских революций этот отказ был беспрецедентным.

Анатоль Леруа-Больё постарался представить европейской обществу сбалансированный образ России, объяснив сложность российского государства и общества. Многие события и течения в пореформенной империи казались Леруа-Больё, а также другим людям в России и Европе признаком «русской отсталости». События и течения включали:

- существование социалистической интеллигенции;
- радикализацию молодежи, женщин, представителей национальных и религиозных меньшинств;
- использование политического терроризма в качестве средства борьбы;
- криминализацию политических классов через их поддержку терроризма;
- возникновение массовых правых популистских партий и движений;
- массовое нарушение традиционных преград против убийства.

Однако Леруа-Больё и многие другие исследователи не сумели понять, что новые формы общественно-политической борьбы возникли именно в Российской империи. Только оглядываясь назад, мы сможем понять, что «отсталость» не характеризует имидж России.

Литература

1. Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. 3 vol. / translated from the 3d French ed. with annotations by Z.A. Ragozin. N.Y., 1893–1896.

2. Цыкова К.А. Анатоль Леруа-Больё о первой русской революции // Cahiers du monde russe. Vol. 48. № 2/3 (арг.–сеп. 2007). Les resonances de 1905. URL: <http://monderusse.revues.org/pdf/9013>

3. Stepniak S. Underground Russia: Revolutionary Profiles and Sketches from Live. N.Y., 1883.

4. Троицкий Н.А. «Народная воля» и ее «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России (XIX — начало XX вв.): Материалы конференции. М., 1996. URL: http://scepsis.net/library/id_744.html

5. Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. Part. I. N.Y., 1893.

6. Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. Part. II. N.Y., 1894.

7. Leroy-Beaulieu A. The Empire of the Tsars and the Russians. Part. III. N.Y., 1896.

Н.Ю. Самойлов

***Массовая культура Великобритании 1960–1970-х гг.
как элемент «мягкой силы»***

Концепция «мягкой силы» Джозефа Ная-младшего [1] содержит широкий простор для толкования, и сам автор допускает различные, хотя и укладывающиеся в общую концепцию, трактовки этого понятия. Тем не менее, мягкая сила зачастую понимается в большей степени как комплекс мер во внешней политике и дипломатии, создающий привлекательный образ страны. То есть, «soft power» понимается как продукт, создаваемый под контролем государства, и для решения поставленных государством задач (создание определенного имиджа, повышение туристической привлекательности, и т. д.). В связи с этим актуальным представляется рассмотреть тот элемент мягкой силы государства, который создается без вмешательства (либо почти без вмешательства) государства и положительно влияет на имидж страны, а также позволяет оказывать влияние на другие страны и регионы — культуру государства, и прежде всего массовую культуру.

Понятие о «массовой культуре» возникает в начале 1940-х гг. благодаря М. Хоркхаймеру [2] подробно рассматривается, например, К. Манхеймом [3].

Толчок развитию массовой культуры на Западе дало окончание Второй мировой войны и восстановление западноевропейских экономик вкпе с ростом благосостояния, обусловленным, в том числе, техническим прогрессом. Массовая культура стала, и по сей день остается, важной статьей «культурного экспорта» развитых государств. Как же обстояли дела с экспортом культуры вовне у Великобритании в 1960–1970-х гг.?

Первое послевоенное десятилетие Великобритания была занята по преимуществу восстановлением экономики и хозяйства, нарушенных торгово-экономических связей с частями империи и попытками сохранить империю от распада. В области культуры наблюдалась опасная для страны тенденция замещения — продукция американских киностудий оккупировала экраны кинотеатров еще в предвоенные годы, и не спешила уступать место британскому продукту, тем более что его почти не было, кинопроизводство было крайне ограничено. К тому же, денег у британских продюсеров хватало в основном на относительно

низкобюджетные картины в жанрах мелодрамы, драмы, комедии — ниша высокобюджетного жанрового кино оставалась за Голливудом. Хотя в Великобритании снимались и фильмы, повествующие о событиях недавней войны, и исторические, но камерные картины. Сохранялась тенденция сокращения числа кинотеатров, вплоть до 1980-х годов их количество неуклонно сокращалось. В Великобритании кинематограф с трудом конкурировал с театром, позже к «театральному фактору» относительно невысокой популярности кино прибавилась конкуренция со стороны телевидения. Музыкальный рынок страны тоже до определенного времени не мог соперничать с музыкальным экспортом из США.

Во второй половине 1960-х гг. все западные страны, включая Великобританию, столкнулись с масштабными культурными изменениями, которые определили весомую роль массовой культуры в общественной жизни, и выдвинули вперед основную категорию потребителей массакульты — молодежь (этот процесс в крупных европейских странах и США детально рассмотрен А. Марвиком [4]). Имевшиеся у Великобритании богатейшая культура и неоднозначная, но богатая на яркие личности и события история были прекрасным фундаментом для культурной экспансии. Далее мы рассмотрим основные направления, представлявшие в 1960–70-х гг. «мягкую силу» Великобритании в области массовой культуры: кинематограф, музыкальную индустрию, литературу.

В области кинематографа Великобритания в данный период времени не совершила значимого прорыва. В конце 1940-х гг. зародилась т.н. «британская новая волна» [5], существовавшая в русле литературного направления «рассерженных молодых людей» (шире — в контексте так называемой «драматургии кухонной мойки» — англ. «Kitchen Sink Drama»), но к 1960-м гг. она сошла на нет. В те годы наиболее успешная (среди европейских стран) киноиндустрия сложилась в динамично экономически развивавшихся Италии и Франции, отчасти — в ФРГ, на фоне которых и подверженная стагнации британская экономика, и кинематограф смотрелись блекло.

Тем не менее, у британского кинематографа было несколько точек роста, которыми он воспользовался. Во-первых, наличие в Голливуде большого числа британских актеров и режиссеров, что создавало британцам определенное лобби в фабрике грез; зачастую в масштабных голливудских лентах главные роли исполняли британцы, тем самым британская актерская школа становилась известной всему миру. Яркий пример — снятый в популярном на рубеже 1950-1960-х гг. жанре «пеплум» фильм «Клеопатра» (1963), в главных ролях в нем снялись

актеры Элизабет Тейлор и Ричард Бёртон. Во-вторых, широко распространенной стала практика совместного создания фильмов, когда на деньги американских (и не только) продюсеров и силами известных режиссеров в Великобритании снимаются фильмы, а последующий успех в зарубежном прокате привлекает в страну новых туристов и повышает привлекательность страны. Отличным примером служит фильм «Фотоувеличение» (Blow-Up, реж. М. Антониони), где передается неповторимая атмосфера и эстетика «свингующего» [6] Лондона 1960-х годов. Главной победой Соединенного Королевства над Голливудом стал переезд известного американского режиссера Стэнли Кубрика на Туманный Альбион, куда он переехал после съемок фильма «Спартак» (1960). Именно в Великобритании он снимал все свои последующие работы, и во многих из них фигурировала Британия — либо в главных ролях были британцы (фильм «Доктор Стрейнджлав, или как я перестал бояться и полюбил бомбу», и исполнитель сразу нескольких главных ролей актер Питер Селлерс), либо действие происходило в Великобритании и было основано на британских литературных произведениях («Барри Линдон», «Заводной апельсин») [7, с. 41–52]. И главное — Великобритании удалось в 1960-х гг. создать свою собственную кинофраншизу, ставшую всемирно популярной — так называемую «бондиану», серию фильмов об агенте британской разведки Джеймсе Бонде. В условиях масштабного противостояния СССР и США, распада собственной колониальной империи, когда Великобритании все очевиднее доставалась второстепенная роль в мировой политике, появление такого героя оказалось спасительным для имиджа Великобритании как влиятельного государства, отстаивающего свои интересы по всему миру.

В области музыки массовая культура Великобритании достигла выдающихся результатов. Примерно с середины 1960-х гг. начинается процесс, получивший название «британского вторжения» (British Invasion) [8] — вытеснение британской рок-музыкой американских исполнителей как в Великобритании, так и за рубежом, в т.ч. в американских музыкальных чартах. Первые послевоенные годы и вплоть до 1960-х гг. британская молодежь слушала зарубежных, по преимуществу американских исполнителей. Такие музыкальные жанры, как соул, джаз, блюз, зарождающийся рок-н-ролл, почти не имели популярных последователей среди британских музыкантов. Однако это было затишье перед бурей — первое же выросшее на иностранной музыке поколение переосмыслило ее, и стало не просто копировать, а производить свой продукт, который вскоре стал главной статьей экспорта британского масскульта. Самыми популярными группами того

периода времени стали: The Beatles, достигшие поистине мировой популярности, The Animals (их сингл «The House of the Rising Sun» часто называют песней, положившей начало процессу «вторжения» [8, p. 9]). The Zombies, The Kinks, The Rolling Stones, The Pretty Things, The Searchers, Cream, The Troggs, The Yardbirds — вот те группы, которые за пару лет стали повсеместно известны в западных странах. К началу 1967 года «британское вторжение» в целом стихло, но британская рок-музыка уже прочно встала на ноги, оставив позади все европейские страны, и по количеству всемирно известных рок-групп соперничать с Великобританией могли только США. Вторая половина 1960-х и 1970-е гг. стали очень успешным временем для британской рок-музыки. Британские группы доминировали в некоторых новых жанрах рок-музыки, таких как: блюз-рок (Led Zeppelin), хард-рок (Black Sabbath, Deep Purple), арт-рок (Genesis, ELO), прогрессивный рок (Pink Floyd, King Crimson, Yes, Jethro Tull), панк-рок (Sex Pistols, The Clash), глэм-рок (T. Rex, Queen), пост-панк (Joy Division) и так далее. Стоит отметить, что некоторые группы на свой лад популяризировали Великобританию как оплот монархии. К примеру, группа Queen, кроме монархического названия, делала отсылку к британской монархии своим логотипом, отчетливо напоминая Королевский герб Великобритании; иные популяризировали государство упоминанием географических объектов и/или символов Великобритании (The Clash и песня «London Calling», The Beatles и песня «A Day in the Life», в которой упоминаются Альберт-холл, двухэтажные автобусы, Палата лордов), английской литературы (Led Zeppelin и песня «The Battle of Evermore», вдохновленная произведениями Дж. Р. Толкина).

Важным элементом культурного влияния Великобритании в 1960-1970-х гг. оставалась литература. Отметим тот факт, что многие ставшие классикой массовой культуры произведения были написаны и опубликованы ранее 1960-х гг. («О дивный новый мир» О. Хаксли вышел в 1932 г., «1984» Дж. Оруэлла в 1949 г.). Также, как и произведение Дж. Р. Толкина «Властелин колец», первое издание которого вышло в Соединенном Королевстве в 1954 г., но международной популярности достигло в 1960-х годах. «Властелин колец», равно как и «Хоббит» и опубликованный после смерти писателя «Сильмариллион» составили славу британской фэнтези-литературы, а Великобритания стала приобретать имидж самой сказочной страны Старого Света. Этот образ по сей день активно используется Великобританией для увеличения туристического потока. Отметим успехи популярной британской литературы в жанрах юмористической научной фантастики (серия книг Д. Адамса «Автостопом по Галактике»), сказочной повести

(«Чарли и шоколадная фабрика» Р. Даля), шпионского романа (серия книг о Джеймсе Бонде, созданная Яном Флемингом), научной фантастики («2001: Космическая Одиссея», «Фонтаны Рая» А. Кларка), антиутопии («Заводной апельсин» Э. Берджесса).

Таким образом, за период 1960–1970-х гг. Великобритания смогла стать одной из стран с наиболее развитой индустрией массовой культуры. Этому способствовало и то, что цензурные ограничения в Соединенном Королевстве были более мягкими, нежели, например, в США. Некоторые направления, такие как рок-музыка, развивались очень успешно; некоторые, как кинематограф, сочетали успехи и неудачи. Разумеется, в рамках короткого обзора невозможно отразить все достижения массовой культуры Великобритании того периода времени. Как минимум, не были рассмотрены достижения в области изобразительного искусства. В целом же, в 1960–70-х гг. Великобритания сумела адаптироваться к масштабным культурным изменениям, охватившим в то время все западные страны, благодаря чему в настоящее время британская массовая культура выступает одним из основных рычагов «мягкой силы» Великобритании в мире.

Литература

1. Nye Jh.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.
2. Хоркхаймер М. Диалектика просвещения. М., 1998.
3. Манхейм К. Человек и общество в век преобразования. М., 1991.
4. Marwick A. The Sixties: Cultural Revolution in Britain, France, Italy and the United States, c. 1958 — c. 1974. L., 1998.
5. Taylor B. F. The British New Wave: A Certain Tendency? Manch., 2006.
6. Rycroft S. Swinging City: A Cultural Geography of London 1950–1974. Farnham, 2011.
7. Нэрмор Д. Кубрик. М., 2012.
8. Perone J.E. Mods, Rockers, and the Music of the British Invasion. L., 2009.

П.В. Ульянов

Идея «содружества наций» в британской пропаганде периода Первой мировой войны

Основная особенность Первой мировой войны как военного конфликта заключается в том, что в вооруженное противостояние между европейскими странами были втянуты народы, проживавшие на разных типах зависимых территорий. Когда мы говорим о государствах импер-

ского типа, то в определении понятия «империя» всегда всплывают обозначения «имперский центр» и «периферия». В нашем случае термин «империя» понимается как сложное по форме устройство государство, состоящее из метрополии как центральной части государства и колоний, подчиненных центральной власти государств [1, с. 104]. Следовательно, если «имперский центр» вступает в войну, то подчиненные ему народы периферий привлекаются в качестве солдат или волонтеров на военно-строительные работы за счет мотивационной пропаганды. В основе такой пропаганды лежит задача по формированию положительного имиджа империи среди подданных для активизации их патриотических чувств и укрепления «оборонного сознания». Использование государством «мягкой силы» как стратегии внешнеполитического характера имеет целью привлечь к себе внимание подданных на основе их добровольного участия в борьбе против «внешнего врага». Среди жителей зависимых территорий целенаправленно формируется имидж государства-метрополии как фактор «мягкой силы», который призван сформировать положительное представление о нем.

В связи с этим автор ставит целью выделить особенности продвижения идеи «содружества наций» в британской пропаганде периода Первой мировой войны среди ее подданных, проживавших на зависимых территориях. Нами будет рассмотрена идея «содружества наций» как мотивационный фактор «мягкой силы» по формированию имиджа Великобритании. При этом наличие разных по своему характеру зависимых территорий заставило Бюро военной пропаганды проводить различную мотивационную агитацию. Общим для всех территорий было то, что идея «содружества наций», в основе которой лежало единство жителей Британской империи независимо от их национальности, культивировалась вместе с имперской идеологией, призывавшей встать на защиту государства в качестве ее подданного.

В последней трети XIX — начале XX века Великобритания представляла собой государство имперского типа, включавшее в свой состав разные типы зависимых территорий. Наиболее развитые в политическом плане Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Доминион Ньюфаундленд и Ирландия получили право на самостоятельную политику, в результате чего формировался положительный имидж Великобритании как «лидера» в этих владениях. Особенность протектората сводилась к тому, что в нем основной упор делался на создании имиджа Великобритании в качестве «протектора» или «защитника» своего владения. Колония была более зависима, отчего в большей степени в ней использовалось принуждение подданных со стороны местных властей к службе метрополии. В нача-

ле XX века в предполагаемой войне с Германией британское правительство планировало задействовать материальные и людские ресурсы всех зависимых территорий. Поэтому проведение мотивационной пропаганды для поднятия подданных империи на борьбу шло в русле продвижения идеи «содружества наций», появившейся во время руководства премьер-министра А. Розберри и проведенной в это же время колониальной конференции в 1887 году, и формирования имиджа Великобритании как «преданного союзника» и «лидера» в борьбе с «внешним врагом».

Основная особенность пропаганды на территории доминионов сводилась к формированию имиджа Великобритании как «лидера» в войне с Германией и ее союзниками. Местные агитаторы посредством плакатов [2, 3], почтовых открыток и других средств коммуникации продвигали идею «содружества наций», делая упор на единстве всех народов Британской империи, невзирая на их происхождение. Великобританию и ее доминионы объединяли прежде всего общий язык, культура и происхождение. В связи с этим местные британские власти добивались привлечения в экспедиционные корпуса людей на основе их добровольного участия. Этому способствовала и «патриотическая лихорадка», развивавшаяся не только в доминионах, но и в самой Великобритании. Активную позицию в поддержке войны Великобритании против Германии заняли Канада и Австралийский Союз, предоставив боеспособные войска [4, р. 169–193]. В период пропаганды местные агитаторы делали акцент на идее «содружества наций», побуждая население встать на защиту империи от «внешнего врага», одним из которых была Османская империя, мотивируя за счет дарованного Великобританией права на самостоятельность в проведении своей политики. В связи с этим формирование австралийско-новозеландского армейского корпуса “ANZAC” проходило в условиях патриотического подъема [5, с. 79]. Новая Зеландия и Южно-Африканский Союз также поддержали империю, хотя во втором нашлись те, кто выступал против войны. Ими были африканеры голландского, немецкого и французского происхождения [6, с. 80], которые усложняли задачу проведения пропаганды. Дабы укрепить свой имидж «лидера» в борьбе с «внешним врагом» британские колониальные власти привлекали в качестве добровольцев в армию коренное население, например, новозеландский народ маори. В Ирландии в первый же день войны началась мобилизация волонтеров в Ирландскую гвардию в качестве добровольческих вооруженных формирований [7, р. 15]. Конечно же, ирландцы ожидали обрести независимость страны после войны, чем и мотивировали их агитаторы, пытаясь сформиро-

вать имидж Великобритании в качестве «преданного союзника», готового отблагодарить за участие в военном конфликте. В итоге мобилизации населения доминионов в британские экспедиционные корпуса для борьбы прежде всего с Османской империей и Германией как «основным врагом» Британия достигла успешных результатов в привлечении огромного количества масс.

В начале 1916 года продвижение идеи «содружества наций» с целью формирования в доминионах положительного имиджа Великобритании как фактора «мягкой силы» претерпело значительные изменения. Как в «имперском центре», так и на территориях его доминионов начался всеобщий призыв мужчин в британскую армию на основе всеобщей воинской обязанности [8, р. 291–295]. Произошел переход от «мягкой силы» к «жесткой силе», из-за чего идея «содружества наций» стала навязываться агитаторами за счет психологического давления на юношей и молодых мужчин, требуя от них незамедлительного исполнения долга перед Британской империей. Таким образом, особенность продвижения в массы идеи «содружества» в последние военные годы заключалась в насильственном привлечении людей в армию для доведения войны до победного конца. Среди всех доминионов возмущение действиями центрального правительства было наибольшим в Ирландии, в которой после Пасхального восстания 1916 года внедрение идеи «содружества» оказалось невыполнимо из-за противоречия законопроектов о мобилизации положениям Гомруля.

Иная ситуация обстояла с британскими протекторатами Египет, Британская Тонга, Британское Сомали, Южная Нигерия, Северное Борнео и некоторыми другими. Местные британские агитаторы привлекали массы в качестве солдат и рабочих на военных объектах за счет «идеи содружества», активизируя «защитнический рефлекс» местного и коренного населения от «внешнего врага». Основная цель агитаторов заключалась в формировании имиджа Великобритании как «протектора» или «защитника» своих владений и их жителей от «внешнего врага» и за счет гарантии защиты от «агрессора» агитаторы побуждали людей вступать в армию. Основная особенность была в том, что протектораты до конца войны продолжали участие на стороне Британской империи, отчего мотивационная пропаганда имела больший успех, нежели в доминионах. Исключением был Египет, так как в нем после распада Османской империи активизировалось национальное движение, в связи с чем Великобритания отменила протекторат над ним, но сохранила право на его оборону.

Британская Индия, Британская Гвиана, Британский Цейлон и Британский Гондурас и некоторые другие колонии были зависимыми тер-

риториями, поэтому не требовали проведения широкомасштабной мотивационной пропаганды, как доминионы и протектораты. Агитаторы, привлекая коренное население, фактически внедряли идею «содружества» в сознание подданных, тем самым опирались на «жесткую силу». Исключением была Британская Индия, среди коренного населения которой шло развитие национального самосознания. В связи с этим в качестве мотивации агитаторы делали акцент на идее «содружества наций» в контексте теории «общественного договора». Мотивируя жителей Индии на борьбу с Германией и ее союзниками, местные британские пропагандисты акцентировали внимание на проведении реформ после войны, чем привлекли на свою сторону национальную политическую элиту, способную влиять на массы. Тем самым формируемый положительный имидж Великобритании как «верного своим обязательствам союзника» выступал как фактор «мягкой силы». Еще до войны британские местные власти пошли на некоторые политические уступки, например, издали закон Морли-Минто об индийских советах в 1909 году, в результате чего способствовали формированию положительного имиджа Великобритании в Британской Индии. В начале войны агитаторы мотивировали индийцев на борьбу с Германией посредством «сделки», обещая дальнейшее проведение реформ при условии добровольного их участия в войне. Однако в середине военного конфликта возникла сложная общественно-политическая и социально-экономическая обстановка. Несмотря на то, что национальная элита настаивала на продолжении военных действий, поддерживая «оборонное сознание» масс, общество было утомлено военным положением. В качестве поддержания «боевого духа» жителей Индии британское правительство поставило целью решить вопрос о необходимости внесения определенных корректив в колониальную политику [9, с. 434].

В 1917 г. министр по делам Индии Э. Монтегю выступил с декларацией, а в следующем году был представлен доклад Монтегю и вице-короля Челмсфорда, в котором предлагалось постепенное создание в Британской Индии ответственного правительства (первоначально на уровне провинций), подчиненного британской власти. Данные шаги позволили Великобритании довести войну до конца и в 1919 году в качестве «благодарности» Индии за проявленную в годы войны лояльность британским парламентом был принят Закон об управлении Индией, введивший элементы ответственного правления и расширявший избирательное право. Таким образом, особенность продвижения в массы идеи «содружества наций» в Индии, в отличие от других колоний, заключалась в том, что местные британские власти гарантировали проведение реформы, способствовавшей становлению самоуправления

на данной территории, чем мотивировали население довести войну до победного конца.

Таким образом, особенности продвижения в массы идеи «содружества наций» зависели от типа зависимой территории. Имидж Великобритании как фактор «мягкой силы» мотивировал жителей доминионов, протекторатов и колоний, в основном Индии, на борьбу с «внешним врагом» и подчеркивал единство между всеми подданными империи независимо от их национальности. После войны идея «содружества наций» продолжала оставаться фактором сближения Великобритании с ее владениями, а после принятия на конференции 1926 года Декларации Бальфура доминионы получили право на свободное членство в добровольном межгосударственном объединении — Британском содружестве наций.

Литература

1. Новейший политологический словарь. Ростов н/Д., 2010.
2. Плакаты Первой мировой войны. Канада // Первая мировая война. URL: <http://www.firstwar.info/posters/canada/index.shtml>
3. Плакаты Первой мировой войны. Австралия // Первая мировая война. URL: <http://www.firstwar.info/posters/australia/index.shtml>
4. Godefroy A. Canadian Military Effectiveness in the First World War // The Canadian Way of War / ed. B. Horn. Toronto, 2006.
5. Виллмотт Г.П. Первая мировая война. М., 2010.
6. История Тропической и Южной Африки в новое и новейшее время / Отв. ред. А.С. Балезин. М., 2010.
7. Kipling R. The Irish Guards in the Great War. Vol. I. L., 2007.
8. Beckett I. The Great War. L., 2007.
9. Всемирная история: в 10 т. / под ред. И.И. Минца. Т. 8. М., 1961.

С.В. Фоменко

«Мягкая сила» и имидж Германии 1933–1939 гг. с позиций концепции Джозефа Ная-младшего и ее критиков

Прошлое знает не так уж много примеров использования «мягкой силы». Но их найти можно. Вопреки бытующим представлениям, к «soft power» широко прибегал в период своего канцлерства даже Адольф Гитлер — независимо от того, какое значение вкладывается в данное понятие.

Как известно, согласно концепции «мягкой силы» Дж. С. Ная, «soft power» — это некий ресурс, состояние, открывающее перед обладающим им «привлекательным» государством возможность самых

разнообразных действий. При этом гарвардский профессор, который осмысливал в основном опыт абсолютного доминирования США в мире конца XX в., полагал, судя по всему, что «мягкая сила» возникает в результате кропотливого труда многих поколений, руками которых создается своего рода «Божий град на холме».

Но Третий рейх А. Гитлера обзаводился «мягкой силой» с поразительной быстротой. Развертывание в нем крупномасштабных общественных работ и ликвидация (в основном на этой основе) шестимиллионной безработицы, выход из кризиса промышленности и сельского хозяйства (пусть и за счет начинавшейся милитаризации производства, о которой пока еще мало кто задумывался), активная социальная политика государства, дополняемая системой рабоче-предпринимательского сотрудничества на производстве и в рамках Немецкого трудового фронта, развитие туризма и спорта, которое сопровождалось заметным улучшением физического состояния немецкой нации, и многое другое превращали нацистский рейх в объект, достойный подражания. После посещения Германии известный британский либерал Ллойд Джордж назвал Гитлера в 1936 г. величайшим политиком. В том же году «сам» Парламент направил в рейх делегацию для ознакомления с возникшей там системой организации свободного времени трудящихся и принял затем по ее рекомендации первый в истории Британии закон о физической подготовке и активном отдыхе населения.

Факт почти бескровного завоевания гитлеровцами зарубежной нам Европы невозможно объяснить одним лишь неблагоприятным «соотношением сил» покоряемых стран с Третьим рейхом или предательством правящих элит. Когда Германия вступит на путь экспансии, ее возросшая экономическая, военная, демографическая мощь будет оказывать влияние на европейцев уже самим фактом своего существования, порождая согласие многих обществ либо на «протекцию» со стороны рейха, либо даже на оккупацию им своей территории.

Огромную роль в мирном захвате континента сыграл и созданный гитлеровцами образ Германии в качестве народного и миролюбивого государства.

Упор на надклассовый характер рейха нацисты делали, конечно, в основном во внутривнутриполитической пропаганде. Но Луи Арагон описывал (пусть и исключительно в художественной форме) такой случай, произошедший на севере Франции в мае 1940 г., когда под воздействием вторжения немцев начался массовый исход бельгийского и французского населения на юг. (Перед капитуляцией Франции 22 июня 1940 г. в районе южнее Парижа окажется, по некоторым оценкам, до семи млн беженцев, лежавших часто «на обочинах дорог или на опуш-

ках леса, умирая от голода, — без пищи, без воды, без крова» [1, с. 353]).

Чтобы решить возникшую проблему, заставить людей вернуться домой, «сытые, чистые, не усталые» гитлеровцы развернули соответствующую пропаганду. Один немец ораторствовал: «Не надо бояться, мы воюем не с французским народом... — по его произношению ясно было, что говорит немец. — Мы воюем не с французским народом, мы воюем с капитализмус... Мы зоциалисты ... наш народ живет с фюрер благополучно, понимаете? Мы воюем с вашим капитализмус, с Фланден, Рейно, Черчилль... — Он несколько раз повторил эти три имени (французских и английского руководителей). ... Мы не завоеватели! Kein Imperialismus! ... Это освободительная война...!» [2, с. 463].

И все же внешняя пропаганда нацистов отличалась от внутренней, оказавшись замкнутой в основном на идее миролюбия Третьего рейха.

Адольф Гитлер прекрасно понимал, насколько обеспокоена Европа его приходом к власти, ведь с внешнеполитическими идеями нацистов, изложенными ими в ходе тысяч публичных выступлений в период борьбы за власть, европейцы были знакомы. Требовалось спутать карты потенциальных жертв и противников рейха. И Гитлер стал их путать заявлениями о мире. Ближайшему своему окружению фюрер как-то сказал: несколько лет «придется поддерживать состояние своего рода «гражданского мира» с европейскими державами, все бряцание оружием националистических кругов сейчас неуместно» [3, с. 347].

Уже в первом воззвании правительства Гитлера к германской нации от 1 февраля 1933 г. цели его внешней политики определялись довольно туманно — двумя расплывчатыми фразами: об «утверждении права (Германии) на жизнь» и «восстановлении свободы» (опять-таки, конечно, Германии). Фразы сопровождались тезисом о равноправии как инструменте мира. Так стал создаваться имидж нацистского государства в качестве чуть ли не главного борца за мир, на создание которого наряду с прочим оказывались направлены и знаменитые ежегодные «мирные речи» фюрера, произносимые публично обычно в мае.

Самая умная и изощренная из всех этих «мирных речей» Гитлера прозвучала в рейхстаге 21 мая 1935 г. под влиянием известия о произошедшем сплочении противников рейха. (2 и 16 мая были подписаны франко-советский и советско-чехословацкий договоры о взаимной помощи).

Излучая спокойствие, терпимость и умиротворение, Гитлер говорил, что война бессмысленна, война бесполезна; она, в конце концов, ужасна: «Кровь, лившаяся на Европейском континенте в течение трех последних столетий, не привела к каким бы то ни было национальным

изменениям. ... Если бы лишь часть жертв была принесена этими государствами во имя более высоких целей, успех был бы значительнее и долговечнее». Поэтому, заявил Гитлер, «Германия и не мыслит завоевывать другие народы [...] Национал-социалистическая Германия не хочет войны в силу своих убеждений. И еще она не хочет войны потому, что прекрасно понимает: война не избавит Европу от страданий. В любой войне погибает цвет нации — Германии нужен мир, она жаждет мира!».

«Рейх, — говорил фюрер, — торжественно признает границы Франции ... и гарантирует их соблюдение... Таким образом, мы отказываемся от наших притязаний на Эльзас и Лотарингию — земли, из-за которых между нами велись две великие войны». Забыв прошлое, напомнил Гитлер, Германия уже заключила в январе 1934 г. пакт о ненападении с Польшей и будет «соблюдать его неукоснительно... Мы считаем Польшу родиной великого народа с высоким национальным самосознанием». Рейх также «не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Австрии, аннексировать Австрию или присоединять ее».

Постоянно возвращаясь к той мысли, что «Германии нужен мир, она жаждет мира», Гитлер выдвинул 13 конкретных предложений, «способных помочь сохранению мира». Заявив: пока Лига Наций не отменит Версальский договор, Германия не сможет вернуться на Женевскую конференцию по разоружению и в Лигу (откуда она ушла 14 октября 1933 г.), Гитлер в то же время объявил: когда это произойдет и будет признано равенство всех, Германия присоединится к Лиге наций. Тем не менее, и сейчас, находясь вне этой организации, пообещал он, Германия будет неукоснительно соблюдать невоенные положения Версальского договора, «включая территориальные». Гитлер также поклялся: Германия будет стоять на позициях демилитаризации Рейнской области, она готова в «любое время» присоединиться к системе коллективной безопасности и пойти на «любые ограничения, которые ведут к отмене тяжелого вооружения, особенно наступательного характера, таких, как тяжелая артиллерия и тяжелые танки». В конце же гитлеровского выступления прозвучало: «Если кто-нибудь зажжет в Европе огонь войны, значит, он хочет хаоса. Мы, тем не менее, живем с твердой уверенностью в том, что наше время будет ознаменовано возрождением Запада, а не его упадком. Германия могла бы внести в это дело бессмертный вклад, она на это надеется и непоколебимо в это верит» [4, с. 312–313].

Судя по прессе тех дней, этими сладкими словами Гитлера о свободе, мудрости и примирении многие в Европе просто упивались. Поэтому в чем-то можно согласиться с теми авторами, которые говорят: одной из причин британской политики умиротворения рейха явилось

то, что Гитлер смог составить о себе и рейхе представление как о сторонниках мира.

Широко используя «мягкую силу», реализуемую на элитном уровне преимущественно с помощью дипломатии, а на массовом — за счет пропаганды, гитлеровцы не просто создавали положительный образ рейха. Параллельно они формировали и крайне отрицательный облик своих противников/врагов.

Вот только один пример. После того, как 26 марта 1939 г. польское правительство отвергло гитлеровское предложение о включении свободного города Данцига в состав рейха и о строительстве через Польский коридор экстерриториальных немецких дорог, связывающих Восточную Пруссию с остальной Германией, 3 апреля появилась секретная директива для действий вооруженных сил Германии на период 1939–1940 гг. Одной из трех ее частей являлся план военных действий против Польши — «план Вайс (Вейс)», по поводу которого в директиве говорилось: разработка плана «должна проходить таким образом, чтобы осуществление операции было возможно в любое время, начиная с 1 сентября 1939 г.» [5, с. 356]. И сразу же началась разработка планов психологической и экономической войны против Польши (с использованием в документах обоих этих понятий: «психологическая война» и «экономическая война»).

2 мая советник министра иностранных дел рейха фон Клейст доверительно говорил одному германскому журналисту: «В настоящее время подбирается материал для пропагандистской атаки против Польши. На первом плане — следующие темы: под девизом “Польша — второе (после Чехословакии) мозаичное государство” следует заклеить роковую политику террора, осуществляемую Польшей в национальном вопросе; под девизом „Польша — государство реакции и упадка“ будут показаны нищета польских крестьян, культурная отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства, ведущий к упадку, и голодное прозябание польского населения; под девизом „Паразиты у власти“ будет показано разложение господствующей в Польше верхушки, продажность польских руководителей, их декадентство и классовая оторванность от широких масс. Разрабатываются и другие, подобные этим темы» с целью «воздействовать на мировую общественность и польское население» [5, с. 420–421].

Советник германского посольства в Варшаве фон Шелиа 7 мая подтверждал: с большим размахом в Берлине запланирована подрывная пропагандистская кампания через прессу и радио, в которой «будут играть определенную роль преступления на сексуальной почве и обогащение руководящих деятелей Польши, а также эксплуатация

крестьян и рабочих господствующим режимом» [5, с. 434]). Разработанные планы стали немедленно претворяться в жизнь, подтверждая, что за истекшие 75 лет методы идеологической войны особых изменений не претерпели.

Приписывая Польше и ее руководству самые смертные грехи, нацистская пропаганда продолжала трудиться над формированием исключительно позитивного имиджа рейха, в том числе и путем изображения его в качестве принципиального противника принуждения и войны. В оккупированной Польше будет распространяться листовка «Мир на Земле». В Данию и Норвегию гитлеровцы вступят под предлогом их спасения от нависшей угрозы вторжения англо-французских войск.

Иллюзии населения оккупированных стран по поводу своего будущего разжигались самыми разнообразными способами. Как только 14 июня 1940 г. французское правительство объявило Париж «открытым городом», в него вступили гитлеровские войска, уже 18 июня американский корреспондент обнаружил в Париже «что-то вроде открытого братания между немецкими солдатами и местными жителями»: введенные в город солдаты были, кажется, австрийцами, «они хорошо воспитаны и немного говорят по-французски. Большинство немецких военных ведут себя как наивные туристы, и это приятный сюрприз для парижан. Это покажется смешным, но у каждого немецкого солдата в руках фотоаппарат». У. Ширер видел их тысячами, «фотографирующих Нотр-Дам, Триумфальную арку, Дом инвалидов. Тысячи немецких солдат толпятся у могилы Неизвестного солдата, где под аркой до сих пор горит огонь. Они обнажают свои блондинистые головы и стоят там, созерцая» [1, с. 349]. Такого рода тщательно продуманная фюрерами «цивилизованной нации» политика, подкрепляемая соответствующей пропагандой, вплоть до осени 1942 г. являлась чуть ли не главным препятствием на пути развертывания движения Сопротивления во Франции — как, впрочем, и в ряде других государств.

Имидж нации/государства можно рассматривать в качестве одного из компонентов «мягкой силы», можно, наоборот, считать, что именно «мягкая сила» является инструментом построения имиджа, и т.д. [6, с. 29]. Но главное — в ином: как свидетельствует история, привлекательный имидж общества многократно облегчает ему решение национально-государственных задач, а поэтому государства с солидным запасом «мягкой силы» стремятся закрепить такого рода имидж исключительно за собой. Особенно это заметно сегодня в условиях информационно-пропагандистского противостояния стран, когда возможное в принципе достаточно быстрое улучшение/ухудшение имиджа того или иного государства (вслед за улучшением/ухудшением в нем объ-

ективного положения дел) блокируется — и блокируется в основном с помощью пропаганды.

Согласно Дж. Наю, мы не имеем права считать пропаганду фактором «мягкой силы», поскольку та не является ни поведением, ни деятельностью, хотя эффект «мягкой силы» проявляется именно в действиях — пусть и не ее обладателя, а субъекта, подвергающегося воздействию. Но за период с 1990 г. «мягкая сила» в ряде обществ оказалась наделена иным смыслом — не тем, что вкладывал в него Дж. Най. Тот прямо пожаловался в 2006 г. на страницах журнала «Форин полиси», что в России и Китае его термин понимают неправильно.

Отталкиваясь прежде всего от событий новейшей истории, россияне, действительно, находят огромный пласт явлений, которые по праву могут считаться важнейшим источником «мягкой силы». В первую очередь, речь идет об активной манипуляции сознанием собственного и чужого населения, об идеологических диверсиях, информационно-психологических войнах и других не вполне «мягких» средствах воздействия на противника или — по терминологии Дж. Найа и его последователей — на «контрагента».

Такого рода подход, на наш взгляд, вполне обоснован, тем более, что и сам Дж. Най, выделявший три главных компонента «мягкой силы»: культуру, политическую идеологию и внешнюю политику — со временем при характеристике явления усилил акцент на действии, назвав в работе 2011 г. обнаруженную им «мягкую силу» «танцем, для которого нужны партнеры» [7, с. 562]. Танца же, как известно, не получится, если двигаться будет только «контрагент».

Литература

1. Ширер У. Берлинский дневник. Европа накануне Второй мировой войны глазами американского корреспондента [1941] / Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М., 2002.
2. Арагон Ж. Коммунисты. Роман. Т. 2 [1951]. М., 1957.
3. Фест Й. Гитлер. Биография. Т. 2 [1973] / Пер. с нем. под ред. С.З. Случа и П.Ю. Рахшмира. Пермь, 1993.
4. Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха [1960]. М., 2003.
5. Год кризиса, 1938–1939. Документы и материалы. В 2 т. Т. 1. 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. М., 1990.
6. Леонова О.Г. Мягкая сила — ресурс внешней политики государства // Обозреватель-Observer. 2013. № 4. С. 27–40.
7. Алексеева Т.А. Современная политическая мысль (XX–XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. М., 2016.

3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМИДЖ СТРАНЫ И ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А.М. Барсуков

«Мягкая сила» России на евразийском пространстве в условиях трансформации международных отношений

В условиях трансформации международных отношений возрастает неопределенность и усиливается конкуренция между акторами глобальной политики, а национальные государства в свою очередь стремятся наращивать свое могущество. «Мягкую силу» как инструмент внешней политики государства сейчас активно обсуждают в политологическом дискурсе. В 1990-м году американский политолог Дж. Най впервые упомянул термин «мягкая сила» в книге «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской силы». Под «мягкой силой» Дж. Най понимал «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения или выплат» [1]. Дж. Най выделял три типа внешнеполитических ресурсов: военный потенциал, экономическое могущество и нематериальные ресурсы.

Современные исследователи, в частности, отмечают, что для современной глобальной политики характерны следующие атрибуты:

1. Увеличение числа акторов глобальной политики. Государства, тем не менее, продолжают играть роль регулятора и адресата публичных ожиданий.

2. Глобальная политика приобрела многоуровневый характер.

3. Относительная сила различных акторов зависит от соотношения в их арсенале «жестких» и «мягких» ресурсов, к числу которых относятся и военные ресурсы.

4. Речь сегодня идет не столько о взаимном влиянии внутренней и внешней политики, но скорее о различии между внутривнутриполитической и внешнеполитической сферами.

5. Характер взаимодействия различных глобальных акторов сегодня таков, что их все труднее отслеживать, контролировать и направлять.

Вместе с тем анализ изменения мироустройства показывает, что вопросы военного и идеологического доминирования между Западом и Востоком, а также между интеграционными объединениями остаются на повестке дня и все больше смещают акценты мирового сообщества

к анализу потенциала инструментов реализации внешней политики. Последнее отчасти связано не только с ревизией теории международных отношений, определения значимости восходящих держав и кризиса национальных государств в условиях асимметрии мирового суверенитета, но и прежде всего с тем, что усиливается внимание к необходимости институционального укрепления государств [2].

Одним из важных направлений последних лет для России стало продвижение евразийского интеграционного проекта. Исторический договор о создании Евразийского экономического союза, подписанный главами России, Казахстана и Белоруссии в Астане 29 мая 2014 г. четко обозначил перспективный вектор развития на ближайшие годы. В этом смысле важно изучение возможностей реализации «мягкой силы» России на евразийском пространстве, поскольку продвижение Западом модели изоляции питает потенциал дестабилизации и усугубляет экономическое развитие постсоветских государств.

В 2010 г. Президент РФ В.В. Путин в статье «Россия и меняющийся мир» представил понятие «мягкая сила» — «комплекс инструментов и методов достижения внешнеполитических целей без применения оружия, а за счет информационных и других рычагов воздействия» [3]. В 2012 г. Владимир Путин в условиях возрастания факторов глобальной и региональной нестабильности в ежегодном послании Федеральному Собранию РФ отметил, что Россия должна оставаться суверенной и влиятельной страной, расширять свое присутствие в мировом гуманитарном, информационном и культурном пространстве. В Указе № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации» Президент РФ подчеркнул, что Россия должна стремиться к открытости и многовекторности в условиях формирования новой системы полицентричных отношений. Вместе с тем федеральным органам государственной власти было поручено содействовать укреплению позиций России как равноправного партнера на мировых рынках и активно задействовать различные формы многосторонней дипломатии. В документе зафиксировано, что развитие многостороннего взаимодействия и интеграционных процессов на пространстве Содружества Независимых Государств является ключевым направлением внешней политики Российской Федерации [4].

Таким образом, Указ Президента РФ, определяющий внешнеполитические приоритеты Российской Федерации, во многом предвосхитил новые редакции концепции внешней политики. На этапе обсуждения новой концепции внешней политики эксперты отмечали, что прежние концепции от 28 июня 2000 г. и 12 мая 2008 г. не отражали современные проблемы безопасности, и подчеркнули необходимость системно-

го подхода к решению внешнеполитических проблем [5]. Новые редакции концепции внешней политики России 2013 и 2016 гг. акцентировали внимание на укреплении торгово-экономических позиций России в системе мирохозяйственных связей, дипломатическом сопровождении интересов отечественных экономических операторов за рубежом, защите прав российских граждан и соотечественников, проживающих за рубежом, укреплении русского языка в мире, необходимости решения проблем безопасности и сохранения суверенитета. Концепция внешней политики 2016 г. поясняет, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов «мягкой силы», прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [6].

Стоит отметить, что в концепции внешней политики 2016 г. нет обозначения понятия «публичная дипломатия», но отражается понятие «сетевая дипломатия, предполагающая гибкие формы участия в многосторонних структурах в целях эффективного поиска решений общих задач» [6].

Таким образом, «мягкая сила» России обозначает роль и значение информационного сопровождения внешнеполитической деятельности, но в то же самое время не раскрывает значимость институтов публичной и общественной дипломатии. Опираясь на идеи структурных реалистов, можно говорить о том, что стремящиеся к доминированию державы берут на себя слишком много задач за пределами их собственных границ, а это в конечном счете ослабляет государство [7]. Сейчас Россия по сути сталкивается с тем, что стремление к реализации «мягкой силы» на евразийском пространстве воспринимается противоречиво. Так, Евразийский экономический союз, с одной стороны, предоставляет новые возможности для стран ЕАЭС, а с другой — возникают дискуссии о лидерстве и донорах [8]. В этом контексте усиливается конкуренция между государствами, союзами и альянсами за влияние на евразийское пространство, что привело к противоречивым оценкам со стороны экспертов стран ЕАЭС относительно партнерства и влияния «мягкой силы» России на Центральную Азию [9]. В международном рейтинге Portland Communications «мягкая сила» России заняла 8-е место по участию в международных делах, 14-е место по культуре и 11-е по цифровым технологиям [10]. Одним из институтов реализации «мягкой силы» России является Россотрудничество. По оценкам Счетной палаты России в 2016 г. Россотрудничество не эф-

фактивно использовало средства федерального бюджета [11]. Вместе с тем ряд направлений деятельности институтов российской публичной дипломатии в рамках утвержденных программ получают увеличение бюджета до 2020 г., например, на поддержку русского языка [12]. В целом расходы России на внешнюю политику к 2019 г. вырастут почти на 6 млрд. рублей [13]. На фоне противоречивых замечаний о стремлении России к гегемонии на евразийском пространстве стоит отметить, что 2017 год проходит под эгидой 25-летия установления дипломатических отношений России со странами Центральной Азии, и было инвестировано порядка \$20 млрд. «В Центральной Азии активно работают свыше 7,5 тыс. российских и совместных предприятий. Большая часть денежных средств (только за 2013–2016 гг. более чем \$37 млрд) поступают в страны региона в результате трудовой деятельности их граждан в России» [14].

Несмотря на определенные достижения и успехи в развитии сотрудничества России и стран Центральной Азии в торгово-экономической и гуманитарной сферах [15] можно выделить ряд дискуссионных моментов:

- 1) необходимо обозначение системы институтов, которые участвуют в реализации «мягкой силы» для того, чтобы продолжить работу по разработке нормативно-правовых актов и внесению изменений в российское законодательство с учетом внешнеполитической ситуации;
- 2) интеграционные процессы становятся полем для «Большой игры»;
- 3) вызовы и угрозы определяют не только контуры будущего, но и в значительной степени должны учитываться на программном уровне внешнеполитическим ведомством, которое формирует и координирует программы и международную деятельность;
- 4) формирование положительного имиджа России на евразийском пространстве требует конкретного наполнения программ, ориентированных на позиционирование ценностей, достижений и возможностей, которые в совокупности смогут стать частью инфраструктуры политики идентичности.

Таким образом, Россия в условиях трансформации международных отношений стремится к адаптации и выработке подходов к реализации *politics* и *policy*. «Мягкая сила» России будет эффективна при условии реальной реализации умной силы, публичной и сетевой дипломатии.

Литература

1. Nye J.S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. N.Y., 1990.
2. Асимметрия мировой системы суверенитета: зоны проблемной государственности. М., 2011.
3. Россия и меняющийся мир. URL: <http://www.mn.ru/politics/78738>
4. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 605 «О мерах по реализации внешнеполитического курса Российской Федерации». URL: <http://www.rg.ru/printable/2012/05/09/vn-polit-dok.html>
5. Эксперты МГИМО обсудили концепцию внешней политики. URL: <http://www.mgimo.ru/news/university/document225489.phtml?ac=show&page=0&gallery=225498#gallery225498>
6. Концепция внешней политики 2016. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248
7. Waltz K. Structural Realism after the Cold War. URL: http://www.columbia.edu/itc/sipa/U6800/readingsm/Waltz_Structural%20Realism.pdf
8. Андропова И.В. Евразийский экономический союз: потенциал и ограничения для регионального и глобального лидерства // Вестник международных организаций. 2016. №2.
9. «Мягкая сила» vs применение силы: гибридная логика России. URL: <http://caa-network.org/archives/9486>
10. The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. URL: https://portland-communications.com/pdf/The-Soft-Power_30.pdf
11. Общий объем неэффективного использования Россотрудничеством средств федерального бюджета превысил 13,9 млн. рублей. URL: http://audit.gov.ru/press_center/news/27051
12. Постановление Правительства РФ от 20.05.2015 N 481 (ред. от 02.04.2016) «О федеральной целевой программе «Русский язык» на 2016–2020 годы». URL: <http://rulings.ru/government/Postanovlenie-Pravitelstva-RF-ot-20.05.2015-N-481/>
13. Бюджет в погоне за внешним эффектом. URL: <http://www.rbc.ru/newspaper/2016/11/07/581b50cd9a7947327024cffa>
14. Помощь России странам Центральной Азии превысила \$6 млрд. за 10 лет. URL: <http://eurasia.expert/pomoshch-rossii-stranam-tsentralnoy-azii-prevysila-6-mlrd/>
15. Россия и Центральная Азия // Министерство иностранных дел Российской Федерации [официальный сайт]. URL: <http://www.mid.ru/rossia-i-problemy-central-noj-azii>

А.М. Бетмакаев, И.Н. Юдина
«Мягкая сила» по-русски: интерпретация и практика

В Концепции внешней политики РФ 2013 г. «мягкая сила» понимается как «комплексный инструментальный подход к решению внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии». Подчеркивается, что иностранные государства используют «мягкую силу» в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием [1]. Далее в Концепции были перечислены задачи: работать над созданием положительного образа России, формировать инструменты воздействия на ее восприятие в мире, совершенствовать систему применения «мягкой силы».

В Концепции внешней политики РФ 2016 г. тема «мягкой силы» была свернута до одного абзаца: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов „мягкой силы“, прежде всего, возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [2]. Это снижение интереса на концептуальном уровне, однако, резко контрастировало с широкой практикой использования инструментов «мягкой силы» во внешней политике России.

Нидерландский исследователь М. Ван Херпен справедливо отмечает стремление российского руководства изменить содержание понятия Ная: 1) гражданское общество, которое наряду с государством производит «мягкую силу», было сведено к инструменту, используемому государством, чтобы влиять на иностранные правительства и управлять иностранным общественным мнением; 2) «мягкая сила» превратилась в игру с нулевой суммой, где есть победители и проигравшие (в определении Ная «мягкая сила» одной страны не препятствует или не уменьшает возможности для использования «мягкой силы» другой страны); 3) поскольку Кремль рассматривал «мягкую силу» исключительно как составную часть «жесткой силы», то подкуп иностранных политиков, информационная война и шпионаж за границей представлялись полезными инструментами «мягкой силы» [3, p. 27–28].

Важную роль в формировании такой интерпретации «мягкой силы» сыграла оценка Москвой геополитических рисков в связи с «цветными революциями» на постсоветском пространстве (2004–2005 гг.), протестами в России против возвращения на пост президента В. Пути-

на (2011–2012 гг.) и «Евромайdanом» (2013–2014 гг.). Кремль рассматривал эти события как примеры успехов американской «мягкой силы». Воспринимая «мягкую силу» Запада как угрозу, Россия, с точки зрения традиционной Realpolitik, причислила «мягкую силу» и публичную дипломатию к современным способам ведения войны.

По мнению политолога Е. Осиповой, Россия наметила в общих чертах ряд стратегических целей, которые включают достижение статуса влиятельного глобального актора, углубление интеграции на постсоветском пространстве, вызов однополярному мироустройству путем продвижения альтернативных организаций и проектов (Евразийский Экономический Союз, БРИКС), пропагандистских кампаний за рубежом, восстановления контактов и мобилизации русских и русскоязычных за границей и продвижения альтернативного культурного, морального и цивилизационного полюса в мире, чтобы привлечь недовольных западным либерализмом [4, р. 346–348]. Известный политолог А.С. Макарычев кратко резюмировал эту позицию: Россия использует свою «мягкую силу» для достижения стратегических целей в соответствии с постсоветской региональной повесткой Кремля: делегитимизировать роль западных институтов (например, кризис ЕС) и убедить соседей признать российскую опеку, как «естественную» форму защиты [5, с. 19–22].

По мнению бывшего офицера американской разведки К. Макколея, Россия при президенте В. Путине борется с Западом, осуществляя кампании влияния, чтобы ослабить и подорвать своего врага. При этом постсоветская Россия использует советские методы и средства, которые ранее включали активные разведывательные меры, дезинформацию, пропаганду, управляемые международные общественные организации, агентов влияния и дискредитацию западных общественных институтов и политических лидеров. К проверенным временем методам добавились методы «информационного века» (интернет-тролли, социальные медиа, информационная война и кибероперации) [6]. К новациям можно также отнести внеидеологический подход, когда Москва оказывает поддержку как левым, так и правым радикалам, как экологическим, так и консервативным и националистическим организациям [7, р. 177–179].

«Ужесточение» «мягкой силы» России происходило, в том числе, из-за разочарования Кремля в эффективности стратегии «привлечения», предлагаемой в концепции Дж. Ная. Какие ценности могут быть привлекательны для бывших соотечественников, которые еще помнят СССР? Во-первых, это приверженность принципам социальной справедливости, патернализма, открытость для разных культур, национальностей. Во-вторых, это неприятие западных ценностей индивиду-

ализма, свободы и толерантности, например, в отношении однополых браков.

«Мягкая сила» России основывается на восхвалении и возвеличении советских символов («День Победы», «Первые в космосе» и др.) на постсоветском и дальнем зарубежном пространстве, чтобы слово «русский» звучало гордо, а не постыдно, особенно на фоне нерешенного кризиса в Украине и негативного отношения к русским в странах Балтии и Западной Европы.

Для повышения эффективности стратегия России подкрепляется средствами народной дипломатии при поддержке различных Фондов (Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова), развитием образовательных проектов через государственные организации (Россотрудничество), посредством деятельности российских Центров науки и культуры по продвижению изучения русского языка за рубежом и т.д. Особое значение придается информационным каналам (агентство «Спутник» и телеканал «Russia Today», получивший новое название RT, лишенное национальной принадлежности). Кремль полагает, что отрицательный имидж России на Западе сложился не в результате недостатков российской политической системы, а в результате действий западных СМИ, которые очерняют Россию. Поэтому было найдено простое решение: российские государственные агентства должны разоблачать западную дезинформацию и давать «правдивую» информацию о России [3, р. 29–30].

Кроме того, Россия продемонстрировала способность использовать слабые места западных общественных институтов. В начале января 2017 г. американское разведывательное сообщество опубликовало доклад, в котором пришло к выводу, что президент России санкционировал начать кампанию по влиянию на исход президентских выборов в США. Цели России состояли в том, чтобы подорвать общественную веру в американский демократический процесс и понизить шансы кандидата от демократической партии Х. Клинтон на избрание президентом. Эта кампания включала взлом серверов партии, утечку электронных писем ее руководства в сеть «Викиликс», распространение поддельных («фейковых») новостей через социальные сети и телекомпанию RT [8, р. 42]. Подобная деятельность привела к тому, что в ежегодном докладе Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2017 г. написали о наступлении эпохи «пост-правды», которая, возможно, означает наступление «пост-порядка» — нового мирового порядка, к строительству которого приложил усилия Кремль [9].

Одна из причин акцента руководства России на «силу» в ущерб «мягкости» заключается, по нашему мнению, в том, что «мягкая сила»

слабо подкреплена экономическим статусом страны, и Россия не может предложить что-то достойное для привлечения. По уровню подушевого дохода Россия находится ниже 60-го места в мире, значительно уступая бывшим странам-сателлитам СССР в Центральной и Восточной Европе. Россия не стала страной с «нормальной» рыночной экономикой, а стала разновидностью «госкапитализма для своих».

Россия вряд ли рассматривается как благоприятное место для проживания как среди иностранцев, так и среди соотечественников, поэтому широко распространено «чемоданное» настроение: в мае 2016 г. доля людей, которые бы хотели уехать за пределы бывшего СССР, составила 19% [10]. По прогнозам Росстата, в ближайшей перспективе Россия будет терять население, прежде всего за счет естественной убыли [11].

Неблагоприятным для целей руководства России в долгосрочной перспективе является снижение влияния русского языка на постсоветском пространстве, что подрывает усилия Москвы по сохранению и расширению «русского мира». По данным британской газеты «Файнэншл Таймс», русский язык за последние 20 лет «потерял больше земель, чем любой другой»: число использующих русский язык сократилось в Казахстане, Эстонии и Латвии; только в Белоруссии наблюдается противоположная тенденция [12].

Таким образом, власти России стремятся использовать «мягкую силу», с одной стороны, рассчитывая завоевать доверие у зарубежных граждан к своей политике, действуя путем пропаганды и трансляцией своих успехов в различных областях (например, спортивных или военных); с другой стороны, эта политика не лишена имперских амбиций и подчас вызывает раздражение и негативную ответную реакцию. Имперское наследие и империалистская идентичность мотивируют российское руководство использовать «мягкую силу» для поддержания гегемонии на постсоветском пространстве. Поэтому даже те страны, чьи правящие режимы симпатизируют Москве, как Казахстан и Беларусь, подозрительно относятся к российской «мягкой силе». В конечном счете, ради достижения геополитических целей Кремль приносит в жертву положительный международный имидж России.

Литература

1. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12 февраля 2013 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/official_documents/-/asset_publisher/CptICkV6BZ29/content/id/122186

2. Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 30 ноября 2016 г.). URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/25422481
3. Van Herpen M. Putin's Propaganda Machine: Soft Power and Russian Foreign Policy. Lanham, 2015.
4. Osipova E. Indigenizing Soft Power in Russia // Routledge Handbook of Soft Power / ed. by N. Chitty, Li Ji, G.D. Rawnsley and C. Hayden. L., 2017.
5. Макарычев А.С. Государства, экспертные сообщества и режимы знания-власти // Политическая наука. 2015. № 3.
6. McCauley K.N. Russian Influence Campaigns against the West: From the Cold War to Putin. N.Y., 2016.
7. Pomerantsev P. The Kremlin's Information War // Authoritarianism Goes Global: The Challenge to Democracy / ed. L. J. Diamond, M. F. Plattner, C. Walker. Baltimore, 2016.
8. Assessing Russian Activities and Intentions in Recent US Elections: The Analytic Process and Cyber Incident Attribution. URL: https://www.dni.gov/files/documents/ICA_2017_01.pdf
9. Munich Security Report 2017: Post-Truth, Post-West, Post-Order? URL: <http://report2017.securityconference.de>
10. Эмиграция: опрос Левада-Центра, 27–30 мая 2016 г. URL: <http://www.levada.ru/2016/07/19/emigratsiya>
11. Федеральная служба государственной статистики (Росстат). Демографический прогноз до 2035 г. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography
12. Russian Language in Decline amid Post-Soviet Rejection. URL: <https://www.ft.com/content/c42fbd1c-1e08-11e7-b7d3-163f5a7f229c>

Е.А. Бикетова
Имидж Республики Беларусь
и использование инструментов "soft power"
в отношениях с ЕС

В настоящее время потенциал использования «мягкой силы» в своей внешнеполитической стратегии применяют многие государства, в частности, активную политику с использованием таких инструментов проводят страны — крупные игроки на международной арене: США, Евросоюз, Китай, Россия [1, с. 2]. Тем не менее, в последнее время опыт применения «мягкой силы» успешно используют и небольшие страны, претендующие на региональное лидерство, напри-

мер, Республика Польша [2]. В отношении политики Республики Беларусь на международной арене концепция «мягкой силы» применяется исследователями довольно редко, что связано с проблемами имиджформирования и позиционирования страны за рубежом.

Необходимость использования концептов «мягкой силы» для изменения статуса Республики Беларусь на международной арене была обозначена в выступлении А.Г. Лукашенко еще в 2003 году: «отставание благожелательного образа Беларуси в мировом информационном пространстве должно быть нацелено на обеспечение общественных симпатий к нашей стране в мире» [3, с. 66].

Фактически, целенаправленная государственная политика Республики Беларусь по формированию и продвижению имиджа страны на международной арене стала осуществляться с 2006 года, когда была принята «Государственная программа информационного обеспечения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь на 2006–2010 годы» [4]. В программе были подробно охарактеризованы средства, призванные способствовать изменению имиджа Республики Беларусь на международной арене в позитивном ключе, которые, в свою очередь, могут быть подразделены на непосредственно внешнеполитические инструменты (осуществление определенного внешнеполитического курса, традиционная дипломатия), культурное воздействие (экспорт культуры и традиций, «народная дипломатия», работа с диаспорами), информационно-пропагандистскую работу (издание буклетов о стране, телерадиовещание за рубежом, информационное сопровождение значимых государственных событий) [4].

В последующие годы, в 2008 и 2010 гг. предпринимались попытки улучшения имиджа страны за рубежом, повышения узнаваемости страны и ее брендов, которые могут быть охарактеризованы как «прицельное позиционирование», направленное на формирование позитивного имиджа страны в странах ЕС, а также на «оздоровление» инвестиционного климата и «разморозку» белорусско-европейских отношений в целом.

Рассматривая историю развития отношений Республики Беларусь с Европейским Союзом, можно констатировать двойственность проведения политики «мягкой силы» Беларусь в отношении ЕС. С одной стороны, «политика привлечения» не смогла кардинально изменить и переломить ход развития белорусско-европейских отношений, с другой стороны, в краткосрочной перспективе белорусской стороне удалось добиться поставленных целей. В историческом бэкграунде белорусско-европейских отношений можно найти такие примеры.

Одним из наиболее ярких примеров использования инструментов «мягкой силы» являлась кампания Тимоти Белла по построению при-

влекательного имиджа Беларуси и ее президента за рубежом. Тимоти Белл, глава британского маркетингового агентства «Bell Pottinger Group», был приглашен белорусским правительством для работы над имиджем в 2008 г. и должен был обеспечить лояльное отношение к белорусскому президенту и политической элите после наложения Евросоюзом экономических санкций на политических лидеров Беларуси. Результатом данной кампании стало не только снятие некоторых санкций в отношении белорусских лиц, снятие ограничений на передвижения первых лиц государства, улучшение инвестиционного климата, а также появление в британской прессе позитивных статей о Беларуси и привлекательности страны для международного туризма [5].

В 2014 г. Минск стал центром проведения чемпионата мира по хоккею с шайбой. Спортивное событие стало привлекательным поводом для посещения Беларуси иностранцами: в 2014 г. Республику Беларусь посетило на 9% больше туристов, чем в 2013 г. Несмотря на то, что основной поток туристов по-прежнему формирует Россия, большое число туристов также прибыло из Германии, Латвии, Литвы и Турции [6]. Очевидно, что в дальнейшем это также сказалось на имидже Беларуси за рубежом: по данным *Belarusian Strategic Studies*, именно на период проведения Чемпионата пришелся пик запросов «Беларусь» в Интернете [1, с. 18, 21, 27].

Еще одним примером успешного осуществления политики «мягкой силы» может служить выступление Минска в качестве переговорной площадки для урегулирования украинского кризиса. А.Г. Лукашенко удалось извлечь определенные выгоды из ситуации на Украине: после того, как был запущен Минский переговорный процесс, восприятие белорусского президента существенно улучшилось на Западе. Европейские газеты, которые раньше с подачи экс-госсекретаря США Кондолизы Райс называли его «последним диктатором Европы» [7, с. 37], смягчили свои позиции, и белорусский президент приобрел репутацию «миротворца». Немаловажную роль в этом сыграл Папа Римский Франциск, который назвал Беларусь «местом мира». Улучшение имиджа президента сработало как «эффект домино»: связанный в европейском восприятии имидж страны с имиджем А.Г. Лукашенко также улучшился, со страны были сняты экономические санкции, введенные после президентских выборов 2010 г. По мнению политолога Дениса Мельянцова, Белоруссии удалось своими действиями продемонстрировать, что «Беларусь может не только идти в русле российской внешней политики, но и в некоторой степени выступать союзником ЕС в вопросах безопасности» [8].

Вручение Нобелевской премии по литературе журналисту и писателю из Беларуси Светлане Алексиевич было хорошим информацион-

ным поводом для распространения информации о Беларуси и ее культуре за рубежом, для выхода страны «из тени». Выступая с Нобелевской лекцией, Светлана Алексиевич актуализировала ряд стереотипов и образов о Беларуси и белорусах, сложившихся на международной арене: так, Светлана Алексиевич затронула такие элементы международного образа Беларуси, как «партизаны» и «Беларусь-мученица» (разрушения и жертвы во время Великой Отечественной войны, Чернобыльская авария) [9, с. 1, 11-12]. Как видим, не все из них являются позитивными — ситуация с аварией на Чернобыльской АЭС не способствует восприятию Беларуси как привлекательной страны в туристическом плане. Кроме того, писательница является видным оппонентом белорусского политического режима и в своих интервью неоднократно говорила об авторитарности политического режима в Беларуси, об отсутствии гражданских свобод, зависимости Беларуси от России, необходимости проведения реформ. В свою очередь, белорусский президент А.Г. Лукашенко не сразу поздравил писательницу с вручением премии, а также назвал ее «плохим сыном» своего Отечества, заявив о том, что она постаралась «ушат грязи вылить на свою страну» [10]. Данный пример является характерным в том отношении, как неразумно используются ресурсы «мягкой силы» для улучшения имиджа: достойный информационный повод для улучшения имиджа «сработал» против страны.

С февраля 2017 г. Беларусь ввела 5-дневный безвизовый режим для граждан более чем 80 стран, прибывающих через Национальный аэропорт «Минск». Данная мера должна повысить привлекательность санаторно-курортного и экскурсионного отдыха в Беларуси для иностранцев. Министерство спорта и туризма прогнозирует увеличение туристического потока на 20%, при этом подчеркивается, что ожидается увеличение числа туристов из стран Европы, Северной Америки и Персидского залива [11]. Стоит отметить, что данная мера будет способствовать не только привлечению турпотока в страну, но также существенно оживит деловой и инвестиционный климат, а также повысит узнаваемость страны за рубежом.

Перечисленные успехи белорусской дипломатии в отношении с ЕС демонстрируют эффективность и хорошие результаты применения тактики «мягкой силы». Однако политика «мягкой силы» нова для Беларуси и ее осуществление наталкивается на ряд проблем, как существующих в самой Республике Беларуси, так и исходящих от соседних с ней государств.

Литература

1. Мельянцов Д., Артеменко Е. «Мягкая сила» Беларуси в регионе: оценка потенциала // Belarusian Institute for Strategic Studies. 16 июня 2016. URL: http://belinstitute.eu/sites/biss.newmediahost.info/files/attached-files/BISS_SA15_2016ru.pdf
2. Косолапов Н. «Мягкая сила» Республики Польша (на примере Украины и Белоруссии) // Свободная мысль. 2016. № 3. URL: <http://svom.info/entry/649-myagkaya-sila-respubliki-polsha-na-primere-ukrainy>
3. О состоянии идеологической работы и мерах по ее совершенствованию. Материалы постоянно действующего семинара руководящих работников республиканских и местных государственных органов. Минск, 2003.
4. Постановление Совета Министров Республики Беларусь от 23.06.2006 № 792 «О Государственной программе информационного обеспечения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь на 2006–2010 годы и плане мероприятий на 2006 год по реализации Государственной программы информационного обеспечения внешнеполитической и внешнеэкономической деятельности Республики Беларусь на 2006–2010 годы» // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь. 28 июня 2006 г. № 5/22498. URL: <http://belarus.news-city.info/docs/2006by/crxfnm-tcgkfnj32569.htm>
5. Belarus — Chime Communications plc. Quarterly report. November 2008 – January 2009 // Nicolai Khalezin. URL: <http://www.facebook.com/media/set/?set=a.4953052266255.198375.1297362360&type=1>
6. Минск в 2014 году посетило туристов почти на 9% больше // Belarus.By: Официальный сайт Республики Беларусь. URL: http://www.belarus.by/ru/press-center/press-release/minsk-v-2014-godu-posetilo-turistov-pochti-na-9-bolshe_i_20167.html
7. Бикетова Е.А. Эволюция имиджа Республики Беларусь в СМИ Западной Европы в 1991–2015 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 407. С. 36–43.
8. Коровенкова Т. Сумеет ли Беларусь монетизировать свой потенциал «мягкой силы»? // Naviny. BY. Белорусские новости [сайт]. URL: http://naviny.by/rubrics/politic/2016/06/15/ic_articles_112_191890
9. Нобелевская лекция Светланы Алексиевич. Лауреат Нобелевской премии по литературе за 2015 год. Svenska Academien. The Nobel Foundation, 2015 // Nobelprize.org: The Official Web Site of the Nobel Prize. URL: http://www.nobelprize.org/nobel_prizes/literature/laureates/2015/alexievich-lecture_ry.pdf

10. Светлана Алексиевич ответила на критику Александра Лукашенко. URL: <https://news.tut.by/culture/470008.html>

11. Пятидневный безвизовый режим для граждан 80 стран начал действовать в Беларуси // Belarus.Ву: Официальный сайт Республики Беларусь. URL: http://www.belarus.by/ru/press-center/news/pjatidnevnyj-bezvizovyj-rezhim-dlja-grazhdan-80-stran-nachal-dejstvovat-v-belarusi_i_0000052874.html

В.С. Бойко

**«Сила слабости», или чем привлекательно
«несостоявшееся» государство Афганистан**

Афганистан — относительно молодое государство, возникшее как союз афганских (пуштунских) племен на рубежах Южной и Центральной Азии в середине XVIII в. Военно-феодалная организация, мобильность и другие черты обеспечили ему территорияльные завоевания, и уже к исходу этого столетия территория «империи Дуррани» (так его называли более поздние историки и хронисты) простиралась на востоке до Инда, а на западе до Герата, хотя долгое время не определенными оставались границы новой государственности на севере, где ее интересы сталкивались с интересами набиравшей силу Российской империи. Но и восточный рубеж с конца XIX в. и до наших дней обрел черты застойной конфликтности, которая выражается в непризнании афганской стороной «линии Дюранда», разделившей в 1893 г. земли тогдашнего Афганистана и Британской Индии, населенные разными племенами одного народа — пуштунов. Но тогда не стоял вопрос о государственных границах — линия Дюранда скорее обозначала пределы влияния афганского государства и Британской империи, которые дополнительно фиксировались массой соглашений локального и микро-локального характера. Однако впоследствии, в конце 1940-х гг., когда произошел раздел Британской Индии на два суверенных государства — Индию и Пакистан, линия Дюранда должна была трансформироваться в международно признанную межгосударственную афгано-пакистанскую границу. Но этого не произошло из-за внутри- и внешнеполитических соображений афганской стороны (пуштунский национализм панафганского толка и пр.). Таким образом, и исторический, и современный Афганистан — это государство не завершенного генеза с точки зрения его территории, административно-политического устройства (преобладает принцип унитарности, но есть и тенденция к федерализму со стороны национальных меньшинств — таджиков, узбеков и др.), организации государственно-политической

власти и управления. Однако все эти черты, сами по себе, не означают отсталость или закоренелый архаизм афганского социума и государства — скорее, они порождены природно-географическими условиями (рельефом местности, климатом и пр.) и геополитическими факторами — явным и скрытым вмешательством внешних сил и порождаемым такой практикой оппортунизмом афганских элит.

Как бы то ни было, но продолжающаяся уже почти 40 лет с конца 1970-х гг. гражданская война в Афганистане, и столь же длительное иностранное военно-политическое и иное вмешательство позволяют многим наблюдателям и даже хорошо информированным экспертам считать это государство, а также и общество «несостоявшимся» по многим объективным параметрам (чрезвычайно низкая степень управляемости территорий центром и даже периферийными властными структурами, коррупция в государственном аппарате и других звеньях хозяйственно-управленческого организма страны, криминализация экономики и ее почти тотальная зависимость от внешней помощи). Все эти характеристики представляют серьезную угрозу внутренней стабильности и целостности Афганистана, а также и другим государствам, прежде всего близким и дальним соседям, включая Россию. Несмотря на то, что Россия после распада СССР отделена от Афганистана полосой ныне независимых центральноазиатских республик, она в силу геополитических причин и особенностей транспортно-логистической инфраструктуры, будучи через свои приграничные территории (Алтайский край и др.) воротами из зарубежной Азии в свою центральную часть и далее в зарубежную же Европу, продолжает испытывать на себе негативное влияние афганского конфликта. И это не только своеобразный исторический рикошет ошибок ее предшественника — СССР, но и новые вызовы — поток наркотиков, незаконная и трудно контролируемая, особенно в 1990-е — начале 2000-х гг., миграция из Афганистана и других неблагополучных государств Центральной и Южной Азии, во второй половине 2010-х гг. дополняемые террористическими угрозами со стороны так называемого «исламского государства».

Такая ситуация не только затрудняет развитие межгосударственных отношений с Афганистаном и реализацию международных проектов афганского урегулирования, но и создает крайне негативный имидж целого народа и его отдельных представителей. Это, в свою очередь, резко снижает привлекательность Афганистана для зарубежных туристов, предпринимателей, просто любителей Востока, что, в конечном счете, затрудняет международное взаимодействие и взаимопонимание в афганских, региональных и мировых делах. Значит ли

такое положение дел, что для Афганистана вообще не применимо понятие «мягкой силы», или у этой страны и народа, ее населяющего, все же есть некий потенциал привлекательности, по сути и другим характеристикам не уступающий имиджу прочих государств?

Изучение истории и современности Афганистана показывает, что это государство и общество, несмотря на нынешние превратности своего внутреннего и международного положения, располагало и располагает культурно-историческими и прочими возможностями «мягкой силы», которая, однако, в афганском случае приобретает особые формы, либо особое (в том числе потенциальное) выражение. Однако самой афганской и прочим заинтересованным сторонам требуются немалые усилия, чтобы раскрыть и тем более сделать более привлекательным имидж этой страны. Главным препятствием к этому является нынешняя ситуация и породившие ее события 1980-х — 2010-х гг., заслонившие прерывные, но все же очевидные достижения предыдущего периода. Эти беспрецедентные по длительности и интенсивности проявления конфликтности сопровождаются попытками изменить национально-культурную идентичность афганцев, причем нынешний интервенционистский либерализм западного толка не учитывает не только уроков провальной советской индоктринации Афганистана, но и плачевный опыт многократных британских военных кампаний в этой стране, а также ошибки нынешней международной коалиции во главе с США.

Одним из главных факторов самосознания афганцев является их историческая память, важными элементами которой выступают конкретные факты и мифы о создании в середине XVIII в. афганского государства под предводительством хана пуштунского племени абдали (впоследствии известного как дуррани) Ахмад-шаха, события трех англо-афганских войн и восстановление государственно-политической независимости Афганистана в 1919–1921 гг., другие эпизоды истории страны, уже к концу XVIII в. претендовавшей на лидерство в Азии. Здесь всегда большое значение придавали символам — достаточно сказать, что долгое время обложки местных школьных учебников украшала иллюстрация, изображавшая измученного доктора Брайдена — одного из немногих спасшихся участников первого похода британской армии в Афганистан в 1838–1841 гг. Эту унижительную картинку изъяли из школьных изданий по многочисленным просьбам англичан лишь в 1960-е гг.!

Однако историческая память афганцев и даже научное знание о прошлом этого сравнительно молодого государства, не говоря уже о его настоящем, подверглись серьезным деформациям, фальсификациям и даже запретам. Так, только в середине 2010-х гг. достоянием широкой

общественности в Афганистане стал полный текст первой официальной истории, написанной и изданной придворным летописцем эмира Хабибулла-хана Файз Мухаммадом [1]. И причина этому – не только давняя утеря и недавняя находка 4-го тома этого уникального сочинения, но и сознательные действия афганских властей, на протяжении нескольких десятилетий запрещающих изучение и преподавание важнейших периодов новейшей истории страны, и прежде всего, сумбурной, но активно-реформистской эпохи эмира Амануллы 1919–1929 гг. История не изымалась из школьных и вузовских программ, как продолжалось и ее исследование даже при режиме талибов во второй половине 1990-х гг., но фактически было наложено табу на факты, события, персоны и явления XX в.! Между тем, этот период активно изучался в мировой афганистике, включая ее советскую «ветвь», распавшуюся в 1990-е гг. на отдельные и мало связанные научно-образовательные и экспертно-аналитические комплексы [2]. В условиях «холодной» войны второй половины XX в. такая работа велась без должной полемики, но в XXI в. она продолжилась уже в режиме диалога различных научных и прикладных школ афгановедческого знания и экспертизы. Идея совместного научно-культурного освоения афганской проблематики была даже включена в некоторые международные проекты и программы афганского урегулирования (Стамбульский процесс, например, предусматривал создание 1000-страничного историко-цивилизационного учебно-исследовательского компендиума по всему «афганскому» региону).

Какие же элементы могут составить не просто и не только позитивный, но и привлекательный, а при соответствующих усилиях и конкурентоспособный образ Афганистана, несмотря на нынешние издержки его внутреннего положения и международной репутации?

Афганистан — перекресток культур и цивилизаций, торговых путей и геополитических зон между Центральной и Южной Азией. Уже само по себе это обстоятельство превратило его в объект интереса великих держав, а также исследователей и путешественников, хотя физическая и культурно-политическая закрытость афганских земель и народов, их населяющих, чрезвычайно затруднили реализацию их замыслов. И все же сегодня без Афганистана не обойтись при реализации масштабных инфраструктурных и энергетических проектов в рамках инициативы «Один пояс, один путь» и др.

Афганистан обладает уникальным опытом разнопорядковой центральной и периферийной государственности, адаптации различных социально-профессиональных и этнических групп к экстремальным условиям жизни и борьбы за существование, результатом которой является беспредельный оппортунизм местных элит и такая же полити-

ческая культура большинства населения. Эти черты афганского социума существенно обогатил опыт многочисленной, за десятилетия гражданской войны и иностранной интервенции составившей примерно 10 млн чел., афганской диаспоры. В ее недрах в различных социально-политических условиях и культурном окружении сформировалась транснациональная прослойка афганских интеллектуалов, часть которых занимает ответственные позиции в государственных структурах и в процессе принятия решений по важнейшим вопросам внутренней и внешней политики страны.

Наконец, Афганистан обладает богатым и разнообразным природно-климатическим ландшафтом, что при благоприятных сервисных решениях и должном режиме безопасности создает предпосылки и реальные возможности для внутреннего и особенно иностранного туризма. Разумеется, это не полный перечень элементов, могущих сформировать и уже формирующих позитивный образ Афганистана, как пространства, пригодного для жизни и внешних контактов, страны и народа, с помощью международного сообщества отвергающих участие «несостоявшегося» государства. Только так можно компенсировать репутационные и имиджевые потери, понесенные Афганистаном за последние 40 лет нестабильности и конфликтов, отбросивших эту некогда весьма успешную страну со «спокойной» либеральной версией ислама, опытом прерывной, но не безрезультатной модернизации, и задатками лаборатории международного (в том числе в 1960-е гг. — и советско-американского) сотрудничества на десятилетия, а то и целое столетие назад.

Литература

1. Fayz Muḥammad Kātīb Hazārah's Sirāj al-tawārīkh. The History of Afghanistan / transl. and ed. by R.D. McChesney and M.M. Khorrami. Brill, 2016.

2. Бойко В.С. Мировая афганистика между наукой и политикой: проблемы истории и модернизации Афганистана в XX — начале XXI вв. Барнаул, 2016.

Ю.И. Бокова

«Мягкая сила» во внешней политике Республики Корея

Хотя концепция «мягкой силы» изначально задумывалась как подспорье во внешней политике США, а ее реализация опиралась на потребности крупных держав мирового сообщества, она приобретает широкую популярность в Азиатско-Тихоокеанском регионе и в особенности в субрегионе Северо-Восточной Азии.

Республика Корея привлекает повышенное внимание экономистов, политологов, международников благодаря резкому рывку этой страны на протяжении последнего полувека. Одним из важнейших достижений для внутренней и внешней политики Республики Корея стало эффективное использование «мягкой силы» для упрочения своего положения на мировой арене. Сегодня Республика Корея занимает 11-е место в мире по размеру ВВП, ее ВВП на душу населения составляет около 30 тысяч долларов по данным на 2016/17 финансовый год. Всего за несколько десятилетий эта страна вошла в число промышленно-развитых стран, и многие связывают это с так называемым «корейским экономическим чудом».

Феноменальный прогресс в области экономики укрепил позиции Южной Кореи в региональных международных отношениях и мировом сообществе. Причем укрепление авторитета и привлекательности этой страны связано не столько с наращиванием военно-технической мощи, сколько с умелым использованием так называемой «мягкой силы» для создания привлекательного образа страны.

Положение Южной Кореи в регионе таково, что окруженной крупными державами (такими как КНР, Россия и Япония) Республике Корея было проблематично делать ставку на военную, то есть «жесткую силу», для отстаивания своих интересов. Со времени окончания Корейской войны (1950–1953 гг.) Республика Корея стремилась наращивать свою военную мощь, на случай агрессии со стороны Корейской Народно-Демократической Республики, и вместе с тем она проводила экономические реформы, чтобы увеличить свой экономический потенциал. В результате у государства появились дополнительные ресурсы для конструирования и продвижения вовне своего благоприятного имиджа.

Корейские исследователи в целом принимают концепцию «мягкой силы» Дж. Ная [1], при этом некоторые из них развивают и дополняют идеи Ная. К примеру, профессор международных отношений Сеульского университета Ли Ги Ун разработал «теорию мягкой силы на основе ресурсов (средств)» [2, с. 6–7]. Он называет «мягкие» ресурсы/средства символическими ресурсами для оказания влияния на других. Такими средствами он называет: идеи, образы, теории, ноу-хау, образование, рассуждения и дискуссии, культуру, традиции, государственную и общую символику и т.д.

Автор также выделяет пять видов «мягкой силы» в соответствии с целями, так как использование «мягкой силы» государством только для того, чтобы «быть привлекательным», по его убеждению, не имеет смысла, если страна уже не является империей или гегемоном, как

США. Среди возможных целей «мягкой силы» он называет укрепление внешней безопасности через формирование привлекательного образа страны; привлечение других стран в качестве внешнеполитических партнеров; воздействие на предпочтения других стран; поддержание единства общества или сообщества государств; повышение рейтинга поддержки лидера или поддержки правительства в стране.

При этом построение желаемой архитектуры безопасности должно быть равно выгодно и для других стран (предлагается использовать так называемые «мягкие сети», то есть налаживание контактов вместо «мягкого балансирования») [3], так как эгоистичность актора не привлекает аудиторию, а это идет вразрез с сущностью «мягкой силы» как элемента привлекательности.

В общем, можно выделить два подхода корейских исследователей к «мягкой силе»: одни ученые задаются вопросом, сможет ли Республика Корея выйти из статуса государств «средней мощности» и стоит ли ей повышать этот статус и сообразно повышать свою ответственность как актора международных отношений; второй подход состоит в том, чтобы определить стратегическую роль Республики Корея в регионе Северо-Восточной Азии, прежде всего в отношениях с Китаем и Японией. В условиях окружения такими мощными державами, как Китай, Япония и Россия, «мягкая» мощь Южной Кореи призвана сбалансировать эти силы, гарантировав тем самым безопасное существование и процветание страны и всего региона [4, с. 2].

В качестве ресурсов «мягкой силы» в Республике Корея признают успешный опыт быстрой экономической модернизации и демократизации государства и общества, международный туризм, популяризация традиционной культуры за рубежом и так называемая «корейская волна» («hallyu»). Говоря о целях политики «мягкой силы» Южной Кореи, можно выделить следующие: 1) политические — расширение влияния в регионе и за его пределами, повышение уровня безопасности; 2) торгово-экономические — увеличение притока иностранных туристов, привлечение новых инвестиций, расширение рынков сбыта (экспорта) южнокорейской продукции.

Феномен «корейской волны» стал наиболее известным и применяемым ресурсом «мягкой силы» Южной Кореи, способствовал продвижению бизнеса, культуры и имиджа страны. Хотя корейское правительство и все, кто оказался вовлечен в построение этой «волны», продемонстрировали глубокое понимание и практическое умение в продвижении этого феномена, поддержание ее популярности в долгосрочной перспективе может стать проблемой. Может сказаться эффект

привыкания, и для привлечения новой аудитории необходимо развивать новые формы и инвестировать значительные суммы в этот проект.

Задействованные ресурсы «мягкой силы» напрямую отразились на развитии туристического бизнеса Республики Корея [5] и частично на сфере образования. Так, любители южнокорейских дорам и к-попа хотят воочию увидеть все, что они видели с экранов. Распространение феномена «халлю» повлияло и на популярность изучения корейского языка — среди посещающих курсы корейского языка в языковых центрах и университетах большая часть студентов являются фанатами «корейской волны».

«Мягкая сила» в сфере спорта имеет большое значение для Республики Корея в связи с проведением Зимних Олимпийских игр в Пхёнчхане в 2018 г. Развитая спортивная инфраструктура, неплохие достижения на международных соревнованиях в последние годы, а также общая популярность Южной Кореи сулят ей немалую прибыль от проведения Игр. Кроме того, при успешном их проведении имидж этой страны гарантированно повысится на несколько пунктов, но удастся ли при этом достичь долгосрочного эффекта — остается под вопросом.

Вместе с тем, южнокорейский опыт предостерегает от абсолютизации ресурсов «мягкой силы» как средства повышения статуса в мировом сообществе, особенно в условиях актуализации исторических, межнациональных, территориальных конфликтов. Реализация стратегий в области продвижения культуры требует больших временных и финансовых затрат, и ожидать быстрой отдачи от них было бы преждевременным.

Особенностью южнокорейского опыта применения «мягкой силы» является широкое использование организационных и финансово-технических ресурсов чеболей (финансово-промышленных корпораций). Значимость деятельности крупнейших южнокорейских корпораций (Samsung, LG, Kia Motors и др.) в реализации внешнеполитических задач Республики Корея сложно переоценить. Благодаря адекватной, тактически и стратегически структурированной политике «мягкой силы» финансово-промышленные группы Южной Кореи позиционируют не только свой лидерский потенциал в области научно-технических и социальных инноваций, которые повышают привлекательность и узнаваемость национального тренда, но и оказывают выраженное влияние на решение внешнеполитических задач РК на мировой арене.

На данный момент Республика Корея уже несколько лет занимает место в середине второй десятки рейтинга «мягкой силы» по версии

журнала *Monocle* [6], периодически поднимаясь то вверх, то вниз, что обусловлено изменениями во внутренней и внешней политике страны. В общем, Республика Корея обладает широким инструментарием «мягкой силы», но при этом ей необходимо разрабатывать обновленные версии стратегии «мягкой силы» для более успешной конкуренции в регионе и мире. Для Южной Кореи важно использовать все доступные инструменты «мягкой» мощи для продвижения благоприятного имиджа страны.

В целом можно говорить о том, что Республика Корея эффективно использует свои ресурсы «мягкой силы» и тратит на ее осуществление значительные финансовые, трудовые и временные ресурсы. Результатами данных усилий является существенный экономический эффект, продвижение южнокорейских брендов, усиление влияния и привлекательности страны. Расширение рынков сбыта южнокорейских товаров, заключение двусторонних и многосторонних соглашений о торгово-экономическом сотрудничестве при активном включении ресурсов «мягкой силы» видятся как фактор, способствующий увеличению конкурентоспособности Республики Корея на мировой арене.

Литература

1. Nye J. S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. N.Y., 2004.
2. Lee G. A Theory of Soft Power and Korea's Soft Power Strategy // *Korean Journal of Defense Analysis*. 2009. Vol. 21, № 2. P. 205–218.
3. Chun C. Soft Power and South Korea's Foreign Policy: Security Policy and North Korea Strategy // *Diplomatic Strategy of Soft Power Seminar*. Jeju Peace Institute, 16 Oct. 2009. URL: http://www.jpi.or.kr/skyboard/download.sky?fid=3379&gid=5309&code=jp_iworld
4. Lee S.J. South Korea's Soft Power Diplomacy // *East Asia Institute Issue Briefing*. 2009. № 1. P. 1–8.
5. Korea. *Monthly Statistics of Tourism* // *Korea Tourism Organization*. URL: <https://kto.visitkorea.or.kr/eng/tourismStatics/keyFacts/KoreaMonthlyStatistics/eng/inout/inout.kto>
6. *Soft Power Survey 2016–2017* // *Monocle.com*. URL: <https://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2016-17>

М.А. Вахрушева
«Мягкая сила» во внешней политике Катара

В данном исследовании использовался понятийный аппарат либерального направления, к которому причислял себя и Джозеф Най. Категория «силы» рассматривается в рамках общей картины мира, которая представляется сторонникам данной школы как совместная работа всех международных акторов, направленная на обеспечение всеобщей безопасности и благоденствия [1, с. 286]. В результате сила государства стала рассматриваться гораздо более разнообразно. Особую значимость приобрели финансовые ресурсы, бизнес, технологические и научные ресурсы, культура и система образования, а после информационной революции на первый план вышли медийные и информационные ресурсы государства [2, р. 87].

Рассмотрение опыта применения «мягкой силы» во внешней политике Катара и анализ того, где заканчивается его «мягкая сила» и начинается «мощь» в понимании Раймона Арона [3], является главной целью работы.

За короткий срок эта небольшая арабская страна приобрела серьезный международный вес и превратилась в одного из ведущих игроков в регионе. Основоположителем современного внешнеполитического курса Катара принято считать эмира Хамада бен Халифа Аль-Тани, занимавшего престол с 1995 по 2013 гг.

Акцент на использовании Катаром «мягкой силы» для повышения своего престижа в арабском мире во многом был обусловлен объективными условиями. Вооруженные силы Катара — одни из самых малочисленных в регионе — насчитывают всего 11 800 военнослужащих. Этот факт повлиял на стратегию поведения государства на внешнеполитической арене и обращение к использованию «мягкой силы» для решения внешнеполитических задач. Непосредственная близость со странами, претендующими на лидерство в регионе, небольшая территория в 11 586 км² [4, с. 49], отсутствие должной военной мощи при наличии огромных финансовых ресурсов обусловили выбор Катаром курса на лавирование и обращение к инструментам «мягкой силы». Стоит отметить, что данное государство занимает третье место в мире по запасам природного газа.

Анализ внешнеполитической деятельности Катара с 2000-х годов дает основание для вывода о разнообразии используемых им инструментов «мягкой силы» и результативности их применения, причем катарский опыт не всегда вписывается в рамки, предусмотренные концепцией Дж. Най. Катар использует обширный арсенал различных мер

и приемов «мягкой силы», во многом благодаря наличию огромных финансовых ресурсов:

- 1) одна из лучших систем образования в регионе, построенная на системе отбора и поддержке многообещающих представителей молодого поколения арабского мира;
- 2) посредничество в разрешении конфликтов в регионе и ведении переговоров;
- 3) спортивная дипломатия [5];
- 4) СМИ, в частности телеканал Аль-Джазира;
- 5) позиционирование себя, как регионального центра толерантности.

Американский аналитик Джеймс Дорси довольно точно характеризует возможность внешней политики Катара: «“мягкая сила” — ключевой элемент катарской стратегии безопасности, появившийся от осознания того, что у страны никогда не будет военной мощи, чтобы защитить себя, вне зависимости от того, сколько вооружения она закупит, или сколько иностранцев привлечет в свои вооруженные силы» [6].

До недавнего времени успех внешнеполитической стратегии Катара был следствием глубокого понимания протекающих в регионе процессов. В условиях межобщинного противостояния, активизации радикального исламизма, борьбы светских режимов с исламистами и недовольства граждан некоторых арабских стран, катарские власти с конца XX века до недавнего времени имели возможность активного продвижения своих интересов в регионе.

Примером масштабов информационного влияния Катара является деятельность телеканала «Аль-Джазира», который с 2011 г. до 2016 г. играл чрезвычайно важную роль в формировании общественного мнения на Арабском Востоке [7].

Образование — это еще один важный инструмент «мягкой силы» Катара, который продвигает свои интересы, в том числе, средствами народной дипломатии. Власти эмирата ежегодно выделяют существенные средства на учебные гранты для иностранных студентов в катарских вузах. После прихода к власти эмир Тамим бин Хамад Аль-Тани сделал основной упор на консервативное обучение на арабском языке. По катарской системе местные университеты отбирают арабскую молодежь и предоставляют гранты на обучение, стипендии, беспроцентные и бессрочные ссуды на средства исламских финансовых фондов. В результате складывается позитивное отношение к Катару у образованного слоя населения [8].

Похожим образом Катар действует и в отношении исламского религиозного образования. Катар в данный момент является одним из основных спонсоров строительства медресе и различных исламских центров на Ближнем Востоке и в других регионах мира. Учение ваххабизма лежит в основе идеологии эмирата, поэтому и преподавание в таких центрах строится соответствующим образом. Отдельно готовят религиозных деятелей для работы в подобных центрах.

Доха также позиционирует себя как региональный центр толерантности. По разным данным, около 20% населения страны составляют шииты, которые отлично интегрированы в катарское общество. Многие шииты — это выходцы из соседнего Ирана, но они активно поддерживают катарские власти.

Вместе с тем, ситуация вокруг Катара радикально изменилась 5 июня 2017 года, когда целый ряд стран, включая Саудовскую Аравию, Египет, Бахрейн, Ливию, Объединенные Арабские Эмираты, Мальдивские острова, Мавритания и Коморские острова, заявил о разрыве дипломатических отношений с Катаром, объяснив это поддержкой правительством полуострова террористических группировок и экстремистской идеологии, враждебностью его политики и вмешательством в дела арабских государств. Ряд стран также заявил о прекращении морского и воздушного сообщения, ограничении банковских операций, высылке дипломатов и подданных Катара [9].

Последние события вокруг Катара дают основание для вывода о расплывчатости грани между «мягкой» и «жесткой» силой, о том, что чрезмерно активное использование инструментов «мягкой силы» может вызвать недовольство и раздражение со стороны других государств. Катар является примером того, как «мягкая сила» может выступить не только средством повышения престижа государства, но и орудием вмешательства во внутренние дела других стран. Успехи Катара на международной арене, видимо, привели его руководителей к переоценке собственной значимости для других акторов региона. Как представляется, это государство поставило перед собой несоразмерно высокие цели и задачи по сравнению с его возможностями.

Литература

1. Кант И. К вечному миру. Сочинения в шести томах. Т. 6. М., 1966.
2. Keohane R., Nye J. (Jr). Power and Interdependence in the Information Age // Foreign Affairs. 1998. Vol. 77. № 5.

3. Цыганков П.А. Политическая социология международных отношений. Особенности силы как средства международных авторов. URL: http://society.polbu.ru/tsygankov_sociology/ch34_all.html
4. Атлас мира: Максимально подробная информация / Руководители проекта: А.Н. Бушнев, А.П. Притворов. М., 2017.
5. Воронин В. Катар хочет иметь свой клуб в АПЛ. URL: <http://www.sports.ru/tribuna/blogs/voronin/717145.html>
6. Dorsey J. Qatar's Sports-Focused Public Diplomacy Backfires. URL: <http://mideastsoccer.blogspot>.
7. Гаджизаде А. Катар — мягкая сила не спасла? URL: <https://missiya.az/index.php/ru/manset-ru/9251-катар—мягкая-сила-не-спасла>
8. Фроловский Д. Серый кардинал Ближнего Востока. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=69917>
9. News. Arab States Sever Ties with Qatar, Announce Blockade. URL: <https://www.ch-aviation.com/portal/news/56543-arab-states-sever-ties-with-qatar-announce-blockade>

М.И. Ведерникова
Политтехнологические и методологические
возможности «мягкой силы» для корректировки имиджа
России в европейских странах

В сложившейся ситуации представляется наиболее продуктивным делать акцент на культурное и научное взаимодействие России с Европой по следующим причинам:

- в этой области наша страна обладает огромным потенциалом и хорошим бэкграундом;
- такое взаимодействие позволяет сделать максимально широкий охват целевых аудиторий;
- продвижение гуманитарного образа не будет восприниматься как пропаганда;
- даже ухудшение международных отношений, произошедшее на современном этапе, не так сильно отразилось на сотрудничестве в данных областях, как в политической и экономической сферах.

Кроме того, «реалии современной культуры — по крайней мере внешне — оказываются чрезвычайно схожи как в европейских странах, так и в России [1, с. 467]», — отмечает Е.В. Водопьянова. И это способствует и будет способствовать дальнейшему эффективному взаимодействию в этой области.

Одним из основных векторов российской научной и образовательной политики является сотрудничество с европейскими классическими

университетами и научными центрами. Это общий тренд как для гуманитарных, так и для технических дисциплин. Примерами такого партнерства являются студенческие и преподавательские обмены, участие ученых и исследователей в различных программах (например, программе Марии Кюри по научным исследованиям и технологическим разработкам). Стоит добавить, что практика ЕС могла бы в существенной степени способствовать процессу возрождения отечественного научного и технологического потенциала [2, с. 51].

Сотрудничество России с европейскими странами в сфере высшего образования имеет долгую историю и продолжает развиваться довольно активно на протяжении последних лет. К примеру, в 2005 году Россия подключилась к единой европейской научно-образовательной сети GEANT [3, с. 180], которая позволяет проводить одновременно исследования во многих европейских научных центрах.

«Сфера культурного взаимодействия приобретает все большее значение в отношениях ЕС и России», — говорится на официальном сайте представительства Европейского Союза в России [4]. Такое взаимодействие активно развивается в последнее десятилетие. ЕС выражает свою заинтересованность в таком сотрудничестве. В 2008–2009 гг. Европейская Комиссия продолжила свою деятельность, направленную на дальнейшее развитие сотрудничества с Россией в сфере культуры и продвижения инновационных художественных и культурных проектов с европейским измерением [4].

Сегодня межкультурное взаимодействие успешно продолжается и с помощью дружеских связей между городами-побратимами (породненными городами), расположенными в России и Европе. Такой способ сотрудничества не только позволяет осуществлять взаимодействие в области культуры, спорта и искусства, но и делиться опытом решения конкретных проблем, которые бывают схожи в породненных городах.

Но, несмотря на интенсивное сотрудничество в гуманитарной сфере, необходимо и грамотное построение, и продвижение имиджа России в европейских странах. Поскольку образ не только является отражением реального объекта, но и содержит определенную часть мифотворчества, то, для начала, необходимо выяснить, какие характеристики имиджа являются наиболее привлекательными для каждой конкретной целевой группы.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что в сложившейся геополитической ситуации самым целесообразным способом улучшить имидж России является использование средств «мягкой силы». Создаваемый образ должен обладать конкретными и понятными характери-

стиками, которые будут менять свою тональность в зависимости от той аудитории, на которую направлено воздействие в каждом конкретном случае.

К примеру, взаимодействие с российской эмиграцией, находящейся в европейских странах, может способствовать продвижению российской «мягкой силы». «Непреложным условием эффективности работы на этом „треке“ является формирование ресурсов российской „мягкой силы“ внутри государств ближнего зарубежья в виде консолидации и организационного оформления деятельности русской диаспоры», — отмечается в статье Г.Ю. Филимонова [5].

Одним из направлений может быть развитие русскоязычных СМИ в наших диаспорах в Европе. Учитывая огромную роль печати русского зарубежья в общественно-политической и культурной жизни эмигрантов [6], можно сделать вывод, что развитие печатных и электронных СМИ является важным делом, которое должно находиться под контролем государства.

Другим направлением, не менее перспективным, представляется организация культурных мероприятий силами русской диаспоры: можно проводить различные акции, рассказывающие об истории России и приуроченные к значимым датам и событиям. К примеру, 7 мая 2016 г. состоялся автопробег под названием «71 год со дня победы в Великой Отечественной войне» по маршруту Лондон—Ковентри [7].

Для организации различных мероприятий, способствующих продвижению нашей культуры, может быть создана сеть неправительственных организаций. К примеру, учитывая негативный имидж России в Прибалтике, по мнению Н.А. Ивановой, развитие российских НПО в Латвии, Литве и Эстонии обладает огромным потенциалом [8].

Что касается всего направления международной деятельности нашей страны, то здесь, как считает Х. Фогель, внешняя политика России слишком медлительна. Полезные инициативы из Москвы по разработке совместных стратегий решения глобальных проблем были бы более чем желанны [9].

Кроме того, в международных отношениях России необходимо большее внимание уделять публичной дипломатии, которая является неотъемлемым компонентом «мягкой силы» государства. Пока российская политика в данной сфере явно уступает другим мировым державам, выстроившим определенные программы [10].

Некоторые исследователи придерживаются точки зрения, что «имидж России в сознании иностранцев складывается из трех ведущих составляющих: культура, политика и образ русского человека» [11, с. 66]. Делать акцент в международном сотрудничестве на гуманитарное

направление имеет смысл еще и по той причине, что культура воспринимается как наиболее выигрышный элемент имиджа. Политика, как еще один компонент имиджа России за рубежом, удостоивается самой низкой оценки [11, с. 66].

Культура уникальна и может придать страновому брендингу дополнительное измерение, поскольку на фоне все увеличивающейся подозрительности и недоверия потребителей к коммерческим сообщениям некоммерческая природа культуры очевидна [12], — примерно так можно обосновать необходимость работы в этом направлении.

В рамках культурного вектора «мягкой силы» можно использовать проведение мегасобытий. На международном уровне активно применяются технологии организации специальных мероприятий, которые направлены на создание долговременного позитивного имиджевого эффекта. Так, например, спортивные мегасобытия представляют собой эффективный инструмент формирования имиджа страны на международной арене [13]. В ходе Олимпиады в Сочи в 2014 году имидж России значительно улучшился. Кроме того, такое крупное и значимое событие вызвало волну интереса к нашей стране.

Сегодня существуют две противоположные точки зрения, касающиеся улучшения имиджа страны. Первую выражает Э.А. Галумов, утверждая, что «имидж России можно улучшить без каких-либо существенных изменений в стране, поскольку имидж — это не реальность, а только отражение реальности, которое может быть позитивным» [14]. У второй точки зрения нет определенного автора, но ее смысл сводится к тому, что имидж улучшится сам собой в результате положительных изменений в государстве, а любые попытки исправить его с помощью PR, без реальных действий, окажутся бесполезными [14]. Остальные мнения — некий средний вариант между ними. На наш взгляд, каждое из этих утверждений слишком категорично, а истина находится где-то посередине.

В современном мировом, в том числе европейском, информационном пространстве невозможно сформировать благоприятный имидж России, занимаясь только улучшением ситуации внутри страны. Мало того, что в настоящее время сложился отрицательный имидж РФ, его состояние усугубил тот факт, что последовала череда значимых событий, которые только ухудшили его. К примеру, таких, как скандал с допинг-пробами российских спортсменов или расследование коррупции при выборе страны-хозяйки Чемпионата мира по футболу 2018, в результате которого активно обсуждалась версия, что право проведения Чемпионата мира в 2018 году было получено Россией с помощью коррупционных схем.

Такие сообщения только усиливают и подтверждают сформировавшийся в европейском массовом сознании негативный образ нашей страны.

При создании имиджа государства, несомненно, можно преувеличить и приукрасить уже существующие положительные характеристики с помощью различных коммуникативных и маркетинговых стратегий. Но создать, к примеру, образ некоррупцированной страны при прямо противоположном реальном положении дел практически невозможно.

Получается, что необходимы как реальные улучшения внутренней ситуации, так и хорошо спланированная и продуманная поддерживающая пиар-кампания, которая должна максимально эффективно использовать инструменты «мягкой силы» для улучшения имиджа России в странах Европы.

Литература

1. Европейская культура: XXI век / под ред. Е.В. Водопьяновой. М.; СПб., 2013.
2. Ответы России и Евросоюза на вызовы XXI века. Ч. II Социальные аспекты / отв. ред. В.В. Журкин. М., 2006.
3. Водопьянова Е.В. Российские реалии на фоне гуманитарных стратегий Европейского союза. М., 2009.
4. Материалы официального сайта представительства Европейского Союза в России. URL: http://eeas.europa.eu/delegations/russia/eu_russia/tech_financial_cooperation/ibpp_cultural_cooperation/index_ru.htm
5. Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации // Закон и право. 2013. № 9. С. 7–16.
6. Прайс-Хардинг Н.Ю. Роль русско-английских газет в общественно-политической и духовной жизни русской диаспоры в Великобритании // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2014. № 1 (134). С. 213–218.
7. Празднование Дня Победы в Лондоне: что, где и когда не пропустить. URL: <http://angliya.com/2016/04/26/9-may-2016-events>
8. Иванова Н.А. Российские НПО как инструмент управления в контексте «мягкой силы» России в Прибалтике и Казахстане // Право и управление. XXI век. 2014. № 3 (32). С. 47–52.
9. Фогель Х. Передышка или поворот? (К текущим дискуссиям о внешней политике России) // Россия и современный мир. 2011. № 1 (70). С. 27–38.

10. Шамугия И.Ш. Стереотипы о России в медиасфере Великобритании и их влияние на межгосударственные отношения // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 6.

11. Кокорина Е.В. Экономический имидж государства как фактор его национальной конкурентоспособности // Человеческое измерение мировой экономики и политики. Сер. «Мировое развитие». М., 2013.

12. Гринев И.В. О роли национальной культуры в формировании международного имиджа России: практические аспекты // Вопросы культурологии. 2009. № 1. С. 70–74.

13. Выходец Р.С. PR в международных отношениях. Прикладные аспекты / под ред. Р.С. Выходца. СПб., 2015.

14. Feklyunina V. Battle for Perceptions: Projecting Russia in the West // Europe-Asia Studies. 2008. Vol. 60. Issue 4. P. 605–629.

Е.В. Гребенкина

***Многообразие акторов и новые виды дипломатии:
перспективы для «мягкой силы» государства
и его внешней политики***

Современный мир, в котором устанавливаются и развиваются тесные взаимосвязи между различными участниками международных отношений, все сильнее приобретает очертания глобальной сети. Интерактивное взаимодействие между акторами становится нормой, и в ходе этого процесса происходит обмен ресурсами — информацией, энергией, материальными благами. Как отмечает С.М. Шахрай, мир в целом находится на пути трансформации: от системы «государство — международное сообщество» к системе «государство — национальное сообщество — глобальный мир» [1, с. 32]. Некоторые зарубежные исследователи считают, что информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) смогли соединиться с проявлениями суверенитета и мощи государств, и в результате появилась глобальная взаимозависимая политическая и экономическая система [2].

Подобная сетевая структура мира складывается в большей степени по причине интеграционных процессов, нежели дезинтеграционных, однако последние чаще всего не учитываются. Противоречивость этих процессов отражается в терминах «глокализация» (глобализация + локализация) и «фрагментация» (фрагментаризация + интеграция). Первый термин возник благодаря Акио Морита — одному из основателей компании «Sony», который руководствовался принципом «Мыслить глобально, действовать локально» [3, р. 20]. Однако сейчас с понятием «локального» связывают желание местных единиц действовать само-

стоятельно и сохранять местное производство и культуру, в противовес глобализации и власти корпораций. Второй термин введен Дж. Розенау и также подчеркивает, что интеграция происходит не повсеместно [4]. Информатизация, в свою очередь, ускорила эти противоречивые процессы и придала дополнительный импульс развитию сетевого взаимодействия.

Подобная сетевая структура мира отразилась на всех сферах жизни общества. Что касается международных отношений, то такая структура открыла возможности для участия новых акторов: индивидов, групп по интересам, неправительственных и некоммерческих организаций, транснациональных корпораций и частных компаний и т.д. Их роль стала настолько значительной, что возникло понятие «многоакторная дипломатия» (multistakeholder diplomacy, MSD).

Термин «многоакторная дипломатия» (МАД), введенный Б. Хокингом, означает новый дипломатический метод, для которого характерно равноправное участие как государственных, так и негосударственных акторов в обсуждении и решении международных проблем [5, р. 7]. Однако в настоящее время негосударственные акторы все сильнее вовлекаются в политику и дипломатию, а их влияние существенно возрастает, поэтому МАД в большей степени можно назвать структурным изменением самой дипломатии, нежели конкретным методом.

Это означает, что, с одной стороны, национальные государства вынуждены учитывать влияние негосударственных акторов; с другой стороны, участие таких акторов может быть полезным, например, в плане консультирования по различным вопросам и вынесения экспертных оценок. Для укрепления позиций государственной «мягкой силы» это может сыграть положительную роль — как указание на непредвзятость, объективность, или даже «демократичность» оценки со стороны. Например, в России действует крупнейший негосударственный медиахолдинг «РБК» («РосБизнесКонсалтинг»), включающий в себя различные ресурсы: СМИ, печатные и Интернет-издания, разработку программного обеспечения для бизнеса, проведение форумов и конференций. Такие ресурсы могут сыграть положительную роль в формировании благоприятного имиджа страны; однако со стороны государства были неоднократные попытки повлиять на этот медиахолдинг, чтобы скрыть неоднозначные и негативные факты.

Как отмечает Б. Хокинг, все акторы, включая государства («генераторы дипломатии»), больше не способны достигать своих целей изолированно друг от друга. Дипломатия становится деятельностью, связанной с созданием сетей, охватывающих ряд государственных и него-

сударственных акторов, сфокусированных на управлении проблемами, требующими ресурсов, над которыми ни один участник не имеет монополии [5, p. 13].

К концу XX — началу XXI в. произошли и другие изменения. Так, в ведение дипломатии постепенно включились практически все сферы общественной жизни. В результате процесса сетевого взаимодействия во внешнюю политику стали входить как многие вопросы внутренней политики, так и глобальные вопросы, т.е. внешняя политика по своей структуре стала комплексной и многовекторной [6, с. 99–100]. В результате возникли виды дипломатии, соответствующие сферам деятельности общества (например, экономическая, научная, культурная, спортивная и т. д.) и виды дипломатии, основанные на новых принципах, способах и уровнях взаимодействия. К новым видам дипломатии можно отнести электронную дипломатию, «новую публичную», региональную (или парадипломатию) и «сетевую».

Международная система, в которой основными акторами являются государства, сменяется изменчивой международной средой, где акторы могут напрямую контактировать друг с другом, хотя на практике возможны ограничения. Каждый актор может обладать той или иной степенью силы (power), как в «мягкой», так и «жесткой» форме. Государства остаются наиболее влиятельными акторами, но с ними могут соперничать или сотрудничать ТНК и международные организации. В свою очередь, общество или отдельные индивиды могут, так или иначе, влиять на принимаемые решения посредством активного участия: как в реальности, с помощью различных мероприятий, акций, так и в информационном пространстве, с помощью проведения опросов, обсуждений в блогах и социальных сетях.

Поэтому для проведения определенной политики в информационном пространстве дипломатии пришлось перейти к активным действиям. Возникла электронная дипломатия, которую можно считать своеобразным источником «мягкой силы». Имидж страны формируют не только официальные сайты и ресурсы, но и реакция на те или иные события в СМИ и социальных сетях, которая легко подвержена манипулированию и не всегда поддается контролю. Особую роль здесь играет прояснение истинных фактов, о которых сложно заявлять по причине массовой дезинформации. Например, МИД России неоднократно заявлял об отсутствии химических атак со стороны России и Сирии, но западные СМИ настойчиво игнорировали эти заявления, продолжая распространять «фейковые» новости [7]. В подобных условиях информационной войны крайне сложно поддерживать необходимый уровень «мягкой силы», или каким-то образом разъяснять свои ценности, по-

сколькx политическая пропаганда в зарубежных странах не способствует адекватному диалогу. Тем не менее, в цифровой среде, на уровне граждан и их объединений, диалог все равно сохраняется, несмотря на политическую риторику, и именно этот уровень — общения, обмена знаниями и идеями, создания общих проектов — оказывается наиболее перспективным. В ближайшие десятилетия электронная дипломатия продолжит свое развитие и приобретет новые инструменты.

Известный американский исследователь Дж. Най считает публичную дипломатию одной из важных составляющих «мягкой силы» и выделяет три ее основных измерения: ежедневное общение с разъяснением решений внутренней и внешней политики; стратегическое общение на простые политические темы в течение нескольких месяцев или лет; многолетнее общение с помощью образовательных программ, конференций, конкурсов и т.п., цель которых — создание доверительных отношений [8, р. 31]. Публичную дипломатию также связывают с научной и культурной дипломатией, поскольку очень часто они действуют совместно. В настоящее время действует обновленный вариант такой дипломатии — «новая публичная дипломатия», которая действует именно в международной сетевой среде, где существует множество негосударственных акторов [9, р. 12]. «Новая публичная дипломатия» означает разъяснение ценностей одной страны или культуры другим, и по-прежнему пытается избавиться от видимой пропаганды. Так, некоторые министерства иностранных дел могут передавать осуществление проектов негосударственным организациям, например, по поддержке развития и наращиванию потенциала [5, р. 7–8]. В России посредником между Министерством иностранных дел и подобными организациями выступают, к примеру, Российский совет по международным делам и Фонд Горчакова.

В региональной дипломатии (или парадипломатии) участвуют не только официальные представители власти, но и представители бизнес-сообщества, сферы производства, науки, культуры. Их задача — продемонстрировать свои достижения, привлекательность своих регионов, чтобы заинтересовать другие стороны в сотрудничестве. Это происходит в рамках различных межрегиональных выставок, форумов, симпозиумов и некоторых международных саммитов (например, стран БРИКС и ШОС). Такие мероприятия повышают привлекательность регионов у потенциальной аудитории — туристов, потребителей, предпринимателей, специалистов. Интересно, что у наиболее развитых и относительно независимых регионов и корпораций стали проявляться некоторые признаки государственности: возникли понятия «регион-государство» [3, р. XXV] и «корпорация-государство» [10, с. 92]. В

настоящее время подобные элементы формируются пока лишь в некоторых странах и регионах (например, в Китае), где оказывают существенное влияние на региональную дипломатию.

В «сетевой дипломатии» возможно множество вариантов продвижения «мягкой силы», поскольку органы власти разных уровней и разных стран все активнее контактируют напрямую, и часто нуждаются в поддержке различных уровней общества, экспертов, социальных групп. Четкого определения этот вид дипломатии пока не имеет, однако активно используется политиками и дипломатами. Основа такой дипломатии — «гибкие формы взаимодействия» и общие, совпадающие интересы «для международного сообщества в целом или для определенного круга государств» [6, с. 99]. Этот вид дипломатии, за счет прямых контактов между различными акторами, в перспективе поможет выстроить интерактивные сетевые структуры на основе общих интересов в обход сложившихся стереотипов, убеждений, пропаганды и недоверия, каких-либо различий. Примером могут служить различные форматы — не только саммитов, переговоров, но и любых других международных мероприятий на основе этих принципов (например, международный профессиональный конкурс «WorldSkills», дискуссионный клуб «Валдай», где происходит прямой обмен знаниями и опытом).

Таким образом, в настоящее время существует своеобразный синтез видов дипломатии: ее традиционные виды, формы и методы действуют одновременно с новыми и новейшими элементами, либо дополняя их действие, либо действуя с ними совместно, либо выводя дипломатию на новые уровни. Это явилось результатом процесса сетевого взаимодействия, который сделал реальностью участие разнообразных акторов в дипломатии и, по сути, создал новые возможности для их вклада в формирование образа страны за рубежом. В ближайшем будущем эта тенденция будет сохраняться и, вероятно, возникнут новые, «сетевые» формы «мягкой силы».

Литература

1. Шахрай С.М. Государство и глобализация: методологические и политико-правовые проблемы. М., 2002.

2. Solomon R., Brown Sh.J. Creating a Common Communications Culture: Interoperability in Crisis Management // United States Institute of Peace. Virtual Diplomacy Series. № 17. Released Online in August 2005. URL: http://www.usip.org/sites/default/files/common_communications_culture.pdf

3. Ohmae K. The Next Global Stage. Challenges and Opportunities in Our Borderless World. New Jersey, 2005.

4. Rosenau J.N. The Governance of Frangmentation: Neither a World Republic Nor a Global Interstate System. (A paper prepared for presentation at the Congress of the International Political Science Association, Quebec City, August 1-5, 2000). URL: http://aura.upec.fr/regimen/_fich/_pdf/pub_002.pdf

5. Multistakeholder Diplomacy: Challenges and Opportunities / ed. by J. Kurbalija and V. Katrandjiev. Malta; Geneva, 2006.

6. Лавров С.В. О предмете и методе современной дипломатии // Лавров С.В. Между прошлым и будущим. Российская дипломатия в меняющемся мире. М., 2011. С. 97–106.

7. О развитии ситуации в Сирии / Брифинг официального представителя МИД России М.В. Захаровой, Москва, 5 апреля 2017 года. URL: http://www.mid.ru/ru/press_service/spokesman/briefings/-/asset_publisher/D2wHaWMCU6Od/content/id/2717014#4

8. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.

9. Melissen J. The New Public Diplomacy. Soft Power in International Relations. N.Y., 2005.

10. Харин А.Н. Эволюционные модели государства постмодерна // Свободная Мысль. 2012. № 11–12. С. 91–102.

Г.П. Григорян **Международный рейтинг и влияние России**

Введение

После распада СССР в некоторых новых независимых постсоветских странах наметились тенденции установления и укрепления национальной независимости путем отчуждения всего, что было связано с советским прошлым. Все это было связано не только с порывом национальных эмоций, но и с политическим желанием. Данное желание имело два направления — внутреннее и внешнее. Внутреннее направление было вызвано «необходимостью» консолидации национальных настроений для укрепления своих позиций. А внешнее направление было продиктовано желанием вызвать симпатию у других геополитических и геоэкономических центров и получения тех или иных дивидендов. Данные тенденции все усиливались в ногу с эскалацией борьбы за передел геополитических дивидендов у самых границ России, то есть на бывшей территории СССР. В этом контексте, с одной стороны,

всплеск национальных эмоций и, с другой стороны, геополитическая борьба касались не только военно-политических, экономических «присутствий» тех или иных стран, но и имели гуманитарное измерение. Последнее проявлялось не только в этнополитической форме, но и в форме выдавливания языка, культуры, информационных потоков и т.д.

Имидж в цифрах

Согласно различным публикациям рейтингов «мягкой силы», Россия значительно уступает многим странам. Так, например, рейтинг «лучших стран» US News в 2017 году поместил Россию на 27-е место из 80 стран [1]. Россия занимает второе место по военной мощи и десятое по размеру экономики, но 27-е место в культурном влиянии (которое включает в себя измерения того, считается ли страна влиятельной, современной, модной и счастливой). Согласно индексу «мягкой силы» Института Правительства «Монокль», составленному в 2012 г., Россия заняла 28 место в рейтинге из 40 стран [2]. Россия заняла 27-е место в топ-30 индекса мягкой силы лондонской группы Портленд [3]. В индексе Anholt-GfK Roper Nation Brands, основанном на опросе 20000 человек в 20 странах, Россия заняла 25-е место в 2014 году [4, с. 410].

Социологические опросы, проведенные в 40 странах мира, показывают, что позитивный рейтинг России снижается (согласно данным социологических опросов Pew Research Center: Global Opinion of Russia Mixed Negative Views Widespread in Mideast and Europe, 03.09.2013) [5] (график 1).

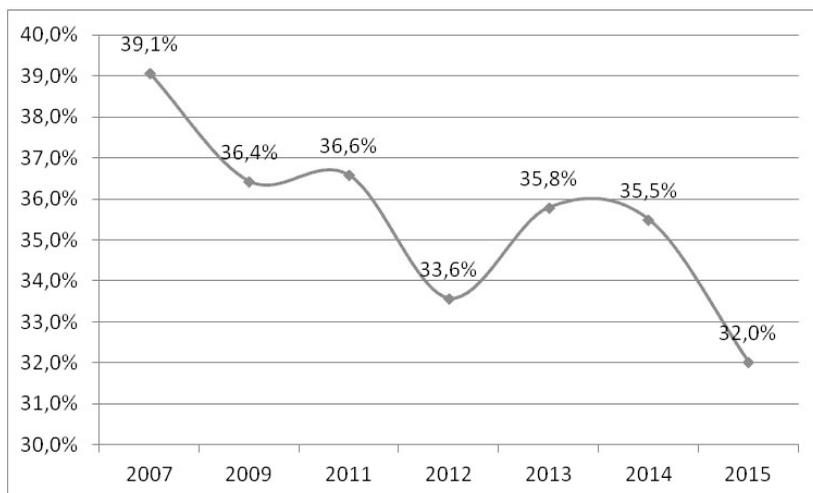

График 1. Позитивный рейтинг России

По данным опроса, проведенного в 29 странах в марте–мае 2015 года, 51% респондентов имели негативное отношение к России, и только 32% — положительное. Негативные отзывы составляли большинство в 26 странах. Даже среди партнеров России по БРИКС негативные взгляды на Россию высказали большинство респондентов в Бразилии (61%) и Южной Африке (51%). В Китае положительные результаты превосходили негативные (51% против 37%), как и в Индии (43% против 17%). Только в трех странах — Китае, Вьетнаме (75%) и Гане (56%) — абсолютное большинство позитивно оценило Россию. В Европе отношение к России было более негативным, чем в США. Только 24% сказали, что они доверяют Путину (в то время как 58% придерживаются отрицательного мнения) [6].

Среди непосредственных соседей России ее восприятие, имидж и необходимый уровень отношений с ней несколько варьируются. В среднем 54% населения 21 стран-соседей России считают, что «сильная Россия нужна, чтобы сбалансировать влияние Запада». Одновременно, в среднем 64% опрошенных считают, что в интересах их страны близкое сотрудничество с США и Западом (график 2) [7, с. 127].

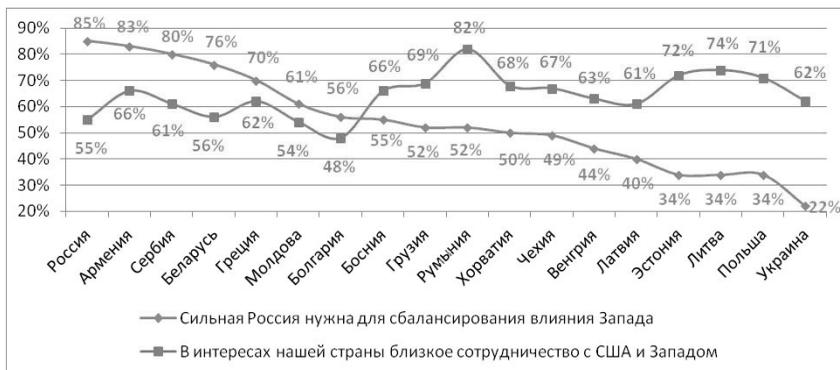

График 2. Отношение к России и США/Западу

Наверное, это логично, что чем выше необходимость в сильной России, тем ниже необходимость в сотрудничестве с США/Западом, и наоборот, но примечательно то, что у сторонников тесного сотрудничества с США и Западом позиция более поляризована. У них в среднем интервал между позицией за сильную Россию и позицией за теснее сотрудничество с США/Западом 26%, тогда как у сторонников сильной Россию (не считая позицию России) — 13% [7, с. 127].

На постсоветском пространстве за более тесные отношения с Россией высказываются в среднем 28% опрошенных, тогда как 30% — за более тесные отношения с ЕС (график 3) [7, с. 130].

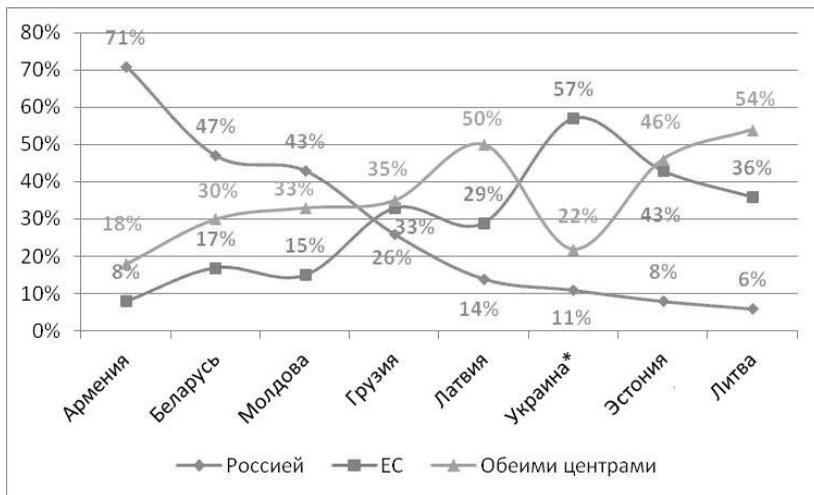

График 3. Важнее иметь сильные связи с...

В этом плане примечательно то, что 57% населения постсоветских стран считают, что Россия представляет угрозу для их страны (график 4) [7, с. 131]!

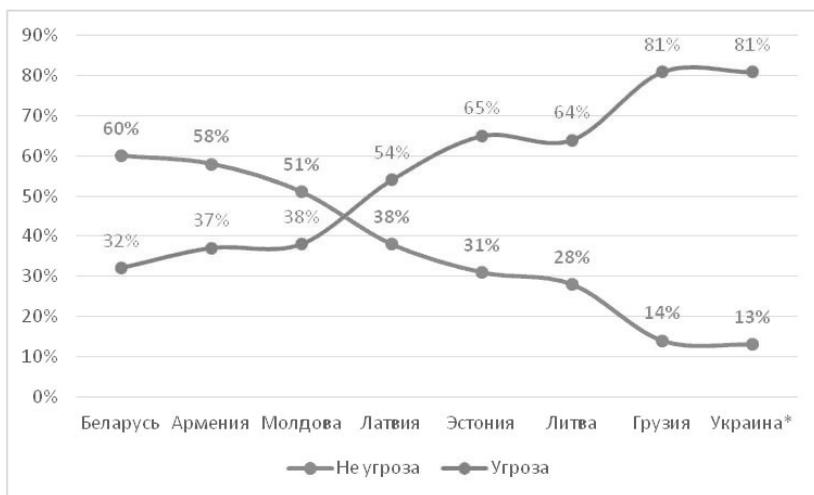

График 4. Являются ли Россия угрозой для Вашей страны?

Политика в действии

Выдавливание «русского» является в первую очередь проявлением объективного процесса становления новых суверенных государств. Это происходит везде — и в странах СНГ, и в России. Второе — это вопрос политического выбора, потому что новая формирующаяся элита по-разному выстраивает свой внешнеполитический курс, и это сильно отражается на гуманитарной сфере. Третье — это результат работы западных стран на пространстве СНГ. В этом плане сформировалась довольно жесткая конкурентная среда, в том числе по проблематике русского языка. В государствах-участниках СНГ отмечается стремление к изучению не только русского, но и английского языков. Они считают, что это поможет им подготовить население, подготовить страну к более активному участию в процессах мировой экономики [8, с. 5]. По этому поводу В.А. Никонов, президент фонда «Русский мир» в Совете Федерации РФ, в 2009 г. говорил: «А знаете, сколько западных неправительственных организаций сейчас работает на Украине? 1800! А сколько там работает российских неправительственных организаций? Палец одной руки вам хватит — с большим запасом. То же самое в Казахстане, то же самое в других странах. Нам надо создавать систему работы, нам надо понять, что это проблема. Нам надо поддерживать русский язык и свои позиции. Нам надо проводить там комплексную, серьезную многостороннюю политику» [8, с. 12].

В этом плане в эпицентре внимания оказался в том числе и русский язык, в адрес которого большинство государств СНГ проводят негласную, а порой и открытую линию на выдавливание из общественно-политической, культурной и образовательной сфер. В результате всего этого, если в начале 1990-х русским языком на планете владело 350 миллионов человек, из них 140 миллионов в странах, которые теперь входят в СНГ, то за эти годы произошло сокращение их численности, по самым оптимистическим оценкам, на 20 миллионов, по более реалистическим — на 80 миллионов. «Ни один язык в мире не проваливался в истории человечества так быстро и так стремительно. В СНГ из 140 миллионов человек, которые знали русский язык, сейчас осталось 100» [8, с. 10].

Другим способом отчуждения от общности с Россией являются попытки восстановления политической независимости (1991 г.) и восстановления государственности как «возвращение в прошлое», в досоветские государственные границы и этнические границы, путем восстановления истоков/генеалогий/аутентичности в их национальных историях [9, с. 322]. Данный факт получал также и политико-правовую форму, поскольку некоторые постсоветские страны — Азербайджан

(Декларация о восстановлении государственной независимости Азербайджанской Республики), Грузия (Акт о восстановлении государственной независимости Грузии), Латвия (Декларация о восстановлении независимости Латвийской Республики), Литва (Акт Верховного Совета Литовской Республики О восстановлении независимости Литовского государства), Эстония (Закон Верховного Совета Эстонской ССР от 8 мая 1990 г. О восстановлении действия Конституции независимой Эстонской Республики 1938 года) — декларировали свои независимости в виде восстановления досоветской государственности.

Проблематика отчуждения не обошла также и конкретные элементы исторической памяти. В этом плане главным считается дезавуировать те исторические моменты, которые способствовали бы сохранению духа общности, с одной стороны, с другой — максимально нивелировать роль и кардинально изменить интерпретацию роли России в этих событиях и моментах истории. Таким примером является проблематика Великой Отечественной войны, в связи с которой делаются попытки связать эту тему и такие вопросы с имперским прошлым СССР. Как пишет Ж. Тулиндинова, «сегодня очень часто в некоторых странах постсоветского пространства, в частности в Грузии, официальная идеология приравнивает коммунизм к фашизму. Соответственно, ставится знак равенства между Гитлером и Сталиным. Мы понимаем, что, когда идут выпады со стороны отдельных групп, когда они приравнивают фашизм и коммунизм — это делается осознанно и умышленно. Они ориентируются на молодое поколение, чтобы нивелировать наше общее прошлое, наш большой успех. Ведь людьми без ценностей, без исторической памяти легче манипулировать» [10]. Все это интерпретируется как дань прошлому и возможности для нынешней России выражения своих «имперских амбиций». Соответственно, делается все возможное для того, чтобы дезавуировать все это, одновременно дезавуируя Россию и ее «амбиции». Но таким образом идет пересмотр истории, переоценка исторических ценностей и т.д. В результате любое обращение к советскому прошлому вызывает особую тревогу у правителей соседних постсоветских государств. Для ориентированных на Запад элит, таких как в Украине, Грузии и в прибалтийских странах, обращение к советскому прошлому рассматривается как прямая вражда, угроза их усилиям по реформированию. И даже авторитарные, антилиберальные лидеры в таких странах, как Беларусь и Казахстан, не хотят, чтобы их страны потеряли свою независимость, поскольку это означало бы передачу своей личной власти Москве [4, с. 401].

В некоторых странах данные тенденции доходят до националистических порывов, а само изгнание демонов прошлого иногда достигает уровня демонизации. Например, автор-латыш пишет: «Похоже, что в смешанных семьях наиболее частые разводы происходят в семьях, в которых один из партнеров является русским» [9, с. 328].

Примечательно, что интерес к культуре России, который проявляется также через заинтересованность в импорте творческих услуг и продуктов (приглашении артистов, чтении книг, прослушивании музыки), значительно снижается в постсоветских странах, иногда проявляя статистически значимую динамику (в Казахстане, Кыргызстане и Молдове снижение по сравнению с показателями предыдущих лет составляет 10–15 %) [11, с. 78].

Заключение

Несмотря на политизированность результатов тех или иных рейтинговых оценок, очевидно одно — что России есть над чем работать в вопросе выработки стабильного позитивного рейтинга, в первую очередь у своих партнеров по тем или иным межгосударственным структурам, и вообще в мире. В этом контексте российская «мягкая сила» отстает, что и приводит к нынешним результатам.

Литература

1. Overall Best Countries Ranking // US News. URL: <https://www.usnews.com/news/best-countries/overall-full-list>
2. A 2012 Global Ranking of Soft Power, 06 September 2013 // Institute for Government. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/publications/new-persuaders-iii>
3. Overall Ranking 2016 // The Softpower 30. URL: <http://softpower30.portland-communications.com/ranking>
4. Rutland P., Kazantsev A. The Limits of Russia's "Soft Power" // Journal of Political Power. 2016. Vol. 9. Iss. 3.
5. Russia's Global Image Negative amid Crisis in Ukraine: Americans' and Europeans' Views Sour Dramatically, July 9, 2014 // Pew Research Center. URL: <http://www.pewglobal.org/2014/07/09/russias-global-image-negative-amid-crisis-in-ukraine>
6. Stokes B. Russia, Putin Held in Low Regard around the World, Russia's Image Trails U.S. across All Regions // Pew Research Center, August 5, 2015. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world>
7. Religious Belief and National Belonging in Central and Eastern Europe: National and Religious Identities Converge in a Region Once Dominated by Atheist Regimes, for Release May 10, 2017 // Pew Research Cen-

ter. URL: <http://www.pewforum.org/2017/05/10/religious-belief-and-national-belonging-in-central-and-eastern-europe>

8. Гуманитарное сотрудничество — важный фактор развития интеграционных процессов и укрепления позиций русского языка на пространстве Содружества Независимых Государств, 17 декабря 2009 года («Круглый стол» Совета Федерации) // Совет Федерации Федерального собрания Российской Федерации. Официальный сайт. URL: <http://archive.council.gov.ru/activity/activities/roundtables/29486>

9. Novokova I. The Image of Russia in the “New Abroad”: The Russian-speaking Diaspora along the Baltic // Beyond the Empire: Images of Russia in the Eurasian Cultural Context. Slavic Eurasian Studies. No.17 / Ed. by T. Mochizuki. Sapporo, 2008.

10. Тулиндинова Ж. Одна на всех: Великая Победа объединяет постсоветское пространство // Информационно-аналитический Центр по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве. 1.05.2017. URL: <http://new.ia-centr.ru/experts/zhanartulindinova/odna-na-vsekh-velikaya-pobeda-obedinyayet-postsovetskoe-prostranstvo>

11. Интеграционный барометр ЕАБР — 2016 (пятая волна измерений). Доклад №40. СПб., 2016. URL: http://www.eurasiamonitor.org/rus/files/285/file/EDB_Centre_2016_Report_40_1_EDB_Integration_Barometer_RUS.pdf

А.А. Гурьянова
«Мягкая сила» ООН как средство обеспечения
стабильной международной безопасности
и международного сотрудничества

С момента своего возникновения общество постоянно сталкивалось с конфронтацией и войнами. На протяжении многих веков межгосударственные конфликты оставались основной угрозой международной безопасности. Борьба за территории и ресурсы, материальное обогащение за счет противников являлись главными причинами столкновений. В этих условиях единственным способом взаимодействия государств было следование политике «жесткой силы».

Со временем повестка дня международной безопасности расширялась и значительно видоизменялась. Распад восточного блока и Советского Союза, процессы глобализации, упадок Вестфальской системы международных отношений породили беспрецедентное количество новых угроз международной безопасности.

Среди военных угроз акцент перешел от традиционных межгосударственных столкновений к внутренним вооруженным конфликтам. Процесс распространения ядерного оружия привел к тому, что возможность его применения возникла в регионах. Во главу повестки дня международной военно-политической безопасности выдвинулась проблема международного терроризма. Наука и техника открывают новые сферы противоборства, в том числе военного — такие, как киберпространство. В последнее время актуализируются опасности невоенного характера, например, кризисные явления в области экологии, экономики, крупномасштабные природные и техногенные катастрофы.

Силы глобализации делают государства, общества и народы более взаимосвязанными и взаимозависимыми, чем когда-либо раньше. В результате некоторые угрозы, вызовы, возможности, которые раньше считались внутренними, теперь рассматриваются как международные, и их решение требует не только национальных, но и многосторонних усилий [1, с. 9]. Этой цели и служит ООН — механизм международного сотрудничества, потребность в эффективном функционировании которого в настоящее время заметно увеличилась.

В новых условиях использование старых инструментов политики становится неэффективным. «Жесткая сила» больше не воспринимается как единственный действенный способ противостояния: она обладает недолговечным эффектом, который практически сразу исчезает при снятии внешнего поддерживающего давления. Ведь для того, чтобы результат оставался как можно дольше, необходимо все время поддерживать ту или иную ситуацию в зоне конфликта, сохраняя напряжение, более того, каждый раз наращивая его, так как по мере ослабления силового компонента снижается и сам эффект «жесткой силы» [2, с. 166]. В XXI в. большую популярность приобретают инструменты непрямых действий, к чему относят и политику «мягкой силы». По Джозефу Наю, «мягкая сила» — это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников [3, с. 27]. В отличие от «жесткой силы», она позволяет получать результаты, которые сохраняются в течение длительного времени и не требуют постоянного внешнего давления. «Мягкую силу» можно считать особым рода управленческой политикой, которая направлена на использование ненасильственных методов воздействия, как инструмента для достижения внешнеполитических целей.

Организация Объединенных Наций обладает значительными ресурсами как жесткой, так и мягкой силы. При отсутствии собственных вооруженных сил и относительно небольшом бюджете, жесткая сила ООН может быть приравнена к жесткой силе, предоставляемой ей

странами-членами. Когда великие державы достигали согласия, ООН обладала значительной жесткой силой, как видно на примере Корейской войны и первой войны в Персидском заливе. Но такие случаи были скорее исключением [4]. Чаще всего возможности применения Организацией Объединенных Наций жесткой силы оказываются ограничены. Это объясняется устройством Совета Безопасности ООН, в основе которого лежит принцип единогласия постоянных членов, так называемое право вето. Несовпадение их позиций способно полностью остановить работу Совета Безопасности. Более того, в условиях, когда постоянные члены имеют свои интересы в зоне конфликта, право вето зачастую используется ими избирательно, ради собственной выгоды, но не ради сохранения мира.

В данной связи Организацию Объединенных Наций часто обвиняют в неэффективности, многие ученые утверждают, что в ООН ведутся лишь разговоры и не принимаются никакие политические решения.

По мнению американского ученого Хосе Альвареса, сторонники этой точки зрения игнорируют огромный потенциал организации в области применения «мягкой силы» [6].

«Мягкая сила» ООН исходит из способности организации легитимизировать действия государства, особенно в случае применения силы. Организация Объединенных Наций может использовать свои ресурсы мягкой силы для направления «жесткой силы» правительств в необходимом направлении.

Анализ современной ситуации в мире показывает, что справиться со сложной задачей разрешения политических разногласий у ООН получается не всегда. Тем не менее, ООН может без вмешательства в текущие политические переговоры содействовать укреплению мира на основе разработки на межличностном уровне всеобъемлющей платформы сотрудничества, направленного на изменение отношений между двумя народами [5].

К настоящему моменту организация сумела накопить необходимый опыт в проведении миротворческих операций. За последнее десятилетие Совет Безопасности предпринял ряд мер для совершенствования инструментов и механизмов осуществления операций ООН по поддержанию мира. Помимо расширенного мандата новых миссий в области применения силы, большинство из них стали «многопрофильными». Новые миротворческие миссии ООН направлены на выполнение множества задач — гуманитарных, военных, политических. В XXI веке повысилась эффективность миротворческого потенциала Организации Объединенных Наций.

С момента основания Совета Безопасности его полномочия по реагированию на угрозы международному миру расширились. Его сотрудничество с Международным уголовным судом помогло усилить ответственность государств и частных лиц за международные преступления. Независимо от того, в состоянии ли СБ открыто защищать нормы международного права в каждом конкретном случае, возможность таких действий со стороны Совета Безопасности оказывает влияние на поведение государств. Ярким примером служат трибуналы по военным преступлениям в бывшей Югославии и Руанде. В данной связи многие страны сейчас пересматривают иммунитеты, которые они ранее предоставляли своим отставным генералам и высокопоставленным чиновникам. Изменились сотни национальных законов во всем мире. В национальном праве государств появились такие понятия как геноцид, преступления против человечности и военные преступления. За них предусмотрено преследование и наказание. Международные военные преступления изучаются не только в юридических вузах, но и в военных академиях, с целью расширения осведомленности будущих военнослужащих [6]. Даже в Соединенных Штатах, отказавшихся признавать юрисдикцию Международного уголовного суда, сегодня значительно большее внимание уделяется предполагаемым военным преступлениям и осуществляется судебное преследование солдат, обвиняемых в таких преступлениях.

Сегодня ни одно правительство не может игнорировать необходимость соблюдения прав человека. В противном случае, оно будет регулярно подвергаться осуждению со стороны международного сообщества, в докладах Совета по правам человека ООН, в СМИ, в различных неправительственных организациях и т.д. Даже Всемирный банк теперь включает нормы в области прав человека в свои руководящие принципы в отношении кредитов на инфраструктуру [6].

Можно сделать следующие выводы. ООН обладает значительным потенциалом — «жесткой» и «мягкой» силой. В особенности это очевидно, когда государства достигают согласия в вопросах стратегии в рамках седьмой главы Устава ООН. Организация обладает умеренной, но эффективной мягкой силой, когда великие державы не сходятся во мнениях, но готовы прийти к консенсусу. И она почти лишается потенциала, если великие державы выступают против каких-то действий или же репрессивные правительства стран-членов игнорируют новую «ответственность защищать». В таких случаях бессмысленно возлагать ответственность на ООН. «Мягкая сила» реальна, но она имеет границы. И причина этого не сама ООН, а отсутствие согласия между странами-членами [4].

Литература

1. Хохлачёва Е.Г. Мягкая сила ООН как метод предотвращения международных конфликтов // Вестник РУДН, серия Политология. 2013. № 2. С. 9–13.
2. Матвеев Ю.И., Галаева М.Г. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики // PolitBook. 2015. № 1. С. 165–175.
3. Nye J. Soft Power: The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
4. Най Д. Мягкая сила ООН. URL: <http://inosmi.ru/world/20071123/238012.html>
5. Сампайю Ж. «Мягкая сила» — веление современности // Международная жизнь. 2010. № 9. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/num/2010/9>
6. Jose Alvarez Speaks about U.N.'s “Soft Power” at International Conference. URL: http://www.law.nyu.edu/news/alvarez_jose_icd_conference

В.В. Демидов, Е.В. Яблонских
Информационная турбулентность вокруг имиджа
интеграционных процессов в Евразии
и эхо в Уругвае

В первой половине XXI века в мировой политике прослеживается устойчивая тенденция дальнейшего усиления внимания к континентально-материковым регионам. В ареале Востока к ним относится, прежде всего, сердце Евразии, в котором накопился мощный потенциал для перераспределения геополитических конфигураций и реалий. В современную эпоху в центрально-азиатском регионе геополитическую игру ведут не только акторы местного происхождения и их ближайшие соседи, но и США с союзниками по НАТО, страны Евросоюза, а также члены Организации Исламской конференции. На кону стоят крупные ставки, ибо тот, кто будет реально оказывать влияние на ситуацию в регионе, проложит себе дорогу к его коммуникациям и ресурсам.

Закономерно, что вокруг этих вопросов на разных уровнях развернулись нешуточные политические схватки и баталии, происходящие в условиях информационной турбулентности. Лучше всех смысл последней раскрыл американский дипломат Э. Файгенбаум. «Спросите, — расшифровывал он, — русского, спросите китайца, спросите киргиза, спросите узбека. Вы услышите четыре совершенно разных ответа». Еще большая разногласия наблюдается в научных трудах и аналитических обзорах. За рубежом вышли в свет десятки и даже сот-

ни публикаций на тему интеграции в Евразии, ее последствий и перспектив. Причем, если интерес к ней понятен в Сингапуре, Гонконге, Макао или Тайбэе, то вызывает удивление внимание к евразийским процессам, например, в Дании, Финляндии, Швеции, Эстонии и т.д.

В совокупности такое многообразие публикаций поднимает и ставит перед аналитиками принципиальный вопрос. Можно ли при помощи категориального аппарата западной политологии объяснить происходящие на континенте процессы и трансформации? Выразим свое сомнение, ибо зачастую все они приходят к одному знаменателю. Как подчеркивал венгерский социолог Б. Мадьяр, автократы склонны поддерживать друг с другом хорошие отношения, если у них нет прямых поводов для соперничества.

Поскольку имеющийся понятийный аппарат, главным образом, плод западной науки, то любой исследователь волей-неволей смотрит на мир «глазами Запада». Вполне понятно, что в такой ситуации В.А. Никонов как-то сокрушался, что наша политология или менеджмент очень часто оказываются калькой с американских и английских учебников. Между тем, следование западной традиции мешает разглядеть в реальности как раз то, что хотелось бы понять. По справедливому замечанию американского философа Т. Куна, при анализе незнакомого материала факты и явления, «не вписывающиеся» в существующие известные концепции, чаще всего попросту игнорируются или провозглашаются несущественными.

Те же западные политологи порой склонны выставлять инициаторов создания Таможенного союза в качестве авторитарных правителей, а режимы в их странах трактовать как суперпрезидентские, а то и вообще, опираясь на термины Х. Лунца, не иначе как султанистские. Отнесем данные инсинуации и оценки на совесть авторов. Обратим внимание на другое важное обстоятельство. Если три лидера встречаются вместе для обсуждения интеграционной повестки, то представляют собой просто эталон в соблюдении демократических процедур и международного права. «Когда президенты Казахстана, России и Белоруссии собираются, — свидетельствовал Н. Назарбаев, — если один против, то никакого решения не принимается. Это называется консенсус. У всех равные права...».

По их поручению создаются и действуют различные комиссии и экспертные группы, идет процесс подготовки проектов и согласования интересов и деятельности в разных сферах. Представляется, что отработанные здесь стереотипы политического поведения и накопленные навыки с межгосударственного уровня рано или поздно перейдут вниз и положительно отразятся на функционировании внутренних государ-

ственных институтов и политической культуре. Можно, правда, посетовать на пока ограниченный охват и черепаши темпы перемен. Однако, как философствовал один из малайских премьеров, слишком широкая дорога к демократии ведет к краху государства, распаду семьи и гомосексуализму.

Уже сейчас следует констатировать, что достигнутый уровень интеграции в Евразии сделал утопичными проекты наших геополитических оппонентов. Так, стала пустой мечтой идея пантюркистов о создании единой «тюркской дороги» от Тихого океана до Средиземного моря. Провалился замысел создать «альянс белого человека» из США, Евросоюза и России против азиатов и, прежде всего, Китая. Во внешнеполитической концепции РФ четко просматривается линия на укрепление интеграционных связей со странами Центральной Азии. Она, как представляется, учитывает исторические традиции и менталитет российского общества. «У африканеров и русских, — замечал лидер «Движения сопротивления африканеров» из ЮАР Э. Тер-бланш, — много общего. И те, и другие похожи на европейцев, но таковыми не являются».

Разработка договоров по безопасности, обновленная концепция постсоветской интеграции, активная позиция в БРИКС, «Группе двадцати», ШОС, ЕврАзЭС, свидетельствуют о способности российского государства задавать направления дискуссии и диктовать повестку дня по актуальной проблематике международной жизни, оперировать глобальными категориями. И вполне логично, что в отечественной политической науке кристаллизовался и был признан в оценках международной жизни как конструктивный так называемый «евразийский подход», который, по мысли А.В. Торкунова, позволяет соединить лучшие исторические традиции народов евразийского региона с долговременными шагами по преодолению вызовов глобализации, ориентирует на совместное решение задач экономической модернизации, внедрение инновационных технологий и достижение существенного подъема жизненного уровня населения.

Его непреходящее значение актуализируется тем, что в поисках адекватных подходов в исследовании мировой политики фундаментальные изменения международных отношений определяются во многом трендами развития России и ее ближайшего окружения. Более того, «евразийский подход» становится эффективнее с учетом именно «шанхайского духа», который подразумевает принцип взаимного доверия, уважения к выбору друг друга, к культурному многообразию, к многоплановому сотрудничеству.

Представляется, что плодотворный и объемный анализ мировых процессов возможно осуществить лишь на рельсах синтетического подхода. Иначе говоря, кроме анализа достижений в рамках различных вариаций неореализма и неолиберализма, целесообразно не сбрасывать со счетов и учитывать подходы третьего направления в теории международных отношений, а именно неомарксизма. Его интерпретации на разные лады заметны, прежде всего, в Латинской Америке с ее левыми волнами. Взгляды издали зачастую отличаются своей непредвзятостью и заставляют призадуматься.

Взять, хотя бы для наглядности, творчество редактора уругвайского журнала «Бреча» Р. Сибечи. В 2014 г. он опубликовал в Монтевидео статью в духе и терминах неомарксизма под названием «Концепция нового мирового правопорядка: Азицентризм» [1]. Казалось бы, ну и ладно. Однако ценность подобных статей заключается в том, что сами по себе газетные и журнальные публикации и их заголовки помогают понять и ухватить суть проблемы. «Журналы, — утверждал один из разработчиков теории установления повестки дня М. Маккоумз, — являются лучшим способом продвижения шаг за шагом новых знаний, потому что они имеют более обширную аудиторию, нежели книги, порождают более широкие дискуссии и предлагают более сфокусированное представление о специфических сторонах исследований. Книги затем раз за разом могут извлекать существенное из этих знаний».

В Монтевидео пришли к умозаключению, что в Евразии идут глобальные трансформации, а китайский проект Нового шелкового пути стал «нервом мировой политики» и главной «занозой» для США в геополитической игре. Сама ситуация в Центральной Азии рассматривается как свидетельство рождения нового мирового постамериканского порядка на континенте, построенного на треугольнике Россия, Китай и Индия. Как здесь не упомянуть об аналогичной идее В.И. Ленина, а затем и схожей мысли Е.М. Примакова.

Другими словами, старый порядок, ориентированный на отношения «центр-периферия», уступает новым международным отношениям. Но автор стремится смотреть дальше и конкретнее, обозначая контуры мощного альянса из Китая, России и Европы, прежде всего, Германии, как ответ на трансокеанское партнерство США. Способствует этому и военное сотрудничество РФ и КНР, которые делают упор на строительство атомного подводного флота и кибервойны. В то время как США идут более дорогостоящим путем через модернизацию авианосцев с перспективой столкнуться с дефицитом ресурсов и финансовыми трудностями.

Лучше всего, что удастся Вашингтону, по признанию многих аналитиков, это создание кризисов в различных частях земного шара. В связи с чем, события на Украине и американские атаки на ИГИЛ с подспудной целью выдавить террористов на север, точнее в Россию и Казахстан, представляются в ином ракурсе. «Обе операции, — расшифровывал Р. Сибечи, — это покушение на потенциальный Шелковый путь, который считается одним из краеугольных камней нового мирового порядка».

Противостоять подобной угрозе можно только через региональную интеграцию и укрепление национальной безопасности. В информационном пространстве система мер в данном направлении получила наименование «повестка Путина». Центральное место в ней занимают Стратегия развития ШОС и концепция сопряжения с Экономическим поясом Шелкового пути. Однако в текстах присутствует немало общих формулировок и банальных рекомендаций. Ряд острейших тем, таких как проблема водных ресурсов и водопользования в регионе, которая неоднократно и безуспешно поднималась ранее на саммитах ШОС, вообще выпали из поля зрения разработчиков.

В этом контексте всплывает в памяти забавная история. Выдающийся советский дипломат В.С. Семенов как-то давал урок молодым сотрудникам. Когда надо было писать речь генсеку Л.И. Брежневу, изображая нечто грандиозное и захватывающее в качестве цели советской внешней политики, но без каких-либо конкретных и реальных мер к ее достижению, он говорил: «Это должно быть, как кастрюля с киселем. Вроде бы полная, а сунешь руку — ухватить нечего».

Следовательно, стране нужно более четко определяться, что и делается фактически в процессе постоянного обновления внешнеполитической концепции РФ. Вместе с тем, еще знаменитый логик А.А. Зиновьев предрекал, что XXI век будет временем противоборства США и Китая на просторах России. И эхо в Уругвае от евразийских перемен тому осторожное предупреждение. Следует, видимо, отказаться от имиджа косолапого медведя и уподобиться мудрой обезьяне, которая наблюдала схватку хищников и использовала ситуацию в своих интересах, проявив, по сути, ту самую «мягкую силу».

Литература

1. Zibechi R. El comienzo del nuevo orden mundial: Asiacentrismo // URL: <http://www.alainet.org/active/77463>

А.Д. Дерендяева
Использование стратегии «soft power»
при формировании имиджа
столицы Республики Казахстан — Астаны

В эпоху глобализации отличительной чертой внешней и внутренней политики стран мира становится использование «мягкой силы» («soft power»). Силовые методы, то есть инструменты «жесткой силы» («hard power») начинают приобретать все более явные ограничения, так как возникает проблема урегулирования военных действий, а также не всегда обеспечивается победа в конфликте. Поэтому актуальным становится изучение феномена «мягкой силы». Термин впервые был введен в 1990 г. профессором Гарвардского университета Дж. Наем [1]. «Мягкая сила», по мнению исследователя, это возможность оказывать влияние на других через поиск союзников, убеждение, она основывается на культуре, политических ценностях и внешней политике страны [2, p. 11].

В 2010 г. The Institute for Government и исследовательский журнал «Монокль» попытались составить рейтинг «soft power» стран мира на основе различных критериев. Исследователями были выделены конкретные факторы, помогающие измерять «мягкую силу»: 1) бизнес и инновации — открытая и привлекательная экономическая система, создание и внедрение новейших технологий; 2) культура — распространение государственного языка, международное продвижение культурных продуктов страны, достижения в области искусства; 3) правительство — привлекательность модели управления государством, политический режим; 4) дипломатия — способность создавать благоприятный диалог с международным сообществом; 5) образование — развитая система вузовского образования, академическая мобильность [3].

Позднее и этот рейтинг был расширен благодаря британскому исследователю Дж. МакКлори. Его индекс «мягкой силы» рассчитан на государства с быстро растущей рыночной экономикой — RGMs (Rapid-growth Markets Soft Power Index). Автор при измерении «soft power» обращает внимание на такие факторы, как: экспорт медиа продукции, проведение Олимпийских игр, количество влиятельных людей изучаемой страны, успешные бизнес-компании, уровень коррумпированности, свобод, степень электорального участия, рост числа иммигрантов (выступающий показателем привлекательности страны для иностранных граждан), развитие туризма, владение английским языком (которое расценивается как необходимое условие интеграции в

глобальную мировую систему). Все эти параметры, по мнению Дж. МакКлори, оказывают влияние на общий имидж страны [4].

В современных исследованиях авторы часто уделяют внимание изучению феномена «мягкой силы» в различных странах. Актуальным остается вопрос изучения данного политического инструмента в Центральной Азии и, например, в такой стране как Республика Казахстан. В настоящее время это государство постепенно усиливает свою роль не только на азиатском континенте, но и в мировом сообществе.

Особенно на этом фоне выделяется столица страны — Астана. Статус центра город получил с 10 июня 1998 г., и за небольшое время он успел стать одним из экономических мегаполисов Евразии, объединяющим казахстанскую нацию. Астана на сегодняшний день не просто символ Республики Казахстан, но и перспективный город в мировой политике.

Еще в 2005 г. президент Нурсултан Назарбаев подчеркнул, что «новое местоположение столицы соответствует провозглашенной во внешнеполитической стратегии страны политике многовекторности и отвечает задаче выстраивания и поддержания баланса в отношениях с внешними партнерами». Перенос столицы, по его мнению, должен дать Казахстану укрепление в геополитическом плане [5, с. 20].

Характерно, что инструментами внешнеполитического курса страны выступает не проявление военной силы, а демонстрация эффективной модели проведения внутренних политических и экономических реформ, а также расширение межрегиональных связей с помощью так называемого «экспорта» казахстанского пути развития и его идеологии, которые исходят из Астаны [6, с. 256].

«Мягкая сила» столицы проявляется через несколько направлений. Одним из таких является «*diplomatic soft power*», что показывает дипломатическую репутацию страны, степень миролюбия и способность к предотвращению агрессии и угрозы в глобальном пространстве [7, с. 30].

Так, с 2003 г. Астана стала инициатором съездов лидеров мировых и традиционных религий. Следующий съезд должен состояться в 2018 г. [8]. В 2005, 2011 и в 2017 гг. столица становится площадкой проведения саммита Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) [9]. В 2010 г. представитель Казахстана стал председателем в Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ), а Астана на период председательства была одним из ведущих центров принятия решений, а также площадкой для диалога по обсуждению ключевых вопросов европейской безопасности и гуманитарного развития стран-участниц. Политолог Ю. Солозобов отметил, что город, выступая в

качестве посредника между мусульманским и европейским миром, способствует разрешению многих евразийских конфликтов [10, с. 29].

Важным для столицы стал 2017 г. В январе этого года Астана стала местом для мирных переговоров, касающихся гражданской войны в Сирии. Позднее было заявлено, что столица и далее готова вносить свой вклад в международные усилия по стабилизации ситуации. В экспертном сообществе этот переговорный трек стал именоваться как Астанинский процесс, заявил министр иностранных дел Казахстана Галымжан Койшыбаев [11].

Другим инструментом становится использование «cultural soft power», то есть политика популяризации национальной культуры, расширение межкультурных коммуникаций, а также повышение туристической привлекательности территорий. Так, Республика Казахстан является постоянным участником молодежных Дельфийских игр государств СНГ. К тому же сама Астана стала и местом проведения данного мероприятия в 2006 и 2012 гг. [12].

В 2011 г. в Астане и Алматы были проведены VII Зимние Азиатские игры, что стало важным событием для повышения международного имиджа столицы, поскольку спортивные игры увеличили количество туристов со всего мира [13].

С другой стороны, на «cultural soft power» Астаны оказывает влияние экологическая ситуация. Состояние окружающей среды по-прежнему является предметом серьезной обеспокоенности жителей не только столицы, но и всей Республики Казахстан. Кризис вокруг Аральского моря представляет серьезную экологическую проблему. Еще во время советской власти был резко увеличен объем воды, забираемой из Сырдарьи и Амударьи, что привело к понижению уровня Аральского моря на 16 метров, а также вызвало изменение климата в худшую сторону, так как ветры стали разносить по всему региону соль и пыль с обнажившегося дна [14, с. 235]. Такая обстановка снижает туристическую привлекательность региона.

Следующей разновидностью «мягкой силы» столицы выступает «economic soft power», экономическая привлекательность города. С 2008 г. Астана является площадкой для проведения Астанинского экономического форума, который носит международный характер. Данный форум, безусловно, способствует повышению инвестиционной составляющей для развития города [15].

Именно Астана — место рождения Евразийского экономического союза. В этом городе в 2014 г. президентами Беларуси, России и Казахстана был подписан договор о создании Евразийского экономиче-

ского союза (ЕАЭС). Данный союз обеспечивает свободу движения товаров, услуг, капитала и рабочей силы, а также проведение единой экономической политики [6, с. 257].

Доля ВВП в Астане резко отличается от положения в остальной стране, поскольку почти вдвое превышает аналогичный показатель для следующих за ней по степени благополучия Атырауской, Костанайской и Кызылординской областей [14, с. 221]. Аналогичная ситуация с кредитным рынком, он также все больше концентрируется в столице. Доля Астаны в сумме предоставленных кредитов с 2016 по 2017 гг. выросла до 19,5% по сравнению с остальными регионами Республики Казахстан [16].

Еще один элемент «мягкой силы» — «education soft power», который предполагает качественное образование, рейтинги университетов, количество иностранных студентов [7, с. 51]. Однако в стране и в самой столице с каждым годом сокращается число государственных учебных заведений [14, с. 236]. Ни один из университетов государства не входит в мировые рейтинги [17]. В этом направлении, очевидно, нужна более результативная работа.

Использование сразу трех элементов «soft power» («diplomatic soft power», «economic soft power» и «cultural soft power») можно наблюдать в проведении всемирной выставки «ЭКСПО» («EXPO»), темой которой стала «Энергия Будущего». Мероприятие проходило с 10 июня по 10 сентября 2017 г. в столице Республики Казахстан. Данная выставка способствовала привлечению в страну крупных инвестиций, повысила имидж города. Как отмечают специалисты, мероприятие посетили уже более 10 тысяч человек, что существенно повысит и туристическую привлекательность столицы [18].

Таким образом, столица Республики Казахстан на сегодняшний день активно использует инструменты «soft power» в проведении внутренней и внешней политики, обеспечивая тем самым формирование положительного имиджа не только города, но и всей страны в целом. Однако порой этот образ может не полностью отражать реалии. Безусловно, политическая власть и бизнес-элита умеют работать в международной среде, обеспечивая диалог с другими государствами. Тем не менее, некоторые показатели (например, экологии, образования) падают, что существенно отражается на жизни населения. Поэтому руководству города стоило бы обратить внимание на эти аспекты, которые также являются факторами «мягкой силы» Астаны.

Литература

1. Nye J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. Basic Books, 1990.
2. Nye J. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
3. McClory J. Why Britain's Global Role Stands at a Precarious Juncture. URL: <https://www.instituteforgovernment.org.uk/blog/why-britain%E2%80%99s-global-role-stands-precariou-juncture>
4. McClory J. The New Persuaders: An International Ranking of Soft Power. URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders_0.pdf
5. Назарбаев Н.А. В Сердце Евразии. Алматы, 2005.
6. Современный Казахстан. Стратегия успеха / под ред. М.Е. Шайхтудинова. Алматы, 2008.
7. Soft power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург, 2015.
8. Съезд лидеров мировых и традиционных религий. URL: <http://www.kazembassy.ru/ru/bannerynacprojekty/bannerynacprojekty4>
9. Саммит ШОС в Астане. URL: <https://ria.ru/trend/astana-sco-summit-09062017>
10. Гусев Л.Ю. Основные направления политического и экономического-энергетического развития Казахстана. М.; Берлин, 2015.
11. Казахстан готов и далее вносить вклад в урегулирование в Сирии. URL: <http://www.islamsng.com/kaz/news/12029>
12. Седьмые открытые молодежные Дельфийские игры государств-участников СНГ. URL: <https://delphic.world/games/cis/seventh/informatsiya>
13. VII Зимние Азиатские игры. URL: http://www.akorda.kz/ru/national_projects/aziada-2011_1338973100
14. Олкотт М.Б. Казахстан: непройденный путь. М., 2003.
15. Астанинский экономический форум. URL: <http://forum-astana.org>
16. Кредитование в РК смещается в Астану. URL: http://profinance.kz/news/novosti_dlya_koshelka/kreditovanie_v_rk_smesc_haetsya_v
17. Рейтинги университетов мира. URL: <https://www.educationindex.ru/articles/university-rankings>
18. Выставку ЭКСПО-2017 в Астане уже посетили более 10 тысяч человек. URL: <https://ria.ru/economy/20170610/1496254489.html>.

Л.Г. Коваленко
«Мягкая сила» как элемент имиджа государства
и механизм взаимодействия
в международных отношениях

Современный мир очень сложен, и у него мало шансов выжить, если принимать решения относительно других стран, исходя из неверных, мифологизированных представлений о намерениях и возможностях друг друга, что мы в настоящее время и видим в отношении Запада к России. Поэтому важно понять мотивы субъектов, формирующих эти неверные представления и их воплощающих. Отношения между Россией и Западом отличаются особой остротой и напряженностью, вызванной «определяющим обстоятельством российской истории»: страна 300 лет пытается «решить двуединую задачу: с одной стороны, сохранить свою самобытность и особость, свой менталитет и духовное наследие, с другой — открыть источники обновления, связанные с достижениями передовой соседней цивилизации» [1, с. 239]. С точки зрения здравого смысла, практика заимствования достаточно распространена, но на границе двух цивилизаций превращается в острую проблему, так как заимствование — это элемент механизма культурного взаимопроникновения — взаимоотталкивания, чреватого межстрановыми и внутристрановыми конфликтами и расколом. Во многом данная проблема обусловлена имиджем субъектов МО и механизмами, используемыми для взаимовлияния и достижения своих целей.

Для России проблема имиджа очень актуальна. Следует отметить, что образ страны на Западе подается в виде «казарменной империи», подавляющей демократию; этот пугающий образ создается даже через символы: «медведь» — символ правящей партии ЕР — с точки зрения многих оппонентов подчеркивает агрессивность, силу, неповоротливость, а этнографическая символика (матрешка, самовар, балалайка) — глупость, легковесность и пр. Сложился в целом образ противоречивый и пугающий. Роуз Геттемюллер отмечает, что «в глазах американцев Россия предстает одномерной страной, в которой мало что заслуживает положительного отзыва, но очень многое вызывает тревогу, и даже богатства воспринимаются не как источник взаимной выгоды, а как инструмент, позволяющий оказывать давление на соседей и запускать их» [2, с. 54].

Россия позиционирует себя как евразийская держава, исходя из своего геополитического положения, культуры, состава населения, что позволяет выстраивать взаимоотношения с Западом и Востоком, используя различные механизмы взаимодействия. Прежде всего — это «сила». Данная категория — одна из древнейших, заявившая о себе

еще в догосударственный период, а с появлением государства она была легитимизирована. Г. Моргентау писал о «национальном интересе, понимаемом в терминах силы» [3], но применение силы на практике несло на себе отпечаток времени. Общее в многочисленных трактовках силы — это способность влиять на поведение другого государства в желаемом для себя направлении, устанавливать различные формы зависимости. Выделяют: «жесткую силу» (ЖС) и «мягкую силу» (МС). «Жесткая сила» — форма политической власти, предполагающая военное или экономическое принуждение для коррекции поведения или интересов другой политической силы [4]. Например, прямое вмешательство во внутренние дела другого государства; государственный переворот. Страна, в основном использующая один вид силы, более уязвима.

«Мягкая сила» — это форма военно-политической стратегии, предполагающая способность добиваться желаемых результатов на основе добровольного участия, симпатии и привлекательности [4]. Идея и понятие МС имеют свою историю, еще древнекитайский философ Лао-Цзы подчеркивал силу мягкого воздействия [4]. Как предшественницу концепции «мягкой силы» можно рассматривать идею Антонио Грамши о «культурно-идеологической гегемонии». В современную теорию МО концепция «мягкой силы» введена Джозефом Наем (США), который основу влияния видит в глобальном лидерстве США и американских ценностей, рыночной экономики. «Мягкость» предполагает способность воздействовать на других посредством собственного примера и кооптации [5]. Но есть и другое восприятие МС — понимание ее как необходимости осуществлять собственные проекты в области управления и конкурентной борьбы. В Европе сформировалась идея качественного управления и добрососедства; китайцы рассуждают о важности «глобальной гармонии» и видят задачу в проекции своей культуры вовне, продвигая ее ценности, выходя в мир, усиливая международное влияние.

Россия отстаивает незыблемость принципа суверенитета в МО — это одно из базовых положений представления о «мягкой силе». В 2007 г. был создан фонд «Русский мир», цель которого — объединить людей, говорящих по-русски. Русский язык был достаточно распространен в период существования СССР и являлся мощным инструментом политического и культурного влияния, самой могучей скрепой. Это также русская литература, музыка, искусство. То есть «Русский мир» — очень широкое понятие, этому миру нужна любовь и понимание, а не жесткая сила. Политика же современной России отпугивает, сокращает пространство русского мира. В 2012 г. Президент РФ при-

звал активно использовать лексикон, включающий такие понятия, как «национальные ценности», «культурная самобытность» и «мягкая сила», также использовать инструменты лоббизма и МС в международных отношениях [5]. В свою очередь, власть стремится сформировать систему российских ценностей как опоры для применения МС во внешней политике. Хотя следует отметить, что среди экспертов и политологов есть точка зрения о доминировании критики МС и невозможности ее применения во благо РФ. С одной стороны, МС воспринимается как «недостойное» (манипулятивное) средство реализации собственных интересов, а в другой — становится невостребованным поиск нормативного объединяющего идеала, способного сформировать ядро «мягкого потенциала» [6]. Есть также мнение, что методом МС Россия действовать не способна. Эксперт А. Гольц отмечает, что «единственный инструмент, которым РФ может действовать, это сила жесткая, военная сила. И единственный метод убеждения, это попытка кого-то запугать» [6], то есть снова утверждается пугающий имидж страны.

Исследование проблемы «мягкой силы» и ее практическое использование в МО во много определяется национальной идентичностью и материальными возможностями, но есть и обратная зависимость. Выделяют две гипотезы. 1. Чем сильнее давление, заставляющее заимствовать некультурные идеи (ценности), тем значительнее должны быть затраты на развитие потенциала МС, сохранение интеллектуальной автономии и сопротивление идейной колонизации. 2. Чем своеобразнее культура, тем активнее усилия интеллектуального класса направлены на создание и развитие национальной модели МС и общественных наук для адаптации в условиях глобального мира [5]. Сфера же воздействия российской культуры и потенциала в области теории МО за пределами евразийского пространства сужена, и «мягкая сила» менее эффективна, что обусловлено, как уже отмечалось, ограниченным географическим ареалом русского языка и православия, экономической отсталостью. Рассматривая проблему МС в теории и практике, важно выделить ее структурные составляющие, определяющие инструментарий. Ю. Давыдов предлагает следующие: экономическая сила государства как главное средство внешнеполитического влияния через торговлю, инвестиции, международные организации — МВФ, Мировой банк и другие; информационная сила — контроль над международными коммуникациями создает новые формы зависимости; идеологическая сила — отражает привлекательность господствующих в обществе ценностей, этических и моральных норм, гуманитарных устремлений (используется «черная» и «белая» пропаганда, очень дей-

ственный инструмент — образование); политическая сила — психологические отношения между субъектом и объектом, реализуются через приказы, убеждения, угрозы, харизма лидера, дипломатия, союзы и коалиции (Варшавский договор, НАТО); социальная сила — благоприятные условия жизни и труда [3].

Представители американской школы в инструментарий «мягкой силы» включают: культурные ценности — живопись, архитектуру, театр, кинематограф, английский язык, литературу; передовые научно-технические достижения; качественные и недорогие автомобили доступные для граждан, мобильную связь и электротехнику; потребительские предпочтения — Coca-Cola, Snickers, удобную и практичную одежду, джинсы; программы экологии и безопасности; современные стандарты производства, внедрение ГМО с целью повышения урожая, что спасет человечество от голода [4]. Все эти инструменты МС направлены на усиление влияния как внутри страны, так и за ее пределами.

В начале XXI века роль МС в МО возросла, поскольку она позволяет более эффективно воздействовать на сознание граждан любой страны, используя все достижения науки и техники через информационные потоки. Огромное значение имеет язык, объединяющий большие пространства. Сокращается ареал использования русского языка, что разрушает и культурное пространство, за которое идет ожесточенная борьба, так как культурные ценности влияют на сознание и поведение сообществ. России необходимо вести активную работу по продвижению своих ценностей в отношении других стран для усиления своего присутствия в мире.

Как своеобразный инструмент МС можно рассматривать хакерские атаки: их действие сравнимо с ядерным ударом (остановка предприятий по производству урана в Иране Израилем и США). Наносится огромный урон экономике страны, провоцируются конфликты, что также ослабляет страну и обостряет МО.

Фальсификация исторических фактов — это тоже инструмент МС, разрушающий сознание, поработавший личность. «Зачистка истории» может сплотить народы и возвысить страну, или все разрушить. Желание Запада пересмотреть итоги Второй мировой войны может иметь далеко идущие немирные последствия. Зародившаяся в России идея «Бессмертный полк» — тоже инструмент МС, консолидирующий общество не только внутри, но и вовне, средство преодоления противоречий. Следует отметить, что Европа более склонна к использованию МС, в отличие от США, предпочитая дипломатию и убеждения, развитие коммерческих и экономических связей для укрепления МО,

чаще делается упор на процесс, а не на результат, так как считают, что в конечном счете процесс материализуется (например, Минский формат) [7].

Есть точка зрения, что отказ ЕС от политики силы, девальвация военной мощи обусловлены присутствием американских войск, и тем самым Европа попала в зависимость от США, которые готовы использовать свою военную мощь [7]. Ядерное оружие (важнейший признак великой державы) не конвертируется сегодня в политическое влияние на международной арене. Ядерный статус РФ не помог предотвратить расширение НАТО, войну на Балканах, другие опасные и нежелательные события [8]. ООН — организация, которая в полной мере использует инструментарий МС. Россия в отношении ООН воспроизводит идею «концерта держав». Статус постоянного члена Совета Безопасности, дающий право вето — один из немногих, оставшихся у Москвы инструментов политического влияния на глобальном уровне. Сохранение и усиление роли ООН и членства РФ в СБ — ключевая задача российской дипломатии [8]. Опыт «концерта держав» и истории ООН свидетельствует, что эффективность такой стратегии зависит от способности ведущих государств искать и находить решения, которые всех устраивают, а реальная основа этого — общность интересов и ценностей. В настоящее время главной ценностью должно быть сохранение мира, искоренение терроризма и его основ (идеологических, финансово-материальных и др.).

Исходя из вышеизложенного, автор считает, что используемые государствами-субъектами МО механизмы взаимодействия менялись в процессе развития, сообразно историческому времени, месту и роли государств на международной арене, их интересам и целям. И в каждый период времени преобладали механизмы силы либо «жесткой, либо «мягкой». Но представляется, что любая из этих разновидностей может иметь некоторые нюансы: «мягкая-жесткая» или «жесткая-мягкая». Появился еще один термин — «умная сила» — форма политической власти, сочетающая жесткую и мягкую силу для формирования выигрышной стратегии [4]. То есть любая МС несет в себе жесткое воздействие, в результате которого возможно разрушение государства, изменение политической и экономической системы, сознания граждан и модели поведения, причем не только внутри («цветные революции» XXI в.), но и вовне, в отношениях с другими субъектами международных отношений. Применение ЖС власть пытается смягчить обоснованием своих действий гуманитарными целями (бомбежки Югославии, Ирака, разгром Ливии и т.п.). Тем не менее «мягкая сила», как особый механизм взаимодействия, сегодня предпочтительнее, и ее

основной инструментарий — дипломатия, экономическое, культурное, экологическое сотрудничество, международные организации, «народная дипломатия». Искусство использования «мягкой силы» оказывает влияние на имидж субъекта (государства, партии, лидера).

Литература

1. Ахиезер А. Рецензия / Уткин А.И. Россия и Запад: История цивилизаций: Учебное пособие. М.: Гардарики, 2000. 574 с. // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 4.

2. Геттемюллер Р. Россия глазами американцев // Pro et Contra. 2007. № 2.

3. Давыдов Ю. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4.

4. Мягкая сила. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Мягкая_сила

5. Цыганков А. «Мягкая сила» и теория международных отношений // Россия в глобальной политике. 2013. № 6.

6. Наумов А. «Мягкая сила» и «цветные революции» // Российский журнал правовых исследований. 2016. № 1 (6).

7. Кейган Р. Сила и слабость // Pro et Contra. 2002. Т. 7. № 4.

8. Федоров Ю. Кризис внешней политики России: концептуальный аспект // Pro et Contra. 2001. Т. 6. № 1–2.

В.Н. Козулин

Проблема привлекательности образа страны: рассуждения о возможностях использования «мягкой силы» для оптимизации имиджа России

Соотношение понятий «имидж» и «мягкая сила» может трактоваться двояко (ср.: [1]). С одной стороны, в литературе встречается точка зрения, что «имидж» может выступать в качестве одного из инструментов «мягкой силы» [2]. С другой стороны, нередко высказывается мнение, что, наоборот, «мягкая сила» является фактором формирования имиджа [3; 4]. Последняя точка зрения ближе к оригинальной позиции изобретателя термина Джозефа Ная, который утверждал, что «мягкая сила» (в первом академическом переводе его книги — «гибкая сила» [5]) — это способность добиваться желаемого... в большей степени на основе собственной привлекательности, характеризующейся тремя основными компонентами: во-первых, культурой (определяемой как набор значимых для общества ценностей, несводимый к массовой культуре), во-вторых, политической идеологией, в-третьих, внешней политикой (понимаемой как дипломатия в широком смысле слова) [6,

р. 38]. Таким образом, сам Дж. Най слово «имидж» в числе факторов «мягкой силы» не называет. Действительно, имидж скорее выступает проявлением «жесткой силы», если исходить из его наиболее распространенного определения как *целенаправленно* формируемого образа, с помощью СМИ, рекламы и тому подобных средств манипулирования общественным сознанием. Особенность «мягкой силы», по Наю, в том и состоит, что она не навязчива. Это, главным образом, *естественная привлекательность* каких-то ценностей, культурное влияние. Точно так же навряд ли можно отнести к «мягкой силе» и такие проявления манипулирования общественным сознанием, как «информационные войны». Если это «войны», пусть даже психологические, то это уже никак не «мягкая сила». Не случайно Дж. Най, понимая, что его первоначальный термин «мягкая сила» не может включать в себя подобные довольно «жесткие» явления, разработал другое, более широкое понятие «умной силы» (smart power), которая определяется им как способность координировать и комбинировать возможности и ресурсы «мягкой» и «жесткой» сил [7, р. 112].

Вообще, концепция «мягкой силы» Наю по-разному интерпретируется в разных странах. По большому счету, можно различить ее классическое (американское и в целом западное) понимание и ее трактовку в так называемых «жестких» государствах, таких как, например, Катар, Китай или Россия, т.е. в странах недемократических или с так называемой «суверенной демократией» [8, р. 4–6]. Но в нашей статье речь пойдет не о различиях в интерпретациях (об этом см., напр.: [9; 10]), а о том, что, согласно классическому варианту концепции, может служить, и уже иногда и служило «мягкой силой» в истории взаимоотношений России с внешним миром, какие черты ее образа характеризуются своей естественной (а не деланной, навязываемой посредством СМИ) привлекательностью. Для того чтобы ответить на этот вопрос, нужно будет и несколько шире взглянуть на проблему — понять, как, в принципе, формируется привлекательный образ страны, и почему у одних стран в нем привлекательности больше, а у других — меньше.

Лучше всего естественная привлекательность образа страны просматривается на примере США — не даром сама концепция «мягкой силы» появилась именно на американской почве. По мнению одного отечественного исследователя, «одним из идеологов формирования такого образа в XIX в. стал А. де Токвиль, который в своем труде «О демократии в Америке» подробным образом описал все преимущества республиканского демократического устройства в США по сравнению с другими странами, в результате чего «американская мечта» стала для

многих жителей старого континента одним из главных мотивов переселения в Новый свет [4, с. 67]. На наш взгляд, Алексис де Токвиль не был, конечно, идеологом, а просто констатировал увиденный им воочию факт преимущества американского государственного устройства и образа жизни, в сравнении с другими странами (на тот момент времени).

Еще один явственный пример естественной привлекательности — это образ Франции. Привлекательность французской культуры с давних пор является одним из важных рычагов продвижения французских интересов в мире, по меньшей мере еще с XVI века (см.: [11, с. 118—119]). В конце XIX—XX вв., когда были созданы сперва Французские альянсы, а затем Международная организация франкофонии, французское культурное влияние было институционализировано и поставлено на фундаментальный уровень [12, с. 171—172]. К сожалению, в последние годы Международная организация Франкофонии все больше выходит из русла культурно-гуманитарной деятельности и политизируется [13, с. 96]. Но все-таки и французские и американские культурные ценности (хотя и каждые по-особому) обладают некоей изначальной заведомой притягательностью. «Американская мечта» и французская рафинированная культура, плюс свойственные тем и другим ценности свободы, демократии, прав человека и, наконец, сравнительно высокий уровень жизни в этих странах, — вот очевидные «столпы» их привлекательности. Хотя и в развитие ее, точнее, в распространение знаний об этих ценностях, действительно им свойственных, требуется вкладывать немалые средства, чтобы добиться таких максимальных результатов, о которых свидетельствуют, например, социологические опросы. Они показывают, что, скажем, почти 80% респондентов из 43 стран мира восхищаются достижениями США в области науки и технологий, а около 60% — любят американскую музыку [6, р. 64]. В общем-то, любая культура обладает своим неповторимым шармом, и никакая культура не может расцениваться как более развитая или менее развитая. Однако есть все же единственный приемлемый в современной культурологии критерий оценки уровня развитости культуры (и, следовательно, ее вероятного конкурентного преимущества). Это *ее отношение к свободе и достоинству человека и возможности человека как личности* [14, с. 16]. Понятно, что страны и культуры, где уровень свободы меньше, обречены проигрывать в этом соревновании.

Обречена на это и Россия, если не изменить приоритеты ее культурной политики (и в известной степени политики в целом). Между тем, у России существует большой потенциал естественной привлека-

тельности, по крайней мере не меньший, чем у США или Франции или других развитых западных стран. Как справедливо заметил однажды на Валдайском форуме (правда, это было еще до Крымских событий) автор концепции национального бренда британский профессор Саймон Анхольт, «России не надо искать способы заставить людей во всем мире испытывать в отношении нее трепет, восхищение или ревность, ей нужно найти способ сделать так, чтобы люди радовались тому, что Россия существует» [15]. И это сделать, на самом деле, совсем не сложно. Для этого, на наш взгляд, от Российского государства вовсе не требуется целенаправленно и усердно формировать с помощью СМИ имидж великой державы, наследницы СССР, альтернативы Западу, средоточия традиционных ценностей и т.п. Все это способно привлечь к России только достаточно узкие консервативные и ультра-националистические круги в зарубежных странах.

Гораздо более широкие общественные слои за рубежом Россия всегда больше привлекала и будет привлекать своей богатой и разнообразной *культурой*. К сожалению, то, чем больше всего привлекает Россия, зачастую недооценивалось и, более того, подвергалось запретам и гонениям в Российском и Советском государствах. Великие деятели культуры, благодаря которым Россию с лучшей стороны знает и любит весь мир, начиная еще с декабристов, Герцена, Достоевского, Бунина и заканчивая Пастернаком, Высоцким... (впрочем, не заканчивая никем — этот список бесконечен), в своей родной стране не только не поощрялись, но и преследовались, подвергались гонениям. Между тем, очевидно, что это и есть главный предмет гордости и привлекательности России для мира (а вовсе не ее военная мощь или доморощенные «духовные скрепы»). Не случайно во время церемонии открытия Олимпиады-2014 в Сочи граду и миру демонстрировались главным образом ее те самые высокие культурные достижения, в виде Толстого, Дягилева, Кандинского, Малевича, Набокова, многие из которых в свое время были подвержены запретам и преследованиям со стороны государства. То есть, еще раз подчеркнем, главная сила российской привлекательности — в том, что исходит от общества, от вечного гонимых со стороны российских/советских властей деятелей и идей. И они-то как раз и создают нашей стране особую привлекательность, за счет которой она могла бы добиться гораздо больших успехов в мире, проникая в души и сердца миллионов людей на планете Земля. И уже на следующие по значимости места для развития имиджа нашей страны можно поставить такие ее сильные (особенно в прошлом) стороны, как спорт и космос, добавим к этому еще туризм. В

свою очередь, все эти факторы так или иначе связаны с главным — развитием культуры и образования.

Таким образом, России не нужно, на наш взгляд, прилагать слишком большие старания, чтобы понравиться миру и использовать ресурс так называемой «мягкой силы». Русская культура представляет непреходящую мировую ценность и давно заняла свое весомое место в сокровищнице мировой цивилизации. Главное, что требуется от государства — это, во-первых, стараться не повторять ошибок прошлого (в устройстве помех развитию отечественной культуры и науки), но, наоборот, по возможности, помогать им развиваться путем значительных материальных вложений (которых не жалеют другие страны, более успешные в развитии своей «мягкой силы» — те же США и Франция, например). Во-вторых, необходимо популяризировать и продвигать в мире все эти великолепные достижения русской культуры — не только во время Олимпиады-2014, а постоянно и повсеместно, также не жалея средств на эту популяризацию, которая окупится с лихвой, как это происходит в случае с Америкой и Францией. В-третьих, необходимо расширять свободу слова, прессы в том числе (по уровню которой Россия, к сожалению, уже давно традиционно занимает одно из последних мест в международных рейтингах, что негативно сказывается на имидже страны — ср.: [2, с. 21]) и, конечно, свободу творчества в целом, чтобы человеку легко дышалось и творилось на нашей земле. Это привлечет к России больше людей, чем любая самая успешная информационная война. Наконец, нужно, по-видимому, пересмотреть концепцию формирования имиджа России через СМИ в сторону увеличения там доли культурного компонента — побольше «Большого театра» и поменьше демонстраций бронетехники. Вообще, стоит заметить, что когда мы пытаемся искусственно, насильственно формировать определенный, как представляется идеологам, «правильный» имидж страны, это зачастую получается неудачно, а порой еще и топорно и неуклюже. Так, еще в далекие времена Николая I, когда он пытался улучшить пошатнувшуюся при нем репутацию России в мире, вызывая пропагандистов (вроде де Кюстина) или заказывая потом публикации работ по восхвалению России (в ответ на неудачный опыт с Кюстином) — всякий раз ничего из этого не выходило или выходило только хуже. Конечно, в нынешние времена развития пиар-технологий можно добиться все-таки значительного положительного эффекта и путем жесткого и целенаправленного продвижения заданного имиджа, но все же, на наш взгляд, гораздо менее затратен и при этом более эффективен «мягкий» путь — развитие и продвижение уникальной российской культуры. Ставка на культуру, как это делают и многие западные страны, — вот секрет привлекательности образа России в мире.

Литература

1. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 2 (35).
2. Коптеева А.А. Международный имидж государства как инструмент мягкой силы // Арктика и Север. 2016. № 23.
3. Алиев З.Т. Формирование нового имиджа России «мягкой силой» // Вестник РУДН. Серия Политология. 2010. № 4.
4. Вилков А.А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2014. Т. 14. Вып. 2.
5. Най Дж. Гибкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.
6. Nye J.S. Soft Power. The Means to Success in World Politics. N.Y., 2004.
7. Nye J.S., The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone. N.Y.; Oxf., 2002.
8. Bogdanova S. Soft Power a la russe: Making Sense of Russia's Soft Power Approach. Master's Thesis. Turku; Glasgow, 2016.
9. Бобыло А.М. Национальные стратегии «мягкой силы» во внешней политике США, КНР и РФ: основные направления и особенности регионального развития // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 3.
10. Астахов Е.М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «мягкой силы» // Вестник МГИМО Университета. 2014. № 1 (34).
11. Косенко С.И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 1.
12. Нагорнов В.А. «Мягкая сила» по-французски // Вестник международных организаций. 2014. Т. 9. № 2.
13. Бокерия С.А., Соколова Н.В. «Мягкая сила» как инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте культурно-лингвистической политики Франции // Вестник РУДН. Серия Международные отношения. 2014. № 2.
14. Культурология / сост. и отв. ред. А.А. Радугин. М., 2001.
15. Международный имидж России. Почему он важен. Юбилейное заседание клуба «Валдай» // РИА Новости. 15.09.2013. URL: https://ria.ru/valdaiclub_anniversary_comment/20130915/963257442.html

С.И. Кузина, Т.Ю. Асрян
СМИ как инструмент «мягкой силы»
в процессах формирования политического имиджа
российского государства

Создание и поддержание положительного политического имиджа России на международной арене и внутри государства является если не новой, то еще недостаточно решенной для страны задачей. Для преодоления проблемы и проведения эффективной имиджевой политики требуется рассмотрение опыта и зарубежных стран, и имеющихся собственных наработок, а также наличия возможностей и ресурсов.

В современной Концепции внешней политики Российской Федерации заявлено, что «неотъемлемой составляющей современной международной политики становится использование для решения внешнеполитических задач инструментов "мягкой силы", прежде всего возможностей гражданского общества, информационно-коммуникационных, гуманитарных и других методов и технологий, в дополнение к традиционным дипломатическим методам» [1].

Политический имидж — это специально, целенаправленно конструируемый образ объекта (группы, государства, организации, личности и т.д.) с заданными определенными социально-политическими ценностями, апеллирующий к эмоциональной сфере реципиента. Имидж является мощным инструментом в политической борьбе. Им можно манипулировать, действуя на подсознание граждан. Формирование имиджа российского государства зависит не только от освещения и представления тех или иных событий в отечественных СМИ, но и от их толкования в зарубежных медиа, — чему причина глобализация всех сфер жизнедеятельности человечества.

Современный внешний образ России достаточно многогранен и противоречив, он формируется в сознании зарубежной аудитории как на основе личных впечатлений и представлений людей о России и россиянах, так и под влиянием зарубежных средств массовой информации.

Отечественные ученые, ссылаясь на зарубежные исследования [2] об отношении граждан других государств к России, проведенные в 2007 году, сделали вывод, что позитивный образ российского государства был присущ для стран СНГ, Латинской Америки и Ближнего Востока (при этом в последних популярность России выше, чем популярность США). Негативный образ России распространен в общественном мнении европейских стран, особенно стран Восточной Европы, правда, размах вариации в них достаточно был высок: если для Болгарии образ нашей стран выраженно позитивен, то для Польши также негативен. Анализ отзывов в западной прессе показал, что преоблада-

ют не слишком позитивные оценки и России как государства, и российской властной элиты. Американская пресса представляет Россию как ядерную и энергетическую державу, а в материалах, к примеру, о Великобритании ею освещается жизнь людей, достижения культуры, подчеркивается уровень развития английского общества и т.д. [3].

В том же году Фондом Бертелсмана был проведен опрос жителей девяти стран об отношении их жителей к России, который показал, что 39% опрошенных по-прежнему считают Россию мировой державой, следующей по статусу за США и Китаем. А 70% немцев и 65% британцев относят Россию к сверхдержаве [3].

В 2015 году американский исследовательский центр Pew Research Center опубликовал доклад об имидже России с результатами опроса граждан 40 стран под названием «Russia, Putin Held in Low Regard around the World. Russia's Image Trails U.S. across All Regions». Приведенные данные показывают, что у граждан большинства стран сложился скорее неблагоприятный имидж России, чем благоприятный, а благоприятный образ нашей страны имеют в своем мнении большинство граждан Южной Кореи, Китая, Индии, Вьетнама и др. [4]. Необходимо отметить, что сравнивать предыдущие опросы и последний не совсем релевантно, так как опрошен разный круг стран. Так, в опросах Pew Research Center не участвовало большинство стран Восточной Европы.

Результаты исследований подчеркивают важность информирования граждан других государств о культуре, характере, достижениях, привлекательных чертах российского государства и его многонационального народа, формирования современными методами положительного имиджа России.

Несмотря на повсеместно провозглашаемые свободу слова и наличие демократии в западном мире, зарубежные СМИ порой наглядно демонстрируют свою ангажированность и враждебную направленность по отношению к России и российскому руководству. Так, в мае 2015 года два зарубежных издания, американское и британское, прислали Президенту РФ В.В. Путину вопросы, тон которых немало удивил главу государства. ««Такое изобилие клеветы, которое пытаются подогнать и состряпать, оно немного поражает», – прокомментировал запрос глава пресс-службы Президента Д. Песков. <...> Песков в качестве примера привел несколько вопросов, заданных, по его словам, «в стиле прокурорского допроса»: «Вкладывался ли господин Путин в Gunvor Group?», «Помогал ли Тимченко Путину финансово в 1998 году, когда Путин перебрался в Москву?» «Предоставлял ли Тимченко свой самолет для перелета Анатолия Собчака из Санкт-Петербурга в

Париж в 1996 году?»» и др. Несмотря на недопустимый по отношению к главе государства тон, Путин подробно рассказал о деталях перелета А. Собчака, на остальные вопросы коротко ответил «нет» [5].

СМИ могут и должны формировать такой политический имидж России, который бы побуждал россиян гордиться своей страной, лучше узнавать ее и вызывал бы положительный отклик в мировом общественном мнении о нашей стране. Для выполнения этой задачи было бы полезно обратиться к накопленному опыту — как отечественному, так и зарубежному. В нашей стране имеются наработки организации механизма пропаганды и агитации в Российской империи и Советском Союзе по формированию позитивного образа страны. Конечно, возникает вопрос, насколько имеющийся опыт может быть использован, и может ли он быть продуктивен в современной действительности.

Изначальные условия формирования политики создания имиджа российского государства содержат в себе определение базы, на которой будут строиться стратегии информационного воздействия: может ли Россия позиционировать себя как великую державу, или ей придерживаться политики средней или малой державы? Безусловно, имидж великой страны, уже сложившийся за прошлые столетия, задает ей вектор поддержания этой репутации, но возникает вопрос: а обладает ли Россия достаточными экономическими возможностями для информационного воздействия на национальную и мировую аудиторию? Способна ли она выстраивать долгосрочную имиджевую политику или в ближайшей перспективе вынуждена проводить краткосрочные информационные кампании как реакцию на возникающие ситуации в режиме «вызов — ответ»? Должна ли быть имджевая политика управляемой из одного центра или ее могут проводить многочисленные участники, относительно автономные друг от друга?

Не подлежит сомнению положительный ответ на вопрос, необходимо ли партнерство гражданского общества и государства в реализации задачи формирования и поддержания положительного образа России; выработке модели интерпретации политической действительности, событий и процессов в России и мире с точки зрения защиты наших национальных интересов; применения, неприменения и интерпретации отечественного и зарубежного опыта имиджевых стратегий, накопления опыта парирования и нейтрализации негативных аспектов образа России в зарубежных медиасредствах.

В России свои, специфические, условия функционирования политической сферы, — как, собственно, в любом государстве. Поэтому заимствование и применение другого опыта в российских условиях мо-

жет иметь свои особенности, которые можно обозначить следующим образом.

Для применения советского опыта имеются определенные системные ограничения: изменился общественно-политический строй, в информационном поле появились независимые от государства СМИ, чью редакционную политику определяют их собственники. Но одновременно есть и государственные масс-медиа, которые играют доминирующую роль в формировании позитивного образа страны. Невозможно отрицать сохранившееся влияние (большее или меньшее) государства на информацию, размещаемую в тех и других средствах массовой информации.

Еще одним отличием советского опыта от российского является современная тактика игнорирования антироссийских кампаний в зарубежных СМИ, частичное признание или аргументированные ответы на критическую информацию.

Своеобразным условием формирования позитивного образа страны стал государственный вектор нациестроительства, сочетающий в себе как принципы почвенничества, так и либерализма, как этатизма, так и демократии.

И если в первом десятилетии XXI века цели внутренней политики обладали определенным приоритетом перед внешними ориентирами, — ставились задачи модернизации всех сфер государства, достижения его стабильного развития, укрепления внутренних политических связей, нейтрализации конфликтов на постсоветском пространстве, а внешнеполитические задачи во главу угла ставили продолжение интеграции в мировое сообщество, то во втором десятилетии характер государственной политики существенно изменился.

На первый план вышли геополитические стратегии, поэтому информационное сопровождение формирования политического имиджа России значительно усложнилось. Выход во внешний мир после событий на Украине, присоединения Крыма, экономических санкций требует освоения тех механизмов информационной политики, к которым привыкли зарубежные аудитории, требует внимательного применения принципов «мягкой силы», так широко себя зарекомендовавшей в трансформационных процессах других государств. «Мягкой силы» как способа повышения привлекательности государства, его культуры, менталитета его народов, обычаев, традиционных искусств и др. «Мягкой силы» как работы над политическим имиджем России, важной составляющей которого в глазах мирового и национального сообщества является путь его информирования на основе архетипических образов российской истории как страны-объединительницы, преемни-

цы прежних форм государственности, страны-освободительницы, которая пытается создать условия для занятия своего достойного места в мировом сообществе, условия для достойной жизни своих граждан.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640. Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1>

2. World Publics Welcome Global Trade — But Not Immigration. 47-Nation Pew Global Attitudes Survey // The Pew Global Project Attitudes. Oct. 4, 2007. URL: <http://www.pewglobal.org/files/pdf/258.pdf>

3. Кобзева С.В., Халтурина Д.А., Коротаев А.В., Качков Д.М. Имидж России в мире: количественный и качественный анализ // Полис. 2009. № 5.

4. Stokes B. Russia, Putin Held in Low Regard around the World. Russia's Image Trails U.S. across All Regions // Pew Research Center. Aug. 2015. URL: <http://www.pewglobal.org/2015/08/05/russia-putin-held-in-low-regard-around-the-world>

5. Созаев-Гурьев Е. Песков удивлен «прокурорским стилем» запросов иностранных СМИ // Известия. 25 мая 2015 г. URL: <https://iz.ru/news/586855>

Е.Ю. Лицарева

«Мягкая сила» стран Юго-Восточной Азии

В последние два десятилетия в регионе Восточной Азии, как на национальном, так и на региональном уровнях, преобладало стремление к поддержанию стабильности для создания благоприятного инвестиционного климата и осуществления необходимых экономических реформ, обеспечивающих государствам рост и устойчивое развитие. При этом свобода и благосостояние государств региона непосредственным образом зависели от «постмодернистской» политики, предусматривающей переговоры, компромиссы и сотрудничество в рамках «экономической дипломатии». Большинство стран Восточной Азии, отдавая должное традиционным отношениям и сохраняя определенную традиционность, превращались в современные «постмодернистские» государства, которые, в отличие от государств, оперирующих категориями силы, вкладывали значительный экономический потенциал в укрепление собственного благосостояния и развитие региональных интеграционных образований [1, с. 106]. При этом, большинство таких региональных образований как Ассоциация стран Юго-

Восточной Азии (АСЕАН) или Форум Азиатско-тихоокеанского сотрудничества (АТЭС) базировали свою деятельность, исходя из «постмодернистских» принципов и используя доклады, совместные декларации и заявления. Конфликтные ситуации разрешались путем диалога, противоречия интересов преодолевались путем поиска компромиссов.

Одним из ключевых компонентов «мягкой силы» во внешней политике стран АСЕАН стал выработанный ими «метод АСЕАН», для которого основополагающими являлись принципы «невмешательства во внутренние дела друг друга» и «консенсус». Культура политического диалога стран Ассоциации предполагала достижение консенсуса сторон исключительно путем кропотливого и долгого переговорного процесса. Лидеры Ассоциации, с момента создания организации в 1967 г. неоднократно подчеркивая специфику своей организации, отмечали, что в силу исторических, культурных и политических причин АСЕАН склонна к далеко идущей в прошлое тенденции неформального взаимопонимания и добровольным соглашениям [2].

Что касается принципа «невмешательства», то следует учитывать особый путь развития государств ЮВА после Второй мировой войны. Большинство государств (за исключением Таиланда) длительное время находились в колониальной зависимости от «великих держав» и сравнительно недавно, по меркам истории, приобрели и отстаивали свою независимость. В этом контексте многие международные инициативы и принимаемые решения, не всегда в равной степени устраивающие страны ЮВА, нередко становились предметом острой дискуссии и расценивались как нарушающие их национальный суверенитет и наносящие ущерб существующему несколько десятков лет доминирующему политическому принципу «невмешательства» [3, с. 167].

«Метод АСЕАН» вполне оправдал себя при функционировании с 1994 г. Регионального форума (АРФ) по проблемам безопасности, созданного странами ЮВА для укрепления мира, стабильности и процветания во всем регионе Восточной Азии, что способствовало реализации усилий АСЕАН по построению «многостороннего мира», предусматривающего равноправие государств при коллективном участии в решении важнейших проблем без каких-либо «полюсов силы». В связи с тем, что стратегия безопасности в АТР долгое время была связана именно со стратегией безопасности АСЕАН, в работе первого заседания Форума по проблемам региональной безопасности 25 июля 1994 г. в Бангкоке приняли участие министры иностранных дел стран АСЕАН, партнеров Ассоциации по диалогу (США, Япония, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Южная Корея и ЕС) и по консультациям

(Россия, Китай, Вьетнам, Лаос). Всего 18 государств [4, с. 466–467]. В ходе заседания проявился очень важный и характерный для государств ЮВА аспект их деятельности — способность «привлечь все крупные, средние и меньшие державы за пределами Юго-восточной Азии к платформе АСЕАН для регионального сотрудничества и укрепления доверия в Восточной Азии и в Азиатско-тихоокеанском регионе» [5]. В силу этого в течение долгого времени США не скрывали своего негативного отношения к АРФ и не стремились поддерживать восточноазиатскую многосторонность, так как Форум был инициирован АСЕАН и действовал по программе и в соответствии с принципами этой организации, препятствуя лидерству Соединенных Штатов в вопросах безопасности в регионе.

Тем не менее именно необходимость ограничить вмешательство в дела региона «великих держав» и обеспечить себе лидирующие позиции привела к избранию лидерами АСЕАН стратегии привлечения этих держав в многосторонние региональные механизмы, что позволяло поддерживать их заинтересованность в стабильном развитии региона и связывало определенными нормами поведения, выработанными в рамках Ассоциации. Эти нормы были зафиксированы в Декларации о зоне мира, свободы и нейтралитета в ЮВА (1971), Договоре о дружбе и сотрудничестве (1976) и в Договоре о создании безъядерной зоны в ЮВА (1995). При этом руководящими принципами в рамках данной стратегии стали недопущение доминирования какой-либо одной страны и выработка правил поведения самими государствами АСЕАН, а также исключение навязывания каких-либо правил извне. При помощи «пассивного сопротивления», используя многократные, но деликатные по форме отказы от строительства регионального экономического и политического сотрудничества на условиях крупных региональных и внерегиональных игроков, страны-участницы не только избежали конфликтных ситуаций с ведущими мировыми державами, но и заставили их учитывать интересы и мнение Ассоциации при решении различных региональных вопросов [6, с. 354–360].

Аналогичный подход к решению проблем прослеживался и при выработке отношения Ассоциации к режиму нераспространения ядерного оружия и других видов оружия массового уничтожения, а также в ходе периодически обостряющейся ситуации в акватории Южно-Китайского моря, где длительное время шел спор вокруг принадлежности архипелага Спратли и еще ряда островов. После того как в июне 1995 г. в АСЕАН был принят Вьетнам (страна, вторая в Юго-Восточной Азии по численности населения после Индонезии), и Ассоциация через Вьетнам «вышла» к южным границам континентального

Китая, значительно изменился баланс сил в регионе. С этого момента четыре государства — члены АСЕАН (Бруней, Вьетнам, Малайзия и Филиппины), а также Тайвань стали противостоять в территориальном споре КНР, объявившей суверенитет Китая над всей акваторией Южно-Китайского моря. Во многом благодаря усилиям стран АСЕАН по вовлечению Китая в двусторонние и многосторонние связи позиция КНР в данном вопросе становилась более умеренной.

Наряду с этим в большой степени усилия стран ЮВА были связаны с нейтрализацией угроз «мягкой» безопасности: экологическими проблемами, гуманитарным развитием, а также обеспечением устойчивой стабильности для осуществления экономического взаимодействия, что хорошо прослеживается при анализе ежегодных встреч на высшем уровне и уровне министров стран Ассоциации, особенно после кризиса 1997–1998 гг., и саммитов созданного в 2005 г. по инициативе стран АСЕАН Восточноазиатского сообщества (ВАС) для укрепления мира, стабильности и экономического процветания в АТР [7, р. 2]. В Учредительной декларации, подписанной шестнадцатью странами, отмечалось, что Саммит ВАС является форумом для ведения диалога по широкому спектру стратегических, политических и экономических вопросов, решение которых отвечает всеобщим интересам, в том числе обеспечению сотрудничества в решении вопросов политики и безопасности. Наряду с этим ставились важные для региона задачи — искоренение бедности и сокращение разрыва в развитии между странами через создание новых мощностей и инфраструктурных проектов, передачу технологий, расширение инвестиций и либерализацию торговли [8]. Хотя США, наряду с Россией, официально стали полноправными участниками Восточноазиатского сообщества с 1 февраля 2011 г., в рамках Саммитов ВАС существуют свои правила, мало устраивающие США. Так как формат Саммитов ВАС фактически вырос из формата АСЕАН плюс три (АСЕАН, Япония, Китай, Республика Корея), при определении членства ВАС, страны АСЕАН твердо проводят принцип избирательного допуска к интеграционным процессам неазиатских стран и подчеркивают, что «основой строительства сообщества будут только участники формата» АСЕАН плюс три [9, с. 119]. Поэтому России и США, после того, как они официально стали полноправными участниками Восточноазиатского сообщества, пришлось считаться с таким подходом.

Таким образом, в силу исторически сложившихся политических, культурных и экономических причин немаловажное значение в регионе ЮВА приобретают такие компоненты «мягкой силы» внешней политики, как принципы «невмешательства во внутренние дела друг

друга» и «пассивного сопротивления» какому-либо внешнему влиянию со стороны крупных региональных и внерегиональных игроков, если такое влияние не учитывает интересы и мнение государств ЮВА при решении различных национальных и региональных вопросов. В силу этого «мягкая сила» рассматривается и используется странами Азиатско-тихоокеанского региона в большей степени в качестве «мягкого влияния» для достижения своих целей и отстаивания собственных позиций.

Литература

1. Лицарева Е.Ю. Система безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже веков и в первое десятилетие XXI в. Позиция России // Национальные приоритеты России. Омский научный вестник. 2014. № 2 (12). С. 106–112.
2. Will ASEAN Be Like the EU? Remarks by R. C. Severino, Secretary-General of the Association of Southeast Asian Nations at the European Policy Center. Bruss., 2001, March 23. URL: <http://unpan1.un.org/intradoc/groups/public/documents/apcity/unpan010349.pdf>
3. Лицарева Е.Ю. Экономическая интеграция на Европейском континенте и в Азиатско-тихоокеанском регионе во второй половине XX в. Томск, 2004.
4. Восток/Запад. Региональные подсистемы и региональные проблемы международных отношений / под ред. А.Д. Воскресенского. М., 2002.
5. Jawhar bin Hassan M. Trust-Building in Southeast Asia: What Made it Possible? // Global Asia. A Journal of the East Asia Foundation. 2013. Vol. 8. № 3. Falls. URL: <http://www.globalasia.org/Issue/ArticleDetail/454/Trust-Building-in-Southeast-Asia:-What-Made-it-Possible?-.html>
6. АСЕАН в начале XXI века. Актуальные проблемы и перспективы / Л.Е. Васильев [и др.]. М., 2010.
7. The Nation. Business. Local. 2006. February, 6 (Monday).
8. Kuala Lumpur Declaration on the East Asia Summit. Kuala Lumpur, 14 December 2005. URL: <http://www.mofa.go.jp/region/asia-paci/eas/joint0512.html>
9. Байков А.А. Сравнительная интеграция. Практика и модели интеграции в зарубежной Европе и Тихоокеанской Азии. Научно-образовательный форум по международным отношениям. М., 2012.

Т.С. Мизимбаев
Конституционно-правовые основы
национальной политики Казахстана

Законодательные акты и программные документы являются основополагающей базой формирования национальной политики любого государства. В странах с полиэтничным составом населения, к которым относится Казахстан, реализация данного процесса происходит более сложно, так как следует учитывать ряд факторов: сохранение и укрепление межнациональных отношений и межконфессионального согласия, многоязычие и другое.

Конституция Республики Казахстан является главным законом, обладающим высшей юридической силой. Первая Конституция независимого Казахстана была принята 28 января 1993 г., в ней были заложены основные принципы государственности. На данный момент действует Конституция 1995 года.

В сравнении с первой редакцией конституции во второй наиболее полно регламентированы вопросы национального строительства. Так по ее нормам каждый гражданин имеет право указывать или не указывать свою национальную и религиозную принадлежность, право на использование родного языка и культуры, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества [1].

1 марта 1995 г. был создан институт Ассамблеи народов Казахстана, который стал проводником государственной политики в сфере полиэтнических отношений. Миссия Ассамблеи состоит в том, чтобы сформировать казахстанскую идентичность путем консолидации этносов Казахстана на основе гражданского, духовного и культурного сообщества, главную роль в которой будет играть государственный язык и культура казахского народа. Указом Президента от 2007 года институт был переименован в Ассамблею народа Казахстана, что свидетельствует о том, что руководство страны непосредственно перешло к формированию общегосударственной идентичности [2, с. 182].

Если на этапе становления государства главной задачей была консолидация общества на основе межэтнической толерантности и общественного согласия, то на новом этапе развития страны стратегическим приоритетом становится достижение национального единства, основанного на признании общей для всех граждан системы ценностей и принципов [3].

В каждом послании президента к народу Республики Казахстан особое внимание уделяется вопросу дальнейшего развития национальной политики. В 2012 г. была провозглашена программа развития «Стратегия «Казахстан-2050: Новый политический курс состоявшегося

государства». Ее главная цель — создание общества благоденствия на основе сильного государства, развитой экономики и возможностей всеобщего труда, вхождение Казахстана в тридцатку самых развитых стран мира. Один из пунктов программы направлен на формирование нового казахстанского патриотизма, суть которого заключается в равноправии всех граждан страны вне зависимости от этнической принадлежности. «Не будет и не должно быть никаких преференций никаким этносам, права и обязанности у всех одинаковы». Отдельная роль отводится казахскому языку и триединству языков. Правильная языковая политика — это один из главных факторов, объединяющих казахстанцев. В программном документе указано, что «Казахский язык — это наш (казахов) духовный стержень и наша задача развивать его, активно используя во всех сферах» [4].

Таким образом, относительно положения казахского языка в стратегии «Казахстан-2050» прогнозируется, что к 2025 году он обретет главенствующее положение во всех сферах жизни и станет языком повседневного общения. Обосновывается данный прогноз тем, что к 2025 году в стране будет как минимум два поколения, поголовно владеющих казахским языком. Так как уже сейчас в целом по стране больше 60% школьников и студентов обучаются на государственном языке. Вторая составляющая языкового планирования — это трехязычное образование. Президент отмечает, что «...владение русским языком — это историческое преимущество нашей нации... Нельзя игнорировать тот факт, что именно посредством русского языка уже на протяжении не одного столетия казахстанцы обретают дополнительные знания, расширяют свой кругозор и круг общения как внутри страны, так и за ее пределами». Следует отметить, что несмотря на попытки ярых националистов вытеснить русский язык из социокультурного пространства Казахстана, Президент и правительство всегда отмечают высокую роль русского языка, называя его укорененность в Казахстане великим достоянием казахстанского народа. Третьим языком определен английский, изучение которого является веянием нового времени, века технологий и интернета, в программном документе указано, что «...владение английским языком откроет для каждого гражданина нашей страны новые безграничные возможности в жизни» [4].

Для выполнения поставленных задач Президент Казахстана Нурсултан Назарбаев обозначил 100 конкретных шагов по реализации пяти институциональных реформ. Особый интерес вызывает реформа «Нация единого будущего». Для ее исполнения был принят ряд программных действий (шагов). Это, в первую очередь, разработка и реализация патриотического акта «Мәңгілік ел» (Нация единого будущего-

го, 85 шаг), проекта Ассамблеи Народа Казахстана «Большая страна-большая семья» (86 шаг), проекта «Менің елім» (Моя страна, 87 шаг), а также информирование населения о всех программных документах через широкое освещение в СМИ.

Патриотический акт «Мәңгілік ел» был принят на XXIV сессии Ассамблеи народа Казахстана. В нем перечислены семь основ укрепления независимости, это, прежде всего, общенациональный мир, согласие и общность истории, культуры и языка, которые наиболее полно отражены в следующем проекте Ассамблеи Народа Казахстана «Большая страна — большая семья». Основная цель проекта: укрепление казахстанской идентичности и создание условий для формирования целостной гражданской общности. Достижение поставленной цели планируется реализовывать через проведение общереспубликанских форумов, съездов, фестивалей национальных культур, и повышение квалификации работников Ассамблеи. Практически во всех программных документах, связанных с национальной политикой, ставятся аналогичные цели, и во многом происходит принятие новых программных документов взамен устаревших, однако не существует эффективного механизма оценивания результатов работы.

В рамках Программы проекта «Менің елім» (моя страна) предусмотрено создание интернет-проекта «Энциклопедия Казахстана», с целью развития как внешнего, так и внутреннего туризма. Каждый из 100 шагов развития взаимосвязаны между собой. Ценности, декларируемые в акте «Мәңгілік ел», будут внедрены в действующие программы школьного обучения. То есть акт «Мәңгілік ел» — это попытка создания собственной идеологической базы нового казахстанского патриотизма.

Для решения задач, поставленных в Стратегии «Казахстан — 2050», а также программы «100 конкретных шагов: современное государство для всех», была разработана «Концепция укрепления и развития казахстанской идентичности и единства», рассчитанная до 2025 года. Концепция представляет собой обобщение всех положений, декларируемых в программных документах в 2000-2010-х годах. Особенностью Концепции является поставленная в ней задача: создание механизма мониторинга, отчетности и контроля над деятельностью центральных государственных и местных исполнительных органов по реализации мероприятий Концепции [5]. То есть предпринята попытка усовершенствования системы реализации программ. Осуществление концепции проходит в два этапа. Первый этап, 2015–2020 гг., в первую очередь направлен на усовершенствование и модернизацию законодательства и внедрение новых форм государственной поддержки непра-

вительственных организаций. Второй этап, 2020–2025 гг., будет ориентирован на завершение перехода на трехязычное образование, расширение участия неправительственных организаций в местном самоуправлении, утверждение ценностей «Мәңгілік ел».

Развитие демократических институтов, в числе которых и неправительственные организации, необходимое условие развития современного общества. Но в то же время ограниченность участия представителей местных властей в разработке новых программ и положений может негативно сказаться на достижении поставленных задач. Например, в разработке вышеуказанной концепции участвовали Министерство образования и науки Республики Казахстан, Ассамблея народа Казахстана, Национальная Академия наук Республики Казахстан, Комиссия по правам человека при Президенте Республики Казахстан и другие, без представительных органов.

Послание Президента народу Казахстана в 2017 году впервые не затронуло вопросы национальной политики. Это свидетельствует о том, что, по мнению официальных властей, развитие национальной политики проходит успешно, благодаря ранее принятым программным документам.

Таким образом, за прошедшие десятилетия Казахстану удалось сформировать законодательную базу в отношении национальной политики, что позволило достичь определенных успехов в укреплении межэтнического согласия в стране. Следует отметить, что при разработке следующего поколения законов необходимо более подробно учитывать этнодемографический состав населения и социолингвистическую ситуацию в стране, а при создании программ и концепций обязательно участие представителей исполнительных органов, что повысит эффективность их реализации.

Литература

1. Республика Казахстан. Конституция (1995). Конституция Республики Казахстан [Текст]. Алматы, 1996.
2. Цыряпкина Ю.Н. Казахская модель межэтнической толерантности: проблемы и перспективы // Дневник АШПИ. 2015. № 31. С. 181–186.
3. Доктрина национального единства. URL: http://www.inform.kz/ru/doktrina-nacional-nogo-edinstva-kazahstana_a2263364
4. Послание Президента Республики Казахстан — Лидера Нации Н.А. Назарбаева Народу Казахстана «Стратегия «Казахстан-2050»: Но-

вый политический курс состоявшегося государства». URL: <http://online.zakon.kz/Document/?doc>

5. Концепции укрепления и развития казахстанской идентичности и единства. URL: <http://assembly.kz/ru/mngilik-el>

С.Ф. Назаршоева
Политика Республики Таджикистан
по формированию международного имиджа страны
и особенности его восприятия в России

В условиях стремительно развивающейся глобализации, диверсификации спектра глобальных проблем, а также новых вызовов и угроз современные государства уже не в состоянии обеспечить свои собственные интересы и свою жизнеспособность в отрыве от мирового сообщества. В связи с этим растет интенсивность международных требований, а к их качеству предъявляются повышенные требования. Эти изменения превратили имидж в эффективный и необходимый инструмент государственной политики. Имидж государства все больше определяет его вес на международной арене, возможности защиты собственных интересов и потенциал [1, с. 7].

В 1991 году, после обретения независимости, Таджикистан вступил в качественно новый этап своей истории, получил реальную возможность развивать и укреплять свою государственность. Обретение государственной независимости открыло Таджикистану возможность самостоятельно проводить свою внешнюю политику, определять направления и приоритеты межгосударственных отношений.

В относительно короткий мирный период внутривнутриполитической ситуации конца 1991 и начала 1992 года пошел процесс официального признания независимости Республики Таджикистан странами всего мира, и начался период установления дипломатических отношений. Республика Таджикистан была признана более чем 40 государствами. 2 марта 1992 года на 46-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН Таджикистан единогласным решением был принят в Организацию Объединенных Наций в качестве полноправного члена [2, с. 9].

Многие государства не верили в прочность мира, который был достигнут в июне 1997 года между правительством и Объединенной таджикской оппозицией (ОТО). Необходимо было создать позитивно-привлекательный образ Таджикистана в глазах мирового сообщества.

30 апреля 2008 года президент Республики Таджикистан Эмомали Рахмон своим указом утвердил Концепцию государственной информационной политики Республики. В утвержденной Концепции были

определены приоритетные направления государственной информационной политики и защита национальных интересов Республики Таджикистан в информационной сфере на современном этапе. Государственная информационная политика Республики Таджикистан, являющаяся неотъемлемой частью внутренней и внешней политики государства, установила сферы деятельности государственных органов и управления в информационной сфере. Одним из них является разработка, принятие и реализация мер по продвижению информационно-имиджевой политики государства.

Имидж государства, как известно, формируется в результате систематической и планомерной деятельности, фокусирующей и консолидирующей усилия органов государственной власти и управления, средств массовой информации, научного сообщества, общественных объединений, политических и коммерческих кругов. Наиболее действенным и эффективным средством создания имиджа и его обеспечения являются средства массовой информации. Поэтому периодическая печать, радио, телевидение, ресурсы веб-пространства, в совокупности составляющие важнейший социальный институт, призваны служить основным инструментом для реализации информационно-имиджевой политики государства.

Анализ структуры и содержания значительного массива средств массовой информации показывает, что отображение реальной политической, экономической и социальной ситуации в Таджикистане в мировом (в том числе российском) информационном пространстве явно недостаточно и не во всем адекватно. Большинство публикуемых материалов содержит либо разрозненные информационные сообщения, как правило, небольшого объема, либо рассматривает локальные темы и при этом носит негативную окраску по отношению к республике. Подобный негативный образ складывается отчасти стихийно, отчасти сознательными и эффективными PR-действиями заинтересованных лиц и сторон.

Для успешной реализации государственной информационно-имиджевой политики в Республике Таджикистан создана информационная система (с единым центром координации деятельности органов государственной власти и управления, средств массовой информации в недрах президентского аппарата), предназначенная для формирования и утверждения положительного имиджа Таджикистана в русско- (англо-) язычном медиапространстве.

Формирование информационной системы для создания позитивного имиджа Таджикистана в глазах мирового сообщества потребовало создания единой, хорошо отлаженной системы поставщиков массовой

информации. Ведущим национальным учреждением в этой области является информационное агентство «Ховар», центральный государственный информационный орган при Правительстве Республики. Деятельность этого информационного агентства направлена не только на республиканскую, но и на зарубежную аудиторию. Основными задачами агентства являются сбор и предоставление информации средствам массовой информации, государственным органам и организациям, другим учреждениям, общественным организациям, а также частным лицам. НИАТ «Ховар» распространяет официальные заявления, комментарии и сообщения по наиболее важным вопросам внутренней и внешней политики, оценке социально-политических и других событий регионального и международного характера.

Деятельность НИАТ «Ховар» осуществляется на шести языках — таджикском, фарси, русском, английском, арабском и узбекском, что ведет к увеличению числа его подписчиков. Информационные материалы Агентства используют радио и телевидение Таджикистана, правительственные и партийные газеты, ряд негосударственных изданий республики, а также министерства, ведомства, предприятия, учреждения, местные органы власти, международные организации, посольства зарубежных стран, аккредитованные в республике. В настоящее время существуют соглашения о сотрудничестве с информационными агентствами Синьхуа (Китай), РИА Новости, ИТАР-ТАСС, ВВС Мониторинг, АПП (Пакистан), а также с информационными агентствами некоторых арабских государств и Центральной Азии. НИАТ «Ховар» входит в Ассоциацию национальных информационных агентств стран СНГ.

Тем не менее, с точки зрения высоких требований к повышению уровня внешнеполитической пропаганды в условиях независимости и с учетом необходимости создания полноценной информационной деятельности суверенного государства в этой сфере у Республики Таджикистан по-прежнему есть еще колоссальные неиспользованные возможности.

Россия играла и продолжает играть ключевую роль в жизни Республики Таджикистан. В свое время Россия принимала активное участие в прекращении гражданской войны в Таджикистане и в настоящее время является гарантом существующей стабильности республики. Однако в России укоренилось в большинстве своем негативное мнение о республиках, «отколовшихся от СССР в начале 1990-х годов», о «неквалифицированной рабочей силе» из стран Центральной Азии, и особенно из Таджикистана [3, с. 6].

Заявляемые в последнее время политиками России и Таджикистана отношения двустороннего политического партнерства и равноправия пока довольно шаткие и слабые. В современных условиях многополярного миропорядка такие отношения должны носить более тесный характер, основанный не только на взаимных интересах (социально-экономических, военно-политических), но и на культурных связях народов.

Во внешней политике между Россией и Республикой Таджикистан с 1991 года было подписано более 160 различных соглашений и договоров об экономическом, военном и научно-техническом сотрудничестве. Несмотря на взаимодействие в российско-таджикских отношениях по разным направлениям, следует отметить почти полное отсутствие культурных связей [4].

СМИ часто формируют односторонний, негативный, стереотипный образ таджика. Теперь в России слово «таджик» часто используется не как обозначение этноса. Этим словом сейчас обозначают чернорабочих из Средней Азии, которые готовы выполнять любую работу за небольшие деньги. Очень часто в средствах массовой информации можно встретить публикации, в которых рассказывается о столкновениях между таджиками и местным населением. Такие статьи формируют мнение, что таджики агрессивны и провоцируют конфликты. Хотя такие же банальные сюжеты потасовок, в которых мигранты не участвуют, редко освещаются в средствах массовой информации. Огромное влияние на формирование имиджа таджика оказал сериал «Наша Раша», появившийся на телеканале «ТНТ» в ноябре 2006 года [5]. Запомнившимися персонажами в нем стали гастарбайтеры из Таджикистана Равшан и Джамшут. В сериале они представлены как не очень сообразительные мигранты, которые работают за копейки и которые терпят всяческие унижения со стороны своего начальника. Казалось бы, это невинная комедийная телепередача, но имя «Джамшут» уже стало нарицательным. Под влиянием этого стереотипа работодатели считают, что трудовым мигрантам из Таджикистана можно платить меньше, зачастую работодатели позволяют себе пренебрежительное отношение к таджикам.

С другой стороны, следует отметить, что периодически появляются статьи с такими заголовками, как «Языки братских народов. Где они научат читать Хайяма и Навои в оригинале?», которые рассказывают о культуре таджикского и других братских народов, показывая россиянам, что Таджикистан — страна не только со слабой экономикой, но и со своими древними традициями и культурой [6].

Не секрет, что в последнее время комментарии, высказанные российскими политиками и экспертами по острым и проблемным вопросам внутренней и внешней политики Таджикистана, радикально отличались от оценок таджикских официальных лиц и журналистов. Почему это происходит? В числе основных причин взаимного недопонимания начальник Управления информации Министерства иностранных дел Республики Таджикистан Давлатали Назриев считает неполную осведомленность российских журналистов о политической и экономической ситуации в Таджикистане [7].

Имидж Республики Таджикистан в информационном поле России создается главным образом за счет российских средств массовой информации, освещающих значимые события из различных сфер жизни общества [8]. По этой причине, чтобы сгладить негативный имидж страны, представители правительства Таджикистана в России должны разработать стратегическую информационную политику, направленную на непосредственное взаимодействие с российскими журналистами и представителями информационных агентств.

Таджикская сторона, представленная посольством и консульствами, должна стать инициатором позитивно окрашенного информационного контента и новостных поводов, освещающая культурные, спортивные, политические, военно-технические и миграционные события в положительном ключе.

Важнейшими шагами в гармонизации межкультурных отношений должны стать преодоление стереотипов, связанных с миграцией, которые приобрели крайне негативную коннотацию, и работа со стереотипом об отсутствии культуры и образованности у таджиков.

«В советское время Таджикистан считался благодатным государством с очень добрыми людьми, порядочными, умными. Те же представители эстрады, деятели культуры — они работали над имиджем довольно плотно. Это было раньше. Теперь вторая часть — как мы предстали перед всем миром. Благодаря средствам массовой информации, в том числе, кстати. Это контрабанда наркотиков, гастарбайтеры и толпы «необразованных людей». И все люди, которые выезжают за границу и имеют собственное представление о жизни, являются представителями страны и через них судят о государстве», — считает Зулфия Асрова, доцент Российско-Таджикского (Славянского) университета. Поэтому необходимо проводить работу по изменению стереотипов, появляющихся в сознании российского гражданина при слове «Таджикистан», «таджик» [9, с. 71]. Для этого необходимо инициировать публикацию статей, сюжетов, видеороликов в информационном

поле России, представляющих Республику Таджикистан в благоприятном свете.

Для того чтобы исправить ситуацию, необходимо использовать весь потенциал таджикского общества: ученых, политиков, художников, спортсменов и музыкантов. Необходимо создание комитетов, проведение различных фестивалей, правильное представление информации в средствах массовой информации, совершенствование программ таджикского спутникового телевидения во всем мире и многие другие способы улучшения имиджа государства. Но нужно помнить, что эта работа потребует больших усилий профессионалов, финансовой поддержки, и результат будет не сразу. К улучшению имиджа страны необходим системный подход, работающий на всех уровнях — от государственной политики и национальных программ до национального бизнеса, религии, искусства, прессы и так далее. Необходимы такие программы, которые смогли бы сформировать положительный имидж государства.

Литература

1. Гавра Д.П. Феномен имиджа: сущность и основные характеристики // Капитал страны. 01.07.2009. С. 23.
2. Сайидзода З.Ш., Саидов Ф.З. Таджикистан: информационный ресурс, внешняя политика, имидж государства. Душанбе, 2008.
3. Акрамов Ф.Ш. Демографическая ситуация и трудовая миграция из Таджикистана в Россию // Практика привлечения и использования иностранной рабочей силы в России: тенденции, механизмы, технологии: Материалы научно-практической конференции (16–17 октября 2006 г.). М., 2006. С. 5–8.
4. Игнатов А.В. Российско-таджикские отношения: политико-правовой обзор // Портал «Евразийское развитие». URL: <http://eurazvitiye.org/publication/20150828>
5. Наша Раша // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Наша_Russia
6. Ефимова А. Языки братских народов. Где научат читать Хайяма и Навои в оригинале // Аргументы и факты. URL: <http://www.aif.ru/society/education/1189587>
7. Давлатали Назриев: Образ Таджикистана в российских СМИ отстает от реалий сегодняшнего дня // Политком.ru. URL: <http://politcom.ru/9323.html>
8. Дронов В.В. Образ Таджикистана в зеркале внешней политики России: влияние стереотипов на формирование двусторонних связей //

Информационно-Аналитический Центр. URL: <http://ia-centr.ru/expert/3940>

9. Бушков В.И., Поляков С.П., Селиванец А.А., Собянин А.Д. Таджикистан: образ российского стратегического союзника в СМИ // Профи. 2001. № 1-2. С. 67–72.

Ни Цзяоцзяо

Культурный брендинг как инструмент мягкой силы Китая

Проблематика развития культурного брендинга в КНР является сравнительно новой для российской и зарубежной науки. Однако в Китае данная тема получила широкое распространение в гуманитарных науках и практике национального и регионального развития. На государственном уровне в деле построения социализма с китайской спецификой особое значение придается процессу «создания культурных брендов с привлечением передовых творческих сил» [1]. Так, в 2014 г. Председатель КНР Си Цзиньпин на конференции по литературе и искусству в г. Пекине подчеркнул необходимость «активно развивать культурные индустрии и культурные бренды Китая, которые являются инструментом культурной «мягкой силы» страны» [2].

Культурный бренд как воплощение материальных и нематериальных активов выступает важным показателем конкурентоспособности культурной индустрии и неотъемлемым компонентом мягкой силы культуры КНР. Грамотно выстроенный культурный бренд способствует развитию китайской индустрии культуры, повышению ее международной конкурентоспособности и комплексной мягкой силы китайской культуры в мире [3].

Кратко охарактеризуем современное состояние, потенциал и практики культурного брендинга в Китае.

1. *Современное состояние развития культурного брендинга в КНР.* Китай обладает богатой и уникальной культурой, способной к созданию культурных брендов, известных как внутри страны, так и за ее пределами. В процессе культурного брендинга используются материальный и нематериальные ресурсы: за основу одного и того же бренда могут быть взяты природные, культурно-цивилизационные, архитектурные, исторические ресурсы.

Развитие культурной индустрии в КНР вступило в новый этап конкуренции брендов. Культурное творчество как индустрия является частью плана развития национальной экономики Китая. В последние годы культурный брендинг становится инновационной формой государственной политики КНР по развитию китайской индустрии культу-

ры, повышению ее международной конкурентоспособности и комплексной мягкой силы китайской культуры в мире.

Ведущим информационно-аналитическим центром по изучению культурных брендов в КНР является Центр исследования брендов китайских культурных индустрий, созданный в 2006 г. при Центральном южном университете г. Чанша провинции Хунань (中南大学中国文化产业品牌研究中心) [4]. За период с 2006 по 2017 гг. Центр опубликовал девять докладов о культурных брендах КНР, в которых в общей сложности были представлены более 500 новых культурных брендов. Многообразие культурных брендов КНР демонстрирует уровень развития и дифференцированную структуру культурных индустрий, охватывающих все культурные сферы. Одним из инструментов всестороннего социокультурного развития выступает культурный бренд как мягкая сила китайской культуры.

2. *Содержание культурных брендов КНР: гармоничное сочетание традиций и инноваций.* В содержательном плане культурные бренды должны отражать неповторимую оригинальность традиционной китайской культуры и выступать носителями ее ценностей. Но в то же время, они должны быть творческими, инновационными и популярными. Примерами таких культурных брендов могут послужить: самый большой народный коллектив песен и плясок «Образ Юньнань» (云南映象), художественный фильм «Взятие горы Вэйхушань» (智取威虎山), культурный индустриальный парк «Люянхэ» (浏阳河文化产业园), объект культурного наследия исторический район Макао (澳门历史城区).

3. *Принцип учета региональной специфики при формировании и развитии культурных брендов.* Высокая региональная дифференциация и несбалансированность экономического развития в Китае определяют развитие различных типов региональных культурных брендов. Так, высокоразвитые крупные города и прибрежные районы КНР, опираясь на достижения в экономической, научно-технической сферах и качественные людские ресурсы, имеют возможность усиленно развивать инновационные типы культурных брендов, главным критерием формирования которых выступает гармоничное сочетание национального стиля и инноваций. При этом в экономически слабых районах центрального и западного Китая создание культурных брендов тесно связано лишь с ресурсными преимуществами территорий (местными достопримечательностями, богатой этнической культурой, своеобразными ремесленными изделиями и т.д.), на которые они могут опираться при формировании культурных бренд-стратегий. Культурные индустрии различных регионов КНР ищут свои ниши на рынке,

выстраивая культурные бренды в соответствии со своей региональной спецификой [5].

4. *Возможности и преимущества культурного брендинга КНР.* За долгую историю своего развития в территориальном ареале современного Китая сформировались специфические региональные культуры, обладающие уникальными особенностями, способными выступить основными преимуществами для создания культурных брендов страны. К таковым региональным преимуществам относят: 1) географическое положение; 2) кадровое обеспечение; 3) финансовая и организационная поддержка на правительственном уровне.

5. *Принцип ориентации на внутренний и международный рынок.* Культурные бренды КНР должны разрабатываться с перспективой выхода на международную арену, быть конкурентоспособным продуктом на внешнем культурном рынке. Китайские эксперты в области развития культурных индустрий считают, что в условиях реализации стратегии построения «могущественного культурного государства» и «выхода во вне» китайской культуры, необходимо обеспечить возможность национальным культурным брендам вступить как в диалог, так и в здоровую конкуренцию с мировыми культурными брендами [5].

Формирование культурных брендов как фактора регионального развития и механизма реализации культурной «мягкой силы» находится в Китае на стадии становления. Анализ существующих практик показал наличие двух основных механизмов культурного брендинга в КНР:

1. Брендинг собственной национальной культуры, т.е. на основе изучения и продвижения различных существующих культурно-исторических, этнических, народных ресурсов создание культурных брендов, обладающих глубоким культурным содержанием. Яркими примерами таких объектов брендинга выступают: мероприятие, посвященное 70-летию «Великого похода» Китайской Красной Армии, «Музыкальный конкурс революционных песен Китая» (中国红歌会), самый красивый город Китая — Феникс (пров. Хунань), художественный фильм «Взятие горы Вэйхушань» (智取威虎山) и т.д. Стоит отметить, что в ходе брендинга объектов национальной китайской культуры соблюдается принцип сохранения культурных традиций и учета этно-региональных особенностей.

2. Создание новейших креативных культурных брендов. В условиях глобализации культуры при создании культурных брендов необходим учет новейших мировых тенденций, внедрение инноваций и творческий подход. В последующие годы в КНР были реализованы следующие наиболее успешные инновационные брендовые проекты: китайская версия музыкальной телепередачи «Голос» (中国好声音) с доходом более

1,5 млрд юаней за сезон, мультипликационный фильм «Синий кот» (藍貓), реалити-шоу для детей «Папа, куда ты?» (爸爸去哪儿) и т.д.

Подводя итог, можно сделать вывод, что китайские ученые рассматривают процесс создания культурных брендов как часть государственной стратегии развития индустрии культуры, повышения ее международной конкурентоспособности и в целом продвижения китайской культурной «мягкой силы» во вне. При этом четко прослеживается специфика китайской стратегии культурного брендинга: гармоничное сочетание традиции и инновации, учет отличительных особенностей конкретной местности, ориентация на внутренний и международный рынок. При создании культурных брендов используется два основных механизма: брендинг исходной культуры и создание инновационных креативных брендовых проектов. Опыт построения культурных брендов в КНР как часть национальной концепции наращивания мягкой силы китайской культуры в мире представляет научный и практический интерес и требует дальнейшего исследования.

Литература

1. Чжунго фачжань дэ синь минти: Дацзао чжунхуа минцзу цэньхуа пинпай = Новое предложение в развитии Китая: строить бренд китайской культуры. [официальный сайт]. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2010-08/03/c_12400068.htm [Кит. яз.]

2. Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао (2015 нянь) = Доклад о развитии культурных брендов Китая (2015 г.) / Под ред. Оуян Юцюаня. Бэйцзин, 2015. [Кит. яз.]

3. Абрамова Н.А. Культурные индустрии в социокультурных практиках современного Китая (на примере провинций Хэнань и Сычуань) // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сб. Восточного центра. 2011. № 10. С. 95–100.

4. 2016 «Чжунго вэньхуа пиньпай фачжань баогао» чубан фабу = Был опубликован «Доклад о развитии культурных брендов Китая (2016)» // Новости Студентов. URL: <http://news.daxues.cn/news/campus/201605/186845.html> [Авт. перевод]

5. Дорожкова С.А., Кучинская Т.Н. Культурные бренды как инструмент «мягкой силы» Китая // Актуальные проблемы развития КНР в процессе ее регионализации и глобализации: сборник статей VIII Междунар. науч.-практич. конф. Чита, 2016. С. 72–80.

К.П. Пашуто
Формирование имиджа России
на постсоветском пространстве

После распада Советского Союза Россия оказалась в сложнейшем экономическом, социальном и политическом положении. В 1990-е гг. Россия утрачивает рычаги влияния на своих традиционных партнеров и союзников: в постсоветский период происходит свертывание информационного, экономического, политического и культурного присутствия за рубежом (в том числе и в бывших советских республиках), что негативно сказывается на имидже России.

В постсоветский период аспекты формирования имиджа, присутствующие СССР, утрачивают свое значение — Россия больше не спортивная сверхдержава, российская культура находится в сложном положении, информационная политика в 90-е гг. сворачивается, культурные центры закрываются. Происходит утрата технологий репрезентации государств. Образуется информационный вакуум, который приводит к тому, что имидж России на протяжении постперестроечного периода создает не Россия: в это время появляются тиражируемые стереотипы о России как о мафиозном государстве, где царят коррупция и преступность и отмываются деньги [1, с. 14–20].

Позитивный имидж России на постсоветском пространстве носит остаточный характер, в основном он связан со стереотипами советского прошлого и исторической близостью территорий. По-прежнему высоко оценивается русская культура, литература, балет и т.д., однако за двадцать лет позитивные стереотипы восприятия изрядно потускнели. Имидж РФ становится государствоцентричным — теперь важнейшими факторами формирования внешнеполитического имиджа РФ являются, в первую очередь, имиджи российской власти. В 1990-е гг. Россия становится государством нестабильности — причем нестабильность была ключевой характеристикой РФ практически во всех сферах: сбросив оковы коммунизма и ринувшись строить демократию, общество сталкивается с ухудшением уровня жизни, товарным дефицитом и введением карточной системы — за рубежом активно обсуждаются километровые очереди, встречаются даже рассказы иностранцев о том, как русские празднуют всей семьей покупку туалетной бумаги. Расстрел Белого дома, антиконституционное превращение государства в президентскую республику, подавление сепаратизма на Кавказе — все это негативным образом сказывается на восприятии государства за рубежом.

В 1990-е гг. экономика России зависела от зарубежных кредитов, что привело к появлению термина «долговая игла». В 2000 году прави-

тельство приняло решение перестать брать кредиты, однако Россия постепенно переходит с «легких наркотиков на тяжелые». В нулевые годы цена на нефть взлетает в несколько раз, и Россия прочно подсаживается на иглу нефтяную. Модернизация экономики, которая была необходима, так и не была проведена. В результате российская экономика оказывается целиком завязана на экспорте ресурсов и сырья. Несмотря на то, что на протяжении последнего десятилетия постоянно декларируется необходимость слезать с нефтяной иглы, отказываться от легких денег Россия не спешит. Из-за нефтяного проклятья экономика России, пытающейся в последнее время утверждать свою независимость и особенность, тесно связана с экономикой стран Запада. Экономическая зависимость от Запада обуславливает то, что имидж России стремительно тускнеет в государствах постсоветского пространства, Россия перестает быть уникальной и просто встраивается в ряд государств, пытающихся построить либеральную демократию по западному образцу.

В то же время экономика постсоветских стран продолжает зависеть от России как основного поставщика природного газа и нефти, и стремление усилить эту зависимость приводит подчас к заключению невыгодных для экономики РФ сделок со значительными скидками на экспортируемые ресурсы. Однако постсоветские государства в отношениях с Россией преследуют свои интересы: Россия — выгодный партнер постольку, поскольку предоставляет льготные тарифы на газ и нефть [2, с. 125], однако такие взаимоотношения с Россией в целом не исключают ориентации данных стран на Евросоюз и США [3]. По сути, экономическое влияние России на ряд государств постсоветского пространства остается только экономическим и не способствует более тесному взаимодействию между государствами, не создает определенный уровень лояльности и доверия России [4]. Напротив, льготные тарифы порой начинают рассматриваться как нечто само собой разумеющееся, поэтому при изменении правил игры Россию начинают обвинять в шантаже. Так, например, газовые войны с Украиной, которые не прекращаются с момента распада СССР, воспринимаются на Западе как шантаж Украины со стороны России и негативно сказываются на восприятии российской политики и России в целом [5].

Важное значение в формировании позитивного имиджа государства играет культура. Еще А. Грамши обосновывал необходимость культурной гегемонии для победы в борьбе за политическую власть, а Дж. Най определял культуру как один из важнейших инструментов «мягкой силы». Российская культура в настоящее время по-прежнему высоко оценивается за рубежом, однако в большей степени благодаря

культурному наследию России: русской литературе, музыке, архитектуре, театру, опере и балету, а также науке. Однако с современной культурой все не так радужно. Если, например, американская массовая культура способствует популяризации американского образа жизни и формированию у среднего американца представлений о мире, то российская массовая культура на международном рынке обладает не слишком высокой конкурентоспособностью. Это связано в первую очередь с тем, что российская массовая культура подражает культуре западной, а потому утрачивает самобытность. Отечественный кинематограф производит противоречивое впечатление: фильмов, которые собирали бы за рубежом кассовые сборы, сравнимые с голливудскими, нет, а арт-хаусным за рубежом считают такие фильмы, как «Горько!». Тем не менее, в постсоветских государствах в силу опять-таки культурной близости и наличия довольно значительного количества русскоговорящего населения, российская массовая культура играет большую роль, нежели на Западе, однако конкурировать с продукцией той же американской массовой культуры она не в состоянии. Это связано не только с «культурной экспансией» США, но и с низким качеством современной массовой российской культуры, которая не занимает лидирующего положения даже на территории России. Если брать, например, молодежную аудиторию, то она воспитывается на американских фильмах, сериалах, книгах, причем наибольший вклад в формирование мировоззрения «будущего нации» вносит именно голливудская продукция, которая вытесняет российский «национальный культурный продукт».

К сожалению, в России сложилось специфическое понимание формирования и продвижения имиджа как применения маркетинговых технологий и активизации использования СМИ, а также пиара разрозненных политических, культурных и спортивных событий. Так, например, в 2003 году был реализован проект «Новая Россия», основанный на исследованиях 2001 года. В рамках этого проекта были проведены следующие мероприятия [6]:

1. «300-летие Санкт-Петербурга»;
2. «Россия — почетный гость Франкфуртской книжной ярмарки-2003»;
3. «PR-сопровождение участия России в 50-й Венецианской биеннале»;
4. «Международный теннисный турнир “Кубок Кремля — 2003”».

Формирование позитивного имиджа России заключалось в PR-сопровождении данных мероприятий, а результатами данной кампании сами исполнители считают то, «что обозначенные в Мегапроекте

постулаты имиджа “новой России” транслировались через основные каналы формирования общественного мнения не только российскими, но и зарубежными СМИ, а также лидерами общественного мнения России и Запада» [6]. Также авторы проекта считают, что позитивные отзывы о работе от помощника Президента РФ С.В. Ястржембского, министра РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций М.Ю. Лесина и министра культуры РФ М.Е. Швыдкого являются бесспорным подтверждением эффективности проекта.

В середине нулевых была осознана необходимость грамотной имиджевой стратегии: в правящих кругах заговорили о том, что важно начать целенаправленную работу по преодолению стереотипного восприятия России. Был заключен контракт с американским пиар-агентством Ketchum, деятельность которого заключалась в написании хвалебных статей в зарубежных СМИ, в освещении G8, проведенной в 2006 году в Санкт-Петербурге, а также Олимпиады в Сочи в 2014 году. Причем два вышеупомянутых мероприятия, на которые были затрачены огромные средства, были подвергнуты яростной критике в РФ. Однако проведенные мероприятия практически не изменили имидж России: ведь такие мероприятия могут принести лишь кратковременный успех, с помощью них невозможно изменить стереотипное восприятие и добиться устойчивого позитивного восприятия государства. В РФ серьезно озаботились плохим инвестиционным имиджем. В 2013 году российское правительство за 500000 долларов наняло банк Golden Saches для повышения инвестиционной привлекательности. Была создана специальная группа, в которую вошли также Минэкономразвития, Сбербанк и агентство Ketchum, группа разработала алгоритм деятельности, согласно которому был составлен список из 80 людей, которые формируют общественное мнение на Западе. Задача чиновников из группы состояла в том, чтобы изменить в положительную сторону отношение их к России, а эти «важные люди» затем убедят в этом зарубежную общественность. В международных рейтингах Россия занимает не самые лучшие позиции. Так, например, согласно исследованию Pew Research Center, проведенному в 2014 году, около 43% опрошенных из 44 стран негативно относятся к России, позитивно к России относятся 34% респондентов. В рейтинге The Good Country Index-2016, РФ оказалась на 78-й позиции, Глобальный индекс миролюбия 2017 (Global Peace Index 2017), рассчитанный для 162 стран мира, поместил Россию на 151-е место из 162 [7, 8]. Разумеется, результаты данных рейтингов не являются непреложной истиной, однако в условиях, когда РФ оказывается одной из 11 самых опасных стран мира, говорить о

позитивном имидже государства и реализации ее «мягкой силы» за рубежом довольно сложно.

К сожалению, в России складывается неверное представление о процессе формирования имиджа. Полагают, что для позитивного имиджа достаточно нанять PR-агентство, которое при помощи маркетинговых технологий изменит представления о государстве [9]. На самом деле, имидж вторичен по отношению к сущности государства, и он не является результатом медийной поддержки или маркетинговой кампании. Саймон Анхольт, автор концепции «национального бренда», уверен в том, что национальный имидж не зависит от умения рассказать о себе, и государства оцениваются так же, как и сотни лет назад, «по тому, что они делают и что они в результате получают, по тем людям, которые живут в них, и по тому, как эти люди себя ведут, а главное — по их вкладу в дела нашей планеты и всего человечества. Страны не оценивают по тому, что они сами говорят про себя, — на такие вещи просто никто не обращает внимания» [10, 11]. То есть для того, чтобы обладать привлекательным имиджем, необходимо быть привлекательным государством. Отсюда вытекает закономерный вывод: Россия тогда будет обладать позитивным имиджем, когда она станет демократическим государством с развитой либеральной экономикой, прозрачной процедурой выборов, отсутствием коррупции, богатой современной культурой, наукой, пользующейся поддержкой государства и т.д. В противном случае все попытки «конструировать» за рубежом имидж демократического и правового государства, привлекательного для инвесторов и туристов при реальном отсутствии демократии, систематическом нарушении прав и свобод человека, повсеместной коррупции так и останутся Сизифовым трудом.

Литература

1. Беспалов С.В. и др. Механизмы формирования позитивного образа России в странах постсоветского пространства. М., 2007.
2. Мир вокруг России: 2017 контуры недалекого будущего / Отв. ред. С.А. Караганов. М., 2007.
3. Гетьманчук А. Россия на «постсоветском пространстве»: скорее монстр, чем модель // Русский вопрос. 2010. Вып. 3. URL: <http://www.russkiiivopros.com/?csl=48&id=355&kat=6&pag=one>
4. Маркедонов С. Россия Владимира Путина и СНГ: миссия без цели // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2006/50/ma14.html>
5. Винокурова Е. Русский мир, бессмысленный и небогатый. Почему ближайшие союзники России превращаются в лучших друзей

Запада. URL: <http://ava.md/2015/02/23/russkiy-mir-bessmyslennyi-i-nebogatyu>

6. Новая Россия: подходы к формированию имиджа государства // Лаборатория рекламы, маркетинга и PR. 2005. № 5 (42). URL: <http://www.advlab.ru/articles/article430.htm>

7. Country Brand Index 2016 // Future Brand. The Creative Future Company. URL: <https://goodcountry.org/index/results>

8. Global Peace Index 2017 / Institute for economics and peace. URL: <http://visionofhumanity.org/app/uploads/2017/06/GPI17-Report.pdf>

9. Имидж России: поиск инновационных технологий: материалы научной конференции кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова 19 марта 2013 г. / под ред. И.А. Василенко. Пушкино, 2013.

10. Анхольт С. Международный имидж России. Почему он важен [Интервью] // РИА Новости. 15.09.2013. URL: https://ria.ru/valdaiclub_anniversary_comment/20130915/963257442.html

11. Анхольт С. Проблема России в том, что ее считают обузой [Интервью Н. Гарбер] // Snob.ru. 29.12.2012. URL: <https://snob.ru/selected/entry/56182>.

О. Ч. Реут

Страна электоральных хакеров — новый образ России?

Можно ли было лет двадцать назад предположить, что дискурс влияния на ход выборной кампании и результаты общенационального голосования будут позиционировать Россию не в качестве объекта, а в качестве субъекта? Можно ли было представить, что в стране, где не производятся современные компьютеры, операционные системы, востребованные на мировом рынке мобильные приложения, будут сформированы наступательные кибертехнологии, воспринимаемые в качестве реальной угрозы не только для общественно-политической стабильности индустриально развитых стран, но и для глобальных систем телекоммуникации и связи? В каких обстоятельствах правила поведения государств в киберпространстве перемещаются в серую зону, по отношению к функционированию которой сложившаяся международно-правовая система демонстрирует скорее растерянность и противоречивость, чем цельность и последовательность действий?

В качестве отправной точки размышлений стоит, пожалуй, выделить тезис, в соответствии с которым на протяжении многих лет влияние Интернет-технологий на демократическое развитие оценивалось в необоснованно положительном ключе. Тем не менее Интернет-активность отчасти

начала заменять работу институтов властно-общественного взаимодействия. Изменение критериев достоверности сетевой информации стало создавать угрозу для практик выявления и фиксации коллективной солидарности, для производства гражданской компетенции.

Ориентация на перманентное уточнение пределов несомненной верности генерируемых в Интернете сведений претерпела существенные изменения. В значительной степени они были предопределены трансформацией медиапространства. Распространение социальных сетей, викизация, викилизация и твиттеризация изменили как сам процесс медиапроизводства, так и контекст общественно-политического диалога. Значительный рост числа медиаструктур и множественность медиапредложений существенно изменили условия генерации, распространения и использования политически значимого контента. Медиа стали более автономными по отношению к сфере агрегирования и артикуляции исходящих от социума запросов и все чаще демонстрировали склонность следовать своей собственной логике. Содержание же последней определялось, прежде всего, сменой коммуникативной парадигмы с вертикальной на горизонтальную, что, в свою очередь, привело к выстраиванию новых форм поведения аудитории и восприятия ею медиаконтента. Именно в контексте представленных изменений коммуникативной парадигмы возникли принципиально новые феномены, прежде всего, такие как постправда и фейк-ньюс [1].

В такой ситуации тезис об Интернете как об «одном из прикладных инструментов», задействованных в политической сфере жизни общества, претерпел серьезные изменения. Однако демократические и авторитарные режимы по-разному восприняли последствия этой трансформации.

Отталкиваясь от идеи цифрового суверенитета демократии во главу угла поставили проблему уязвимости сложных инженерно-технических и информационных систем, что, в свою очередь, сформировало принципиально новое видение рисков и потребовало разработки инновационных ресурсов страхования от возникновения неблагоприятных случаев. Неудивительно, что в качестве дискурсивной стратегии была выбрана война с кибертерроризмом. Конечно, было не до конца понятно, о чем конкретно шла речь, но механизмы форматирования полемики отошли на второй план, ведь их стало необходимо рассматривать, лишь исходя из важности достижения целей по расчеловечиванию оппонентов. Даже минимальное обрушение национальных и глобальных электронных систем должно вызывать отвращение на фоне собственного ощущения доминирования или, по крайней мере, поддержания контроля над всем происходящим.

Однако нормы ответственного поведения суверенитетов в киберпространстве оказались нерелевантными для транснациональных хакерских групп. Казалось бы, к ним есть смысл применить подходы, выработанные в отношении частных воинских подразделений. Но это «работает» только в ситуации, когда хакерские коллективы выступают контракторами, наемными исполнителями воли государственных заказчиков, т.е. тех, кто действует в интересах отдельного государства или их группы. При этом существуют и все больше заявляют о себе абсолютно самостоятельные группы. Это не идеологически окрашенный интернационал и не хакеры-серфингисты, бороздящие просторы Интернета в поисках промышленных секретов и уязвимостей в банковских организациях. В отличие от хакеров в погонах, разобщенные группы злодеев имеют практически невыевляемую и склонную к постоянным изменениям систему целеполагания.

В течение последнего года определенная ясность появилась в отношении групп, связанных с проектами «Викиликса». Вскрытие почтового сервера национального комитета Демократической партии США и передача конфиденциальных данных с целью обнародования чувствительной информации в интересах политических оппонентов [2] расставили некоторые точки над *i*. Призыв уделить больше внимания тому, «что было предъявлено общественности», вместо того чтобы заниматься «второстепенными вопросами, связанными с поиском того, кто это сделал» [3], оформил ситуацию выстраивания приоритетов аудитории, которая не является пассивной в категориях влияния на общественно-политическое взаимодействие. Чтение вообще не является пассивным.

Хакерство уже превратилось в поразительный по точности воздействия политический инструмент. При этом вычислить киберагрессора крайне сложно, если не практически невозможно. Киберпроникновения встроены в циклы эскалации межгосударственных отношений, но их востребованность определяется исключительно медийными обстоятельствами. Именно по этой причине все попытки выработки конвенций по наделению правительств широкой свободой действий внутри «национальных сегментов» Интернета взаимоблокируются. А запрет на милитаризацию киберпространства никак не конкретизируется.

Большинство специалистов склонны полагать, что предложения запретить развитие наступательных кибертехнологий стоит признать нереалистичными. Равно как и одностороннее принятие отдельными государствами правил поведения в киберпространстве. Никто не желает не только быть слабой стороной, но и поддерживать стремление более слабой ограничить возможности более сильной.

Вместе с тем, есть понимание того, что из-за специфики кибертехнологий пока совершенно неочевидно, как контролировать выполнение вырабатываемых в данной сфере регулирования международных соглашений и этических кодексов. В отсутствие же сдерживающих факторов и на фоне предельно низкого уровня взаимного доверия кибердержав все продолжают «вооружаться» и тестировать пределы терпения. В условиях безрезультатных попыток договариваться контуры войны начинают приобретать все более ясные очертания [4].

Однако вернемся к обстоятельствам, в которых внимание транснациональных средств массовой информации обращено на тайные операции российских хакеров. Их обвиняют не только во взломе серверов руководящих органов основных политических партий в США и Европе, но и, например, в атаке на базу данных Всемирного антидопингового агентства. Фактически это означает, что речь идет об операциях не столько разведывательного, сколько политико-дипломатического характера. Их цель — предупредить сторонников жестких мер, что «в случае усиления санкционного давления на Россию достоянием обществу станет большой массив нелицеприятной информации» [5].

Подобные действия укладываются в логику применения «мягкой силы», хотя, конечно, в довольно своеобразной форме. Новеллой стоит признать практики экспорта угроз, которые столь активно распространяются наряду с традиционным арсеналом тактических приемов, действовавших во внешней политике. Это отчасти объясняет, почему появившиеся уникальные компьютерные разработки и отечественные IT-лидеры с глобальными амбициями, как тот же Евгений Касперский, «не создали сфер технологической, интеллектуальной и гражданской автономии, инновационных сред наподобие Кремниевой долины в Калифорнии, и все попытки создать такую среду, например, в Сколково, были крепко связаны с государственным патронатом» [6].

Высокотехнологический авторитаризм, встроенный в структуры информационного общества, представляет собой вариант уклонения от строительства эффективных политических институтов в условиях запроса на легитимацию режима внутри страны и снижения издержек персоналистского правления. При этом в эпоху постправды и фейк-ньюс он оказывается неотделимым от позиционирования на международной арене. В значительной мере это является продолжением той линии демонстрации насилия, которую конструируют казаки, байкеры и околофутбольные ультрас. Симулякры патриотически настроенной общественности органично дополняются группами электоральных хакеров. Протестные контркультуры фактически встроены в систему официоза, воспроизводящего образцы изоляционистского поведения.

В заключение стоит обратить внимание на то, что вопросы кибербезопасности по праву относятся к наиболее чувствительным в рамках двухсторонних отношений ведущих кибердержав, которые сперва официально приравнивали Интернет-атаки к традиционным военным действиям, а затем заявили о готовности последовательно реализовывать право на реагирование в случаях выявления актов агрессии. При этом дебаты о цифровом суверенитете и возможностях регулирования со стороны международного сообщества вынесены в высококонкурентную медиасреду. Как правило, они организованы по принципу спирали. За требованием распространить принцип невмешательства во внутренние дела государств на «национальные сегменты» Интернет-пространства и дать правительствам больше полномочий следуют осуждающие оценки попыток необоснованного насаждения цензуры, государственного контроля и манипулирования общественным мнением. При этом, сами кибердержавы не считают необходимым принимать какие-либо отдельные правила поведения в киберпространстве, полагая, что все спорные вопросы можно решить при помощи действующих международных норм.

Литература

1. Stockdale D. Why We Should Hold Facebook Responsible for Fake News, 22 March 2017. // Center for Digital Ethics and Policy. URL: <http://digitalethics.org/essays/facebook-responsible-fake-news>
2. Shear M., Rosenberg M. Released Emails Suggest DNC Derided the Saunders Campaign // New York Times. 22.07.2016. URL: <https://www.nytimes.com/2016/07/23/us/politics/dnc-emails-sanders-clinton.html>
3. Путин В.В. Интервью международному информационному холдингу Bloomberg, 1 сентября 2016 г. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/52830>
4. Реут О.Ч. Прологомены к будущей кибервойне, 15 ноября 2016 г. // Центр политического анализа. URL: <https://centerforpoliticalanalysis.ru/position/read/id/prolegomeny-k-buduschej-kibervojne>
5. Черненко Е. Смогут ли державы договориться о правилах поведения в киберпространстве, 22 сентября 2016 г. // Московский центр Карнеги. URL: <http://carnegie.ru/commentary/?fa=64651>
6. Медведев С. Электронный топор: как российский хай-тек встраивается в репрессивный режим, 18 мая 2016 г. // Forbes.ru. URL: <http://www.forbes.ru/mneniya/vertikal/320407-elektronnyi-topor-kak-rossiiskii-khai-tek-vstraivaetsya-v-repressivnyi-rezhi>

Е.В. Романова, К.Г. Муратшина
Институты Конфуция
как инструмент «мягкой силы» КНР
во взаимоотношениях с Итальянской Республикой
на современном этапе *

Распространение китайского языка и культуры давно по праву считается важным средством «мягкой силы» во взаимоотношениях КНР с самыми разными странами мира. Одним из ключевых инструментов «мягкой силы» Китая в образовательной среде являются Институты Конфуция, деятельность которых развернута в поистине глобальных масштабах. Эта деятельность стратегически планируется и контролируется китайским государством и направлена на распространение китайского языка и культуры [см., напр.: 1]. По статистике 2016 г. Китаем открыто уже около 500 Институтов Конфуция и 1000 специализированных классов в 134 странах мира [2]. В них, как правило, преподается не только язык, но и другие предметы — история, философия Китая и т.д., организуются мастер-классы по чайной церемонии, каллиграфии, боевым искусствам, проводятся выставки и фестивали. Изучать китайский идут люди самых разных возрастов.

В Европе на сегодняшний день действует более 100 Институтов Конфуция, в Италии, которой и посвящено данное исследование — 12 Институтов Конфуция и 39 Классов Конфуция [2]. Основное их число открылось в течение первого десятилетия XXI в. Первый Институт Конфуция в Италии был открыт 19 июля 2007 г. в Университете Неаполя [3], позже аналогичные Институты были созданы и в других городах: Флоренции, Риме, Болонье, Милане, Венеции, Турине и т.д. Всего за три года в 2007—2010 гг. было сформировано 10 Институтов Конфуция на базе крупных университетов [4].

Также во многих итальянских городах работают Классы Конфуция — специализированные классы с изучением китайского языка и культуры. Они были открыты в 2015—2016 гг. на базе 200 школ совместными усилиями Министерства образования Италии, Посольства КНР и Института Конфуция [5]. Данное нововведение было закреплено Указом Президента Итальянской Республики № 9 от 14 февраля 2016 г., в котором расписывались правила создания классов и получения преподавателями необходимых учебных должностей [6].

* Работа выполнена при поддержке программы Европейского Союза ERASMUS+, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR. This study was supported by the European Union ERASMUS+ Programme, Jean Monnet, 575043-EPP-1-2016-1-RU-EPPJMO-CHAIR

Институты Конфуция регулярно проводят мероприятия, посвященные китайской культуре, языку, взаимоотношениям двух стран: фотовыставки, мастер-классы по каллиграфии [7], семинары по китайской литературе [8], встречи с дипломатическими представителями КНР [9] и даже спектакли с элементами кунг-фу [10]. Также, как и во всех других странах, в них проходят экзамены на уровень знания китайского языка. Весной 2017 г. был осуществлен крупнейший арт-проект на довольно неоднозначную, но, видимо, интересную для толерантного и мультикультурного итальянского общества тему — «Век китайцев в Милане» («Un secolo di cinesi a Milano») [11], включавший в себя показы фильмов, выставки в музеях, презентации научно-исследовательских работ об истории китайской миграции в Италию [12].

Число изучающих китайский язык в Италии стабильно растет [13]. Это можно объяснить усилением роли КНР в международных отношениях, расширением ее взаимодействия с Италией и другими европейскими государствами, а также постепенно сформировавшимся убеждением итальянцев, что знание китайского делает их более конкурентоспособными на рынке труда в современных условиях. Одновременно можно объяснить такую картину повышенным вниманием итальянского государства к интернационализации высшего образования [14, с. 73], особенно в свете некоторых кризисных явлений в этой сфере [15, с. 63–64].

Однако не все представители научного сообщества Италии положительно оценивают данную тенденцию. Например, по мнению профессора Болонского Университета А. Крисмы, Институты Конфуция ведут «пропаганду» в целях внедрения позитивного образа Китая посредством исключения спорных и проблемных вопросов, ограничения дискуссий на определенные темы, установления цензуры и распространения исключительно положительной информации об истории КНР, ее традициях, государственной власти и внешней политике [16]. С этой точкой зрения солидарен другой исследователь, М. Скарпари: он отмечает, что Институты Конфуция не соответствуют принципу независимости учебных заведений. История и культура Китая в них показываются необъективно и без учета спорных моментов и проблем. В США, где они открыты также в большом количестве, многие Институты за время их существования были обвинены в политической пропаганде [17]. Заметим, что итальянский исследователь выражается весьма сдержанно, в то время как в США Институты обвиняли напрямую не только в необъективности [18], но и в непрозрачных финансовых схемах [19] и шпионаже [20], и начали задаваться вопросом, есть ли другие инструменты повышения уровня знания китайского языка в

обществе [21]. Наконец, еще один итальянский аналитик, М. Интровинье, считает, что деятельность Институтов Конфуция представляет собой активную пропаганду китайской культуры, обычаев и традиций, нарушает свободу выбора, традиционную для европейского и американского общества, навязывает китайский язык как крайнюю необходимость в современном мире и создает видимость неконкурентоспособности без знания китайской культуры [22].

Отметим, что история Италии выросла из Древнего Рима, а еще раньше — из Этрурии, это особая цивилизация, которая тысячелетиями питала культуру народов Европы. И в истории этой цивилизации все еще существует немало неизученного. Сотни ученых — как итальянские исследователи, так и представители других стран — бьются над загадками, оставленными этрусками, спорят о корнях итальянской культуры. От решения этих научных задач поистине зависят акценты мировой и европейской культуры и истории.

Известно, что итальянское государство сейчас уделяет изучению исторического наследия и культурной дипломатии в целом значительное внимание [см., напр.: 23]. Интересно проследить ответную активность со стороны Италии в культурном сотрудничестве с КНР и «мягкой силой». Аналогичные по задачам Институту Конфуция итальянские учреждения в КНР действительно существуют, это Итальянский Институт культуры и Общество имени Данте Алигьери. Итальянский Институт культуры курируется Министерством иностранных дел Италии и осуществляет культурные обмены в различных отраслях: музыка, кино, театр, фотография, библиотеки, спецкурсы и так далее [24]. В Китае он действует в трех городах: Пекине, Гонконге и Шанхае [25] и помимо культурных обменов ведет также межвузовское сотрудничество, обмен преподавателями и исследователями, разработку совместных исследовательских программ, привлекает китайских студентов для обучения в итальянских университетах [26]. Общество Данте Алигьери также считается важным институтом в области продвижения итальянского языка и культуры в мире [27], а в Китае оно имеет филиалы в Гонконге и Пекине [28]. В числе прочих мероприятий им осуществляется программа членства (Membership of DA Society), благодаря которой участникам сообщества будут представлены возможности получения скидок в итальянских ресторанах, музеях, на отдельных культурных мероприятиях и краткосрочных курсах, организованных Обществом, свободный доступ к итальянским библиотекам [29]. Как видим, итальянских очагов культуры в Китае намного меньше, чем Институтов Конфуция в Италии, хотя предлагаемые ими возможности — шире и глубже. Тем не менее, Китай даже из этого извлекает

пользу. Например, наличие Общества Данте Алигьери в Гонконге дает возможность китайским СМИ лишний раз указать на космополитизм и открытость этого города [30].

Подводя итог, можно отметить, что работа КНР по продвижению своего языка и культуры в таком ключевом государстве Южной Европы, как Италия, осуществляется более чем активно, несмотря на наличие неоднозначных оценок деятельности Институтов Конфуция в итальянском обществе и отсутствие симметрии с аналогичным представительством итальянской стороны в двустороннем образовательном сотрудничестве.

Большое внимание, уделяемое КНР образовательным и культурным аспектам своей стратегии взаимодействия с итальянскими и в целом европейскими партнерами, объяснимо. Европейское направление в настоящее время, в силу расширения торгово-экономического взаимодействия между Китаем и странами ЕС, является одним из ключевых для китайской внешней политики. Погружение людей, часто с малых лет, в чужую культурную среду, участие в большом количестве тематических мероприятий способно во многом работать на положительный имидж другого государства. Основная работа здесь идет с аудиторией, не связанной с профессиональным изучением востоковедения и международных отношений. У такой аудитории могут формироваться некие положительные стереотипы, даже в ситуации, когда в отношениях (как в случае с Китаем и ЕС) много проблем. Условно говоря, человек, воспитанный с малых лет в приобщении к избирательно-красочной и яркой чужой культурной традиции, да еще постоянно пытающейся закрепить восхищение чужой культурой и историей (хотя собственная история страны, где Институт открыт, не уступает в древности и сама требует новых изысканий и открытий), не будет лишним раз задумываться о некоторых событиях. Например, о том, почему где-нибудь в соседнем крупном городе китайские мигранты вместе с китайской мафией могут выяснять отношения с местными полицейскими. Или его оставит равнодушным то, что компании из КНР покупают пакет акций, например, «Фиата», или что известный китайский автопроизводитель скопирует дизайн одной из итальянских моделей авто. А если даже и задумается, то особый отклик в его душе эти события уже вряд ли вызовут.

Есть и еще одна неоднозначная тенденция: на 10-й Всемирной конференции Институтов Конфуция в 2015 г. было заявлено, что данный проект направлен, помимо всего прочего, на «появление нового поколения синологов» [31]. Кто они, эти «неосинологи»? Вероятно, это те люди, которые получают знания об изучаемой стране не в рам-

ках программ, составленных согласно образовательным стандартам их родного государства, а в рамках организации, являющейся, по сути, если использовать современную терминологию, «иностранным агентом»? Насколько они могут быть объективны, непредвзяты, насколько дискуссионными будут их исследования? Будут ли они ставить во главу угла сотрудничество ради сотрудничества, рост товарооборота ради более круглых цифр, или спокойное и местами жесткое отстаивание национальных интересов с непременным выявлением и решением всех конкретных проблем? Пока ответов на эти вопросы нет.

В целом, международные отношения сегодня, в том числе в области культурной политики, объективно имеют более конкурентную природу. У «мягкой силы» различных государств, в том числе и КНР, есть свои сильные и слабые стороны [см., напр.: 32]. И более чем целесообразным является дальнейшее и более глубокое изучение этого феномена, в том числе применительно к культурному сотрудничеству КНР со странами Европы, чтобы извлекать уроки и использовать положительный опыт, в том числе и в стратегиях культурной дипломатии РФ. Еще более важным становится развитие страноведческих образовательных программ, финансирования синологии (собственной, а не «нео») любыми государствами, которые хотят на равных взаимодействовать с КНР, набравшей силу в политике и бизнесе.

Литература

1. Смирнов С.В. Глобальный проект Китая: аксиологический аспект // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. 2010. Т. 80. № 3. С. 92–100.
2. About Confucius Institutes // Hanban official website. URL: http://english.hanban.org/node_10971.htm
3. Istituto Confucio dell'Università degli Studi di Napoli «L'Orientale» // Portale Istituti Confucio in Italia. URL: <http://www.istitutoconfucio.it/italia/istituto-confucio-universita-degli-studi-di-napoli-orientale>
4. Wang Jing. Spiego ai cinesi la cultura italiana. L'intervista con Wen Zheng dell'Istituto Confucio // Agichina Quotidiana online. URL: <http://www.agichina.it/l-intervista/notizie/spiego-ai-cinesi-la-cultura-italiana>
5. Il sillabo della lingua cinese per le scuole secondarie di II grado // Portale Istituti Confucio in Italia. URL: <http://www.istitutoconfucio.it/italia/il-sillabo-della-lingua-cinese-per-le-scuole-secondarie-di-ii-grado>

6. Decreto del Presidente della Repubblica, 14 febbraio 2016, n. 19 // Gazzetta Ufficiale della Repubblica Italiana. URL: <http://www.gazzettaufficiale.it/eli/id/2016/02/22/16G00026/sg>
7. Inchiostrì di Cina // Istituto Confucio. Università degli studi di Milano. URL: <http://www.istitutoconfucio.unimi.it/evento/inchiostrì-di-cina>
8. Nebula, la prima antologia di fantascienza cinese in doppia lingua // Istituto Confucio Napoli. Università degli studi di Napoli L'Orientale. URL: <http://www.confucio.unior.it/confucio-napoli-blog/2017/5/18/nebula-la-prima-antologia-di-fantascienza-cinese-in-doppia-lingua>
9. Scuola di Formazione Permanente della Fondazione Italia Cina // Portale Istituti Confucio in Italia. URL: <http://www.istitutoconfucio.it/italia/scuola-di-formazione-permanente-della-fondazione-italia-cina>
10. Институты Конфуция: в Европе растёт интерес к китайскому языку, медицине и культуре // Жэньминь жибао онлайн. 18.12.2012. URL: <http://russian.people.com.cn/31517/8062422.html>
11. "Chinamen". La storia dei cinesi in Italia in una graphic novel // Articolo21 Online. URL: <https://www.articolo21.org/2017/04/chinamen-la-storia-dei-cinesi-in-italia-in-una-graphic-novel>
12. Un secolo di cinesi a Milano // Il Foglio Edizione Online. URL: <http://www.ilfoglio.it/granmilano/2017/03/26/news/chinamen-un-secolo-di-cinesi-a-milano-127090>
13. Cresce il numero degli studenti italiani che studiano il cinese // Il Sole 24 ore Quotidiano Online. URL: http://www.ilsole24ore.com/art/notizie/2013-02-08/istituto-confucio-pisa-corsi-cinese-142302.shtml?uuid=AbIwVSH&refresh_ce=1
14. Райнхардт Р.О., Маслова Е.А. Государственная политика Италии в области науки и образования // Вестник Брянского государственного университета. 2017. № 1 (31). С. 72–76.
15. Маслова Е.А. Италия: образование и экономическое развитие // Современная Европа. 2014. № 4 (60). С. 61–69.
16. Amina Crisma: Gli Istituti Confucio e il soft power cinese. Una riflessione da proporsi // Inchiesta Online. URL: <http://www.inchiestaonline.it/osservatorio-internazionale/amina-crisma-gli-istituti-confucio-e-il-soft-power-cinese-una-riflessione-da-proporsi>
17. Maurizio Scarpari: Soft power in salsa agrodolce. Confucianesimo, Istituti Confucio e libertà accademica // Inchiesta Online. URL: <http://www.inchiestaonline.it/scuola-e-universita/maurizio-scarparsi-soft-power-in-salsa-agrodolce-confucianesimo-istituti-confucio-e-liberta-accademica>
18. A message from Confucius // The Economist. 22.10.2009. URL: <http://www.economist.com/node/14678507>

19. Fingleton E. Is Stanford Collaborating with Chinese Propaganda? Just Asking // Forbes. 05.10.2014. URL: <https://www.forbes.com/sites/eamonnfingleton/2014/10/05/is-stanford-collaborating-with-chinas-espionage-program/#d2ab3f432b31>
20. Reexamining the Confucian Institutes // The Diplomat. 02.08.2012. URL: <http://thediplomat.com/2012/08/reexamining-the-confucian-institutes>
21. Levine S. et al. The Debate over Confucius Institutes in the United States // Foreign Policy.com. 11.07.2014. URL: <http://foreignpolicy.com/2014/07/11/the-debate-over-confucius-institutes-in-the-united-states>
22. Introvigne M. Istituti Confucio, avamposti di Pechino in Italia // La nuova Bussola Quotidiana Online. 29.12.2013. URL: <http://www.lanuovabq.it/it/articoli-istituti-confucio-avamposti-di-pechino-in-italia-8072.htm>
23. Табаринцева-Романова К.М. Культурная политика Европейского союза в Средиземноморском регионе // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3: Общественные науки. 2016. Т. 149. № 1. С. 67–74.
24. Istituto Italiano di Cultura // Camera di Commercio Italiana in Cina. URL: <http://www.cameraitacina.com/en/partners/istituto-italiano-di-cultura>
25. China. Italian Cultural Institutes in the World. Geographical Distribution of Italian Cultural Institutes. // Italy on the web official website. URL: <http://www.ilsegnalibro.com/iic.html#c>
26. Chi Siamo. // Istituto di Cultura —Shanghai. URL: http://www.iicshanghai.esteri.it/iic_shanghai/it/istituto/chi_siamo
27. Tutelare e difendere la lingua e la cultura italiana nel mondo // Società Dante Alighieri. URL: <http://ladante.it/chi-siamo/la-nostra-missione.html>
28. Le nostre sedi // Società Dante Alighieri. URL: <http://ladante.it/le-nostre-sedi.html#34.1699304/63.6774800/2/search/Cina/hotspot/320>
29. Membership // Dante Alighieri Society in Hong Kong. URL: <http://ladante.cc/membership>
30. HK's Large Consular Corps Boosts City's Internationalism // China Daily. 23.11.2015. URL: http://www.chinadaily.com.cn/hkedition/2015-11/23/content_22509940.htm
31. The 10-th Confucius Institute Conference Held in Shanghai // East China Normal University. 8.12.2015. URL: <http://english.ecnu.edu.cn/01/23/c1703a65827/page.htm>
32. Русакова О.Ф. «Мягкая» сила стран Азии // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2012. Т. 108. № 4. С. 250–258.

А.В. Сквородников
Использование Россией «мягкой силы» на Балканах
(на основе анализа экспертных мнений
на Интернет-ресурсах)

Распад СССР в 1991 г. имел как положительные, так и отрицательные последствия в процессе становления современной России. Это в полной мере можно проследить и в рамках анализа внутренней политики страны, и в рассмотрении актуальных вопросов внешней политики. Исчезновение с политической карты мира крупнейшей из держав уничтожило прежний мировой порядок, сложившийся после Второй мировой войны, основанный на Ялтинско-Потсдамской системе международных отношений и на военно-стратегическом паритете двух сверхдержав — СССР и США. Являясь продолжателем СССР на международной арене, Россия столкнулась с новыми вызовами, порожденными иным форматом взаимоотношений с бывшими союзниками и противниками по «холодной войне». На протяжении всех 1990-х годов шло определение приоритетных векторов приложения внешнеполитических усилий, велся поиск новых методов и средств достижения поставленных задач. Естественно, не обошлось без определенной рефлексии и ностальгии по советскому прошлому и тому положению, которое ранее занимал Советский Союз. Другое дело, что ситуация, с точки зрения экономических, военных и идеологических оснований, оказалась кардинально другой. Россия лишилась многих морских портов на Балтийском и Черном морях. Были утрачены многие зоны влияния и военные базы. Сократилась численность вооруженных сил, ухудшилась их техническая оснащенность. Поражение в «холодной войне», утрата статуса сверхдержавы, потеря союзников, ослабление обороноспособности — это то, с чем пришлось столкнуться руководителям страны. В этих условиях Россия была вынуждена не только заново обустроить внешние связи, но и формулировать новую модель тактического и стратегического развития.

Значительное сокращение возможностей влияния и расширения орбиты собственных интересов способствовало поиску иных способов решения насущных проблем, во многом не связанных с применением или угрозой применения силы, как это было ранее. Очевидно, новым в этом плане стало использование приемов «мягкой силы». «Мягкая сила» реализуется на знаковом, символическом, ценностном и идейном уровнях. Она запускает общественные стереотипы, влияет на восприятие, активизирует исторические архетипы и коллективные представления масс [1]. Здесь можно говорить о внедрении в социальную память и общественное сознание различного рода мистификаций, искажений,

легенд и т.д. Стоит признать, что в 1990-е гг. реализация данных методов была крайне неэффективна, так как отсутствовало понимание конечных задач и, тем более, того, каким образом они будут достигнуты.

На рубеже тысячелетий, в связи с приходом к власти нового руководства во главе с В.В. Путиным, начинают меняться ориентиры и подходы к внешней политике. В основу внешнеполитической стратегии, принятой по инициативе Президента, были положены доктрина национальной безопасности и доктрина информационной безопасности России. Сам термин «мягкая сила» появился в официальной риторике Москвы только в 2012–2013 гг. после принятия новой редакции Концепции внешней политики России.

Задачей данной работы является рассмотрение одного из векторов международных отношений России в начале XXI в., а именно, использование методов «мягкой силы» применительно к политике на Балканском полуострове, в частности, в отношении стран бывшей Югославии. Данный регион традиционно входил в сферу интересов России и в дореволюционный, и в советский периоды. Могли меняться тактические задачи, но стратегически эта область всегда привлекала особое внимание руководства государства. Современный этап не является исключением. Кроме того, в 1990-е гг. в бывшей Югославии были опробованы и успешно реализованы методы и приемы «информационной войны», и именно здесь сходятся устремления большинства наиболее значимых игроков на международной арене. В рамках «мягкой силы» возможно решение ключевых вопросов не на полях сражений, как раньше, а еще до начала активной фазы боевых действий, в рамках информационного поля. С помощью информационных технологий осуществляется переход от информационной сферы в другие области с опорой на массовое сознание. Массовое сознание в данном случае является неким «универсальным переводчиком» [2].

На сегодняшний момент отсутствуют обобщающие фундаментальные исследования, посвященные роли информационного влияния России на Балканах. По большей части речь идет об отдельных мнениях и точках зрения, во многом обусловленных идеологическими, конъюнктурными или иными устремлениями авторов. Особое место в складывании общественного мнения, пристрастий и антипатий играет Интернет. Информационные технологии являются важным инструментом формирования потребностей, взглядов, интересов, ценностных установок, наконец, инструментом воздействия на мировоззрение человека в целом, механизмом воспитания и обучения. Сфера информационных технологий, в частности сети Интернет, является более независимой и свободной, в отличие от традиционных средств массовой

информации. Таким образом, информационные технологии имеют другое влияние на процесс формирования общественного мнения [3].

При анализе публикаций на Интернет-ресурсах условно можно выделить три подхода к анализу использования Россией «мягкой силы» в бывших югославских республиках.

В рамках первой точки зрения, Россия своими действиями в той или иной степени способствует деструктивному развитию региона, провоцируя дестабилизацию общественно-политической сферы этих государств. Вот наиболее типичные примеры такого подхода: «Сознательно искажать и передегивать исторические факты, односторонне оценивать и освещать текущие международные события, страшать негативными последствиями и угрожать репрессивными мерами соседним государствам — это стало доминирующей чертой внешнеполитического стиля Москвы. Его пропагандистская подача через прокремлевские медиа чувствительно бьет как по имиджу страны за ее пределами, так и внутри создает извращенную информационную картину мира. Жесткая агрессивность российской пропаганды, скудость и однобокость информации о ситуации на Балканах вкупе с такими проявлениями «мягкой силы», как, например, славянский мотобросок «Ночных волков», неуклонно сокращают последних наших симпатизантов» [4]. Очевидно, здесь представлена эмоциональная и негативно окрашенная оценка действий российских властей в указанном регионе. Подчеркиваются пренебрежительное отношение к интересам данных государств и народов и попытка реализации имперских амбиций и былого величия. Близкой по духу является и еще одна публикация: «Российские агенты вербуют бывших и действующих сотрудников македонской полиции, чтобы создать «критическую массу людей, обладающих военной подготовкой», которые «будут использованы в российских интересах в нужный политический момент». Также разведчики пытаются оказать влияние и подкупить СМИ Македонии, включая те, которые издаются для албанского меньшинства, чтобы распространять «информацию и дезинформацию» для целей российской политики» [5]. Таким образом, авторы акцентируют внимание на использовании «мягкой силы» не для популяризации России в регионе, а лишь для подрывной и дестабилизирующей деятельности, направленной на ограничение влияния других государств и недопущение проведения антироссийской внешней политики.

Второй подход сводится к тому, что в 2000-е годы у России с каждой из стран региона сформировались особые взаимоотношения, контакты носят конструктивный взаимовыгодный характер,

без навязывания каких-либо требований. Именно это должно улучшить имидж России на Балканах и способствовать росту позитивного интереса к российской культуре и образу жизни: «В целом, мягкая сила России на Балканах строится, прежде всего, на притягательных для массового сознания сербского населения конфессиональных и культурных компонентах. Перспективным с этой точки зрения выглядит наращивание взаимодействия с научными кругами Балканских государств с целью познакомить их с российской научной школой международных отношений и российским видением того, что происходит на международной арене. Подобное взаимодействие может принять форму курсов лекций приглашенных профессоров для студенческой аудитории, регулярных научно-практических конференций, а также совместных магистерских программ» [6]. Здесь делается акцент на культурное взаимодействие, расширение связей в области образования, науки и гуманитарных ценностей. Именно через эти ориентиры планируется усилить привлекательность России в балканских странах. Еще одна типичная публикация: «Роль России в регионе всегда была шире, это роль культурная, освободительная, цивилизационная. Поэтому, инвестируя в инфраструктуру, необходимо также инвестировать в людей, во взаимоотношения между людьми, которые с интересом смотрят на Россию как на альтернативную силу в современном полицентричном мире. Это поможет укреплению связей между славянскими балканскими странами и Россией. Хорошие человеческие отношения стали бы лучшей защитой российских вложений и рекламой современной России, ее привлекательности и возможностей, стали бы хорошим полигоном для отработки применения «мягкой силы» в других, более сложных регионах мира, где у нашей страны есть свои интересы» [7].

Третья группа публикаций свидетельствует о неэффективности и недостаточности использования рычагов «мягкой силы» в регионе. Внимание сконцентрировано на отсутствии механизма применения и недостаточной разработанности подобных методов: «Что такое мягкая сила? Это в первую очередь альтернатива. Какую альтернативу предлагаем мы? Мы не имеем доступа к образованию, мы не поддерживаем изучение русского языка, мы не только не помогаем трудоустроиться тем, кто вопреки здравому смыслу его учит и знает, — наши госкорпорации, работающие в регионе, отказывают этим людям в трудоустройстве. Мы, даже в самые тучные годы, не приложили никаких усилий к тому, чтобы люди, любящие Россию (и объединяющиеся в бесчисленные общества сербско-русской дружбы), знали бы ее. Почти отсут-

ствуют программы студенческого обмена, стажировки, нет даже банальных пресс-туров, не говоря уж о стимулировании турпотоков» [8]. Сторонники данной точки зрения подчеркивают, что за последнее десятилетие так и не сложилось сколько-нибудь внятного представления о способах популяризации и оживления интереса к России в этом стратегически значимом регионе.

Подводя итог, нужно сказать, что разные эксперты предлагают порой кардинально противоположные точки зрения на проблему использования Россией «мягкой силы» на Балканах. Во многом это связано еще и с тем, что реализация внешнеполитического курса современной России носит непоследовательный и противоречивый характер. В связи с этим необходимо более предметное определение международных целей, а также методов и приемов их достижения.

Литература

1. Кудakov А. Soft Power. Мягкая сила, определение и противодействие. URL: <http://elect-assist.ru/soft-power>
2. Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М., 2004.
3. Попова Ю.А. Информационные технологии в системе формирования общественного мнения. URL: <http://psychology.snauka.ru/2015/07/5560>
4. Чурсин А. Пропаганда, дезинформация и «Ночные волки». О доминирующих аспектах российского внешнеполитического и информационного стиля в общении с балканскими государствами. URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2016/07/06/69189-propaganda-dezinformatsiya-i-nochnye-volki>
5. Цой И. Россия пытается создать «пояс нейтральных стран» на Балканах. URL: <https://spektrnews.in.ua/news/rossiya-pytaetsya-sozdat-roayas-neytral-nyh-stran-na-balkanah/46734>
6. Сурков Д. Мягкая сила России на Балканах. URL: <http://politinform.su/geopolitika/64359-myagkaya-sila-rossii-na-balkanah.html>
7. Пивоваренко А. Современная Россия на Балканах: «мягкая сила» через инвестиции. URL: <http://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/sovremennaya-rossiya-na-balkanakh-myagkaya-sila-cherez-inves>
8. Баранов Е. «Мягкая сила» России на Балканах. URL: <http://beregrus.ru/?p=6095>

Х.М. Турьинская
Франция на Коморских островах:
сила «мягкая» или «жесткая»?

История Коморских островов являет собой пример воздействия неоколониальной политики одной из ведущих мировых держав — Франции в отношении своего бывшего владения, бедного природными ресурсами, но географически выгодно расположенного. Современный неоколониализм представляет собой перерождение и продолжение колониального владычества метрополий на зависимых территориях, бóльшая часть которых в течение второй половины XX в. де-юре освободилась и обрела суверенитет, а остальные пребывают под прямым управлением прежних хозяев. Региональный гегемон по отношению к тем и к другим применяет гибкую, гибридную политику, сочетающую элементы как «жесткой», так и «мягкой» силы в различных соотношениях, в зависимости от конкретных условий. Впрочем, само разграничение «мягкой» и «жесткой» силы теоретически проблематично и требует уточнений.

Примером гибкой тактики служит политика Франции в отношении Комор. В случае с этой бывшей французской колонией проводимая бывшей метрополией неоколониальная стратегия выразилась в политическом разделении архипелага как географического и культурно-исторического целого. В результате один из четырех островов архипелага — Майотга — был («жестко»?) аннексирован Францией, а на базе трех остальных образовалось Коморское государство, внутреннее развитие которого оказалось под («мягким»?) контролем бывшей метрополии. Суверенитет Комор превратился в юридическую фикцию, что дает основания говорить о «неполноценной», «незавершенной» независимости.

Коморская Республика, формально независимая с 1975 г., оказалась под управлением внешних акторов: действовавшие с ведома Франции «белые» французские наемники под началом Боба Денара (деятель проекта «Франсафрик») фактически руководили страной при президенте Абдеремане. С их участием был осуществлен ряд госпереворотов, в результате двух из которых были убиты действующие коморские президенты: в 1978 г. Али Суалих, в 1989 г. — сам Ахмед Абдаллах Абдереман после того как попытался удалить наемников. В 1990-е годы Федеративная Исламская Республика Коморские Острова (ФИРКО, с 2002 г. — Союз Коморских Островов, СКО) столкнулась с попыткой сепаратизма двух из трех островов: от Гранд-Комора в 1997 г. фактически отделились Анжуан и Мохели. Анжуанские и мохельские сепаратисты обратились к французскому правительству с просьбой вернуть этим островам статус заморской территории Франции.

В 1978 г. на Коморах была введена федеративная система. Сравнительно однородный в культурном плане состав населения островов позволяет определить коморский федерализм как территориальный, не имеющий «этнической базы». Отношение к федерализму на Коморах, как и в Африке вообще, традиционно двойственное: федеративная система — это и автономия регионов, и, в то же время, опасность распада государства. С другой стороны, идея федерации как «свободного объединения» территориальных единиц представлялась коморцам средством привлечь, или вернуть, Майотту в состав союза [1, с. 124]. С этой целью на Коморах и был введен федерализм, который на практике оказался в значительной мере формальностью. Подобный прагматичный подход к федерализму наблюдался в Африке вообще и, в частности, в другой бывшей французской колонии — Камеруне. Впрочем, Франция, как правило, неохотно и заметно реже, чем Великобритания, поощряла в своих владениях федерализм, даже в «имитационной», «лицемерной» его форме, оправдывающей присоединение и/или удержание региона в составе единого государства и создающей лишь видимость самостоятельности регионов в составе федерации. Но именно такой «фейковый» федерализм и устраивал политических акторов, включая французам, на Коморах.

Происходящее на Коморском архипелаге — экономически отсталой и политически фрагментированной территории — во многом является проекцией внутренней и внешней политики Франции. Коморы, как и другие регионы африканского континента и острова африканской части Индийского океана, оказались «разменной монетой» в большой геополитической игре. Методы, которыми обеспечивается прямое или косвенное французское присутствие в разных уголках мира, диктуются стратегическими целями Пятой Республики, необходимостью отстаивания ее национальных интересов. Этому служит — на фоне усиления позиций Китая, соперничества за африканские рынки и за политическое доминирование на континенте — борьба Франции с другими «мировыми тяжеловесами», с Великобританией и США за разграничение сфер влияния в Африке. Область прежних и нынешних африканских интересов Франции в Индийском океане — Мадагаскар, Коморы, Реюньон, Маврикий, Сейшелы и др. Удерживая («жестко»?) Майотту, присутствуя («мягко»?) на Коморах, владея Реюньоном, где расположена ее военно-морская база, Франция является де факто государством бассейна Индийского океана.

Регион важен и для экономики Франции. Острова являются весьма привлекательными для туристического бизнеса, поставляют экспортные сельскохозяйственные культуры для французской парфюмерной и

пищевой промышленности. При этом, находясь на оживленном перекрестке торговых путей и движения людских масс, контактов африканского мира и Востока, Коморский архипелаг слабо связан с «внешним миром». Это объясняется отсталостью инфраструктуры и отсутствием крупных и удобных естественных глубоководных гаваней. Неудовлетворительно развито транспортное сообщение между отдельными островами архипелага, что усугубляет их экономическую и политическую изоляцию друг от друга, обостряет меж- и внутриостровные конфликты по поводу распределения власти и скудных ресурсов, повышает риск сепаратизма, делает Коморы уязвимыми для силовых вмешательств извне.

Архипелаг расположен в северной части Мозамбикского пролива, между берегом Восточной Африки и островом Мадагаскар. Важное стратегическое положение Комор оценили французы, и в течение XIX в., в период колониального раздела Африки, острова перешли в подчинение Франции. К началу XIX в. Коморы — владения арабов, султанаты, главной отраслью экономики которых была работорговля. За долгую историю политических противостояний Коморы заслужили славу «архипелага враждующих султанов» [2, с. 135]; политическая элита, «султаны» новейшего времени, «нотабли», находятся в состоянии хронического конфликта.

Игнорируя нормы международного права и действуя в духе «реал-политик», Франция и не уходила с островов. Все годы независимости Комор французы продолжали активно присутствовать на «политическом поле» страны. Французские вооруженные силы базировались не только на Майотте, но и на самом о. Гранд-Комор с целью помощи в формировании коморских национальных сил безопасности [3, с. 15]. Майотта остается территорией спорной между Коморами и Францией. Однако подобные разногласия не мешали коморцам возобновлять соглашения с Францией о сотрудничестве в сфере обороны. Коморы живут в значительной мере за счет внешней финансовой помощи, в том числе от бывшей метрополии, стран Персидского залива и международных организаций, а также от коморцев, проживающих за рубежом, главным образом в материковой Франции и на Майотте.

В составе населения Майотты, более гетерогенном в культурно-языковом отношении по сравнению с остальными Коморами, несколько выше доля французских переселенцев (*métropolitains*) и их потомков, а также мальгашей и выходцев с других островов архипелага. Жители Майотты, как и остальных Комор, в подавляющем большинстве говорят на языках коморской группы. Коморцы образуют культурно-языковое, но не политическое единство. В основе нежелания майоттцев присоеди-

няться к Коморскому Союзу — комплекс исторических, экономических и политических причин. Это и привлекательный имидж (фактор «мягкой» силы) Франции — богатой, демократической, светской, либеральной — и более продолжительная и глубокая, чем на остальных Коморах, французская республиканская традиция на острове; и опасения Майотты оказаться на периферии в системе союзных отношений, стать объектом доминирования Гранд-Комора и частью «исламского государства», которое планировалось провозгласить на Коморах.

Остров Майотта стал французским протекторатом в 1843 г., на несколько десятков лет ранее других трех островов архипелага (Мохели — с 1886, Анжуан и Гранд-Комор — с 1892). В 1946 г. Коморы получают статус заморской территории Франции (*territoire d'outre-mer*, ТОМ). И если на трех островах 95% жителей из числа участвовавших в референдуме 1974 г. высказались за независимость, то 64% голосовавших на Майотте выступили за сохранение юрисдикции Франции на острове. Франция признала независимость Комор без Майотты. В своих требованиях признать Майотту неотъемлемой частью Коморского государства коморцы, которых в этом вопросе поддерживали ООН и ОАЕ, опирались на обобщенные данные голосования — по всем четырем островам в целом. Однако организованный французами на Майотте повторный референдум в 1976 г. подтвердил желание островитян оставаться частью Франции. Майотта получила статус территориальной единицы (*collectivité territoriale*) в составе Пятой республики.

Ни исключение слова «исламский» из названия страны, ни заигрывание с федеративной идеей не помогли коморцам вернуть Майотту в состав СКО. В 2009 г. на референдуме 95% принявших участие в голосовании жителей Майотты высказались за придание ей статуса заморского департамента (*département et région d'outre-mer*, ДРОМ). Это означало дальнейшую интеграцию региона в политико-правовую и экономическую систему Франции, а также постепенное улучшение материального обеспечения местного населения и повышение жизненных стандартов до уровня метрополии. На изменение статуса острова в территориальной структуре Французской Республики и одновременно все более стремительное политическое отдаление его от СКО последовала ожидаемая реакция коморцев и их союзников: политика Франции на Майотте — очередное проявление колониализма.

Окончательно интегрировавшись в территориально-политическую систему Франции, остров на этом основании обрел в 2014 г. особый статус в составе Евросоюза, став одним из «удаленных регионов» ЕС (*outermost region*, OMR; *région ultrapériphérique*, RUP). Поскольку управляемый Францией остров в то же время по-прежнему считается,

согласно коморской конституции, неотъемлемой частью СКО, то, по правилу ротации союзных президентов, после Мохели в 2016 г. наступала очередь Майотты выдвигать своего кандидата. Превентивное же превращение Майотты во французский департамент (*départementalisation de Mayotte*) повлекло конституционный и электоральный кризис в СКО.

«Мягкость» и «жесткость» Франции в отношении зависимых территорий — воплощение глобального капитализма, который оборачивается неравномерным, несправедливым распределением благ и массовыми миграциями из слаборазвитых перенаселенных регионов с «ослабленной» государственностью в более обеспеченные и политически стабильные страны. Так, с целью максимально затруднить доступ граждан СКО на Майотту французское правительство в 1995 г. ввело специальную визу — «Balladur visa». Тысячи нелегальных мигрантов-коморцев погибли, пытаясь морем достичь сравнительно благополучной соседней Майотты («kwassa-kwassa victims»; ср. миграционный кризис с человеческими жертвами в Европе — кризис, существенно влияющий на внутреннюю политику государств-членов и ситуацию в ЕС в целом, провоцирующий дезинтеграционные процессы, изменение экономической и политической повестки в региональной группировке).

Но и население острова испытывает те же проблемы — безработица, инфляция, дороговизна жизни (*la vie chère*), социально-экономическое расслоение — что и французское общество в целом. С поправкой на то, что Майотта — островная экономика, которая остается на положении сырьевой периферии и зависит от дотаций из метрополии. Все это сопровождается разочарованием вследствие завышенных ожиданий, нарастанием недовольства и снижением электоральной активности майоттцев. Таким образом — на примере французского присутствия на Коморах — даже «мягкая» сила может иметь неоднозначные экономические, социально-политические и гуманитарные последствия.

Литература

1. Mohaji F.B. Comoros (Union of Comoros) // Handbook of Federal Countries / Ed. by A.L. Griffiths. Montreal, 2005.
2. Sellström T. Africa in the Indian Ocean: Islands in Ebb and Flow. Leiden, 2015.
3. Иванова О.Я. Коморские острова: Справочник. М., 2003.

Ю.Н. Цыряпкина
Русскоязычное культурное пространство
в Узбекистане и «фактор России»

Вопрос о роли и дальнейшей судьбе русского информационно-коммуникативного пространства в Центральной Азии не утрачивает своей остроты и актуальности даже после 26-ти летнего суверенного развития всех республик. Активные дискуссии о статусе русского языка в центральноазиатском регионе в 2017 г. были спровоцированы очередным анонсированием языковых реформ в крупнейшей республике Центральной Азии — Казахстане. Несмотря на то, что реформированию подлежит графика казахского алфавита, которая по задумке властей переводится на латиницу, тем не менее любые сдвиги и реформы в языковой сфере в Казахстане неизбежно касаются статуса и роли русского языка, а, значит, той части населения, которая считается русскоязычной.

Феномен «русскоязычия» в республиках Центральной Азии, особенно в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане неоднократно описывался в исследовательской литературе [1]. И связан он с тем, что русский язык в этих республиках укоренился не только среди русских, украинцев и других европеизированных городских групп, но и среди части титульного населения (самая высокая доля распространения русского языка у казахов и киргизов), а также депортированных народов и др. Русский язык, начиная с имперского времени и массово в советский период стал связующим мостиком, через который коренное население получило представление об европейской культуре и европейских ценностях. Эта ситуация не изменилась к настоящему времени — до сих пор приобщение к русскому языку влияло и влияет и на идентификацию его носителя. В частности, в Узбекистане существует 2 культурно-лингвистических мира: русскоязычный/европеизированный и национальный. Русскоязычный или в повседневной жизни более распространено название/самоназвание «европеец» - человек вне зависимости от этнической принадлежности, разделяющий европейские ценности через русский язык.

Государственная политика руководства центральноазиатских республик после распада СССР была направлена на снижение роли и значения русского языка во всех сферах жизни обществ. Отправной точкой считается принятие закона о государственных языках в 1989 г. Дерусификация была неотъемлемой частью политики национализации в республиках региона, попыткой отказаться от советского наследия посредством снижения степени распространения русского языка в делопроизводстве, печати, в образовании и других сферах общества. На

государственном уровне русский язык рассматривается как постколониальный, как наследие Российской империи и СССР. Наибольший отрыв от советского наследия удалось достичь в Туркменистане, в какой-то степени в Узбекистане, в этих республиках в 1990-е годы языки титульного населения были переведены с кириллической графики на латиницу. Хотя напрямую это никак не касалось русского языка, но тем не менее затрагивало его статус и роль в обществе. На государственном уровне в Узбекистане сформировалась гражданско-территориальная концепция государства [2, p.111], опирающаяся на ценности «узбекчилик» (узбекскость), то есть узбекской культуры, языка, обычаев. Согласно государственной идеологии, гражданами Узбекистана являются все те, кто разделяют эти ценности вне зависимости от этнической принадлежности. Этот факт неоднократно отражался в публикациях западных авторов [3] и вместе с данными о масштабной миграции русского/русскоязычного населения из республики давал основание для выводов о дискриминации русских в регионе. Эти представления отражают только «видимую»/транслируемую часть государственной политики, но не объясняют всех проявлений языковой политики внутри узбекского общества.

Необходимо разделять государственную политику, проводимую в отношении русского языка в суверенных республиках, которая инициируется «сверху» и должна соответствовать общей идее национализации общественно-политической и иной жизни государств Центральной Азии. Именно это направление для России вырисовывается наиболее выпукло и часто становится предметом критики именно в российском научном и общественном сообществе. Существует другой уровень повседневных отношений в Узбекистане, который невозможно замерить количественными методами социологических исследований или путем учета и подсчета демографических потерь русского населения в республике. Повседневная жизнь диктует совершенно другие правила использования языков и зачастую отношение к русскому языку в каждодневной реальности практически не совпадает с декларируемым государством направлением на снижение его роли в узбекском обществе. Использование русского языка в повседневной жизни диктуется сиюминутными экономическими, жизненными, конъюнктурными ситуациями и все эти процессы полномасштабно можно отследить, изучая жизненную траекторию человека и его семьи.

Узбекистан входит в число тех постсоветских стран, в которых судьба русскоязычия определяется объективными историческими, социально-экономическими и инерционными процессами и в меньшей степени зависит от усилий и желаний России. Нужно отметить, что

узбекское общество чрезвычайно традиционно, поэтому отказ от русского языка здесь происходил крайне медленно, от узбекской кириллицы не отказались до сих пор, несмотря на то, что эта реформа латинизации алфавита началась более 20 лет назад, она так и осталась незавершенной. В делопроизводстве в Узбекистане задействованы, в основном, узбекский язык на кириллице, в меньшей степени — на латинице, а также русский язык. Школьное образование на узбекской латинице было введено в 1996 г., молодое поколение узбеков, первых выпускников классов с обучением на латинице, в 2000-е годы столкнулись с практикой поголовного использования узбекской кириллицы в делопроизводстве и необходимостью осваивать узбекскую кириллицу, либо русский язык как язык-посредник, весьма распространенный в узбекском обществе. После прихода к власти президента Ш.М. Мирзиёева, который взял курс на либерализацию отдельных сфер узбекского общества, в 2017 г. начались широкие общественные дискуссии о сохранении и признании узбекской кириллицы как основной графики узбекского языка, при этом латиницу узаконить в качестве второй графики [4].

Немаловажным является тот факт, что русский язык стал самовоспроизводимым, «местным» продуктом в Узбекистане. Он органично вплетен в культуру, искусство советского и постсоветского Узбекистана, которое зачастую является визитной карточкой страны за ее пределами. Например, постановки первого на территории Советского Союза профессионального негосударственного театра «Ильхом» (1976 г.), бессменным художественным руководителем которого с момента зарождения театра и до момента своей гибели в 2007 г. был Марк Яковлевич Вайль в Ташкенте. Актеры театра «Ильхом» гастролировали в странах Западной Европы, Израиле, США, Японии, во многих городах России и др. В спектаклях театра сочетаются современные модернистские подходы и огромный пласт азиатской культуры, и все это транслируется через русский язык. Целое литературное направление сложилось на русском языке в постсоветском Узбекистане — Ферганская школа поэзии, неформальным лидером которой является Шамшад Абдуллаев — русскоязычный узбекский поэт, дважды лауреат конкурса «Русская премия за поэзию» в 2006, 2013 гг., лауреат стипендии фонда Иосифа Бродского (2015). Неформальная группа поэтов (в Ферганскую школу поэзии также входили Хамдам Закиров, Ольга Гребенникова и др.) в первой половине 1990-х годов создала новую космополитическую литературу в независимом Узбекистане, которая печаталась на страницах журнала «Звезда Востока» (1991-1996 гг.), опять же сочетая принципы западноевропейской переводной модернистской литературы

и школы поэзии на узбекском языке. Соответственно, русский язык — это часть культурного наследия народов Узбекистана, которое навсегда вписано в их историю, традиции, искусство. Учитывая то, что русский язык в Узбекистане — это собственно часть современной узбекской культуры, становится понятной его высокая степень распространения и использования в городах, во многих населенных пунктах, где доля русских чрезвычайно мала. Полевые исследования в Узбекистане в 2012-2015 гг. косвенно подтвердили данное предположение — русский язык в республике сохраняется благодаря запросам со стороны коренного населения на существование билингвизма, когда речь идет о таджиках — сохранении трехязычия. В меньшей степени — это деятельность российских организаций (Россотрудничество, Русский культурный центр), которые работают преимущественно со школьниками, владеющими русским языком в той или иной степени. Но при относительной востребованности русского языка возникает другой вопрос — это качество и уровень сохраняемого русского языка, который усваивается коренным населением региона на базовом или среднем уровне для нужд торговли или работы в сфере услуг, а также для расширения возможностей при трудовой миграции в Россию или в Казахстан. То есть таджики и узбеки - выпускники русских классов не обязательно усвоят русский язык как язык родной, что чаще всего происходило в советское время. Родными для них остаются по-прежнему узбекский/таджикский и др. языки, русский язык (его основа или знание на среднем уровне) — инструмент вертикальной мобильности в сфере услуг и др. При этом политическая элита, представители научного академического сообщества, верхушка армии и силового блока (кроме МВД) являются преимущественно русскоязычными.

Другой важный аспект, связанный с русским культурным и коммуникативным пространством, касается самого феномена трудовой миграции или «эффекта» трудовой миграции. Трудовые мигранты из Узбекистана в России — это преимущественно молодые мужчины трудоспособного возраста из узбекской глубинки, не имеющие соответствующей квалификации, многие из них либо не владеют русским языком, либо знают его на самом базовом уровне. В России они в той или иной степени приобщаются к европейским ценностям, в том числе и осваивают русский язык. То есть, Россия опосредованно продолжает окультуривать коренное население бывших советских республик. Освоить российские стандарты жизни означает приобщиться к более высокой европейской культуре. Это проявляется во многих мелочах повседневной жизни, начиная со стиля, в котором коренные жители региона предпочитают строить свои дома, это преимущественно дома

европейского типа (исчезает балхана), заканчивая адаптацией новых правил поведения. По словам информаторов в г. Ангрен Ташкентской области в 2015 г. автомобилисты, работавшие трудовыми мигрантами (преимущественно таджики, задействованные в России водителями) стали уступать место пешеходам на нерегулируемых пешеходных переходах.

На базарах Ташкента и других городов можно встретить произведенное в Узбекистане хозяйственное мыло с надписью «СДЕЛАНО В СССР», хотя на государственном уровне отрицается советское наследие, но в памяти жителей республики «советское» - это знак качества, это часть ностальгии по советской стабильности. Российская массовая культура, особенно популярная культура/музыка, несмотря на свою тенденциозность и противоречивость, широко востребована городской молодежью вне зависимости от этнической принадлежности. Респонденты-учащиеся лицезев отмечали, что некоторые учащиеся «национальных» групп (с узбекским языком обучения) предпочитают слушать не национальную/традиционную узбекскую эстраду, а российскую популярную или европейскую музыку. К этому можно также отнести тенденцию носить майку с надписью RUSSIA, дающую окружающим посыл, что ее владелец находился в России на заработках или как-то связан с этой страной. Это только то, что было замечено автором статьи во время полевых исследований 2012–2015 гг. в период президентства И.А. Каримова, когда в официальном дискурсе само явление трудовой миграции в Россию и другие страны не поддерживалось (в ходе одной из поездок по Джизакской области в июне 2013 г. Ислам Каримов отметил, что «трудовые мигранты позорят Узбекистан»). С приходом к власти в 2016 г. Ш.М. Мирзиёева, который начал проводить ряд мероприятий по организации и упорядочиванию трудовой миграции в Россию, социальный статус мигрантов в узбекском обществе официально может существенно измениться.

Соответственно, русскоязычная среда и культурное пространство, несмотря на заметное демографическое сокращение русских, продолжает функционировать, благодаря инерции советского прошлого и ее глубокой укорененности в культуре, искусстве народов Узбекистана. Схожие мысли высказывались в публикации Н.П. Космарской, пришедшей к выводу о том, что русское культурное и коммуникативное пространство в постсоветской Киргизии может функционировать без русскоязычных и без попыток России поддержать его [5].

В завершение хотелось бы порассуждать о потенциале русского языка в качестве ресурса «мягкой силы» в Узбекистане. Согласно концепции Дж. Ная, культура страны является одним из важнейших ин-

струментов «мягкой силы». Потенциал русского языка значителен, он объединяет культурно близкие к нему группы населения вне зависимости от этнической принадлежности. В Интернет-пространстве русский язык в Узбекистане является универсальным средством общения, своеобразным *lingua franca*. В силу объективных причин русский язык в Центральной Азии выступает эффективным ресурсом «мягкой силы» только в региональном измерении. Россия в свою очередь должна осознать, что русский язык и культурное пространство — «мягкая сила», которая воспроизводится по сохранившейся с советского времени инерции. При этом нужно не забывать, что в советское время русский язык был связан с технологическим прогрессом, обеспечивавшим его широкое использование. Для формирования оптимального внешнеполитического курса в регионе необходимо пересмотреть существующие доктрины в отношении русского языка и культуры в сторону большей капитализации существующего ресурса.

Литература

1. Абдуллаев Е.В. Русские в Узбекистане 2000-х: идентичность в условиях демодернизации // Русский мир в Центральной Азии. Сборник материалов и статей. / Под общ. ред. А.А. Князева. Выпуск 1. Бишкек, 2007.
2. Fumagalli M. Ethnicity, State Formation and Foreign Policy: Uzbekistan and “Uzbeks abroad” // Central Asian Survey (March 2007). №26 (1).
3. Landau J.M., Kellner-Heinkele B. Language Politics in Contemporary Central Asia: National and Ethnic and the Soviet Legacy. L., 2012.
4. Ильхамов А. Узбекистан: латиница или кириллица? Взгляд социолога. URL: <http://www.fergananews.com/articles/9524>
5. Kosmarskaya N. The Russian Language in Kyrgyzstan: Changing Roles and Inspiring Prospects // Russian Journal of Communication. 2 June 2015.

Список литературы по теме «Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях»

Составитель — А.Н. Левкович, главный библиотекарь читального зала общественно-научной литературы Алтайской краевой научной универсальной библиотеки им. В.Я. Шишкова.

Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В.Путиным 30 ноября 2016 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Официальный сайт]. URL: http://www.mid.ru/foreign_policy/news/-/asset_publisher/cKNonkJE02Bw/content/id/2542248

Книги из фондов АКУНБ им. В. Я. Шишкова

XXI век : перекрестки мировой политики / [В. И. Анненков и др. ; отв. ред. М. А. Неймарк]. – Москва : Канон+ : Реабилитация, 2014. – 423 с.

Агафонов, В. П. «Культурный» империализм без грима / В. П. Агафонов. – Москва : Моск. рабочий, 1985. – 95, [1] с. – (Библиотечка пропагандиста и политинформатора).

Анхольт, С. Бренд Америка: мать всех брендов: как культурные ценности одной нации завоевывают сердца и умы миллионов людей в других странах благодаря правильно построенным маркетинговым стратегиям : [пер. с англ.] / Саймон Анхольт и Джереми Хильдрет. – Москва : Добрая кн., 2010. – 231 с.: ил. -Пер.изд.: Anholt, Simon Brand America/ Simon Anholt, Jeremy Hildreth. –

Баландина, Е. А.. Социальное мифотворчество в качестве средства манипуляции сознанием: (филос. подход) : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. филос. наук / Е. А. Баландина. – Барнаул : БГПУ, 2006. – 18 с.

Беглов, С. И. Внешнеполитическая пропаганда: очерк теории и практики : учеб. пособие для студентов вузов / С. И. Беглов. – Изд. 2-е, испр. и доп. – Москва : Высш. шк., 1984. – 375, [8] с.

Боссиди, Л. Искусство результативного управления : [пер. с англ.] / Ларри Боссиди, Рэм Чаран. – Москва : Добряя кн., 2005. – 275 с.

Братерский, М. В. Экономические инструменты внешней политики и политические риски / М. В. Братерский. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. – 230, [1] с.: ил.

Бьюкенен, П. Дж. Смерть Запада / Патрик Дж. Бьюкенен ; [пер. с англ. А. Башкирова]. – Москва : АСТ ; Санкт-Петербург : Terra Fantastica, 2003. – 443 [1] с. – (Великие противостояния. Америка против Америки).

Василенко, И. А. Политические переговоры : учеб. пособие / И. А. Василенко. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : ИНФРА-М, 2010. – 394, [1] с. – (Высшее образование).

Василенко, И. А. Политические переговоры: учеб. пособие / И. А. Василенко. – Москва : Гардарики, 2006. – 271 с. – (Disciplinae).

Василенко, И. А. Современная российская политика : учебник для магистров / И. А. Василенко ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – Москва : Юрайт, 2014. – 487, [1] с.: табл. – (Магистр). – (УМО ВО рекомендует).

Вирен, Г. В. Современные медиа : Приемы информационных войн / Георгий Вирен. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 126 с.

Власть в русской языковой и этнической картине мира / С. В. Ермаков, И. Е. Ким, Т. В. Михайлова и др. – Москва : Языки славян. культуры, 2004. – 408 с.

Внешняя политика России: теория и практика : учебное пособие / [О. Д. Абрамова и др. ; отв. ред. В. С. Буянов] ; Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва : Кн. и бизнес, 2013. – 542, [1] с.

Воеводин, А. И. Стратегемы – стратегии войны, манипуляции, обмана / А. И. Воеводин. – Красноярск : КЛАРЕТИАНУМ], 2000. – 215 с.: рис.

Галумов, Э. А. Основы PR : учебник/ Э. Галумов. – Москва : Летопись XXI, 2004. – 407 с.: ил.

Гриняев, С. Н. Интеллектуальное противодействие информационному оружию / С. Н. Гриняев. – Москва : СИНТЕГ, 1999. – 232 с. – (Информатизация России на пороге XXI века).

Доценко, Е. Л. Психология манипуляции : феномены, механизмы и защита / Е. Л. Доценко. – 3-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 294 с. – (Психологический практикум).

Евгеньева, Т. В. Технологии социальных манипуляций и методы противодействия им : [спекурс по полит. психологии] / Т. В. Евгеньева ; Нац. ин-т «Высш. шк. упр.». – Санкт-Петербург [и др.] : Питер, 2007. – 112 с.: ил. – (Школа национального лидера).

Елишев, С. О. Молодежь как объект социализации и манипуляции / С. О. Елишев. – 2-е изд., с изм. и доп. – Москва : Канон+, 2015. – 319 с.

Ерофеева, И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре : (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века) / И. В. Ерофеева ; М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Забайкал. гос. гуманитар.-пед. ун-т им. Н. Г. Чернышевского. – Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2009. – 339, [1] с.

Зенгер, Х. фон. Стратагемы: о кит. искусстве жить и выживать : впервые полн. соврем. прочтение всех 36 знаменитых стратагем, истин. воплощения 3000-летней мудрости : [в 2 т.] : пер. с нем. / Харро фон Зенгер. – Москва : Эксмо, 2004. – Т. 1: стратагемы 1-18 / пер. А. В. Дыбо ; общ. ред., вступ. ст. и коммент. В. С. Мясникова. – 2004. – 515 с.

Зенгер, Х. фон. Стратагемы: о кит. искусстве жить и выживать : впервые полн. соврем. прочтение всех 36 знаменитых стратагем, истин. воплощения 3000-летней мудрости : [в 2 т.] : пер. с нем. / Харро фон Зенгер. – Москва : Эксмо, 2004. – Т. 2: стратагемы 19-36 / пер., коммент. А. Д. Гарькавого ; предисл. В. С. Мясникова. – 2004. – 1023 с.

Зенгер, Х. фон. Стратагемы: о китайском искусстве жить и выживать : знаменитые 36 стратагем за три тысячелетия / Харро фон Зенгер ; пер. с нем. А. В. Дыбо ; Общая ред., вступ. ст. и коммент. В. С. Мясникова. – Москва : Изд. группа «Прогресс» : Культура, 1995. – 380 с.: ил.

Ивахин, А. Е. Китай : основы китайской философии и психологии при принятии оперативных решений по вопросам внутренней и внешней политики КНР / А. Е. Ивахин, П. Я. Прыгунов. – Киев : Дакор, 2011. – 223 с.

Ильин, И. В. Теория и практика политической глобалистики / И. В. Ильин, О. Г. Леонова, А. С. Розанов ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. глобальных процессов, Каф. глобалистики. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 2013. – 294, [1] с., [4] л. ил.: ил. – (Основы глобалистики. Политическое измерение).

Имидж России : концепция национального и территориального брендинга / [И. А. Василенко и др.] ; под ред. проф. И. А. Василенко ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. политологии, Каф. рос. политики. – Москва : Экономика, 2012. – 221, [1] с.: ил.

Имиджевая стратегия России в контексте мирового опыта / [И. А. Василенко и др.] ; под ред. И. А. Василенко ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Фак. политологии, Каф. рос. политики. – Москва : Междунар. отношения, 2013. – 358, [1] с.: ил.

Кайзер, Н. Ю. Трансформация образов России в общественном мнении населения провинциального региона РФ: (по материалам социологических исследований в Алтайском крае) : автореф. дис. на со-

иск. учен. степ. канд. социол. наук / Кайзер Наталья Юрьевна ; [Алт. гос. ун-т]. – Барнаул: [б. и.], 2010. – 18 с.: ил.

Кара-Мурза, С. Г. Власть манипуляции / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Акад. проект, 2007. – 380 с. – (Социально-политические технологии).

Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием – 2 / Сергей Кара-Мурза, Сергей Смирнов. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2009. – 526, [1] с. – (Политический бестселлер).

Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / С. Г. Кара-Мурза. – Москва : Алгоритм, 2000. – 734 с. – (История России. Современный взгляд).

Кара-Мурза, С. Г. Манипуляция сознанием / Сергей Кара-Мурза. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2006. – 831 с. – (Политический бестселлер).

Кара-Мурза, С. Г. Революции на экспорт / Сергей Кара-Мурза. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2006. – 525 с. – (Политический бестселлер).

Карякин, В. В. Геополитика третьей волны : трансформация мира в эпоху Постмодерна / Карякин В. В. – Москва : Граница, 2013. – 431 с.: ил., табл

Кемаль, А. Кибервойна : как Россия манипулирует миром / Андрей Кемаль. – Москва : Алгоритм, 2015. – 206, [1] с. – (Военный обозреватель).

Киссинджер, Г. А. Дипломатия / Генри Киссинджер ; [пер. с англ. В. В. Львова ; послесл. Г. А. Арбатова ; науч. ред. А. А. Сидоров]. – Москва : Ладомир, 1997. – 848 с.: ил., портр., карты.

Киссинджер, Г. А. Нужна ли Америке внешняя политика? : к дипломатии для XXI в. / Генри Киссинджер ; пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева ; Центр исслед. постиндустр. о-ва, Журн. «Свободная мысль». – Москва : Ладомир, 2002. – 350, [1] с. – Пер.изд.: Kissinger, Henry Does America need a foreign policy?

Киссинджер, Г. А. О Китае / Генри Киссинджер ; [пер. с англ. В. Н. Верченко]. – Москва : АСТ, 2014. – 635 с.

Киссинджер, Г. А. Понять Путина. Политика здравого смысла : [перевод] / Генри Киссинджер. – Москва : Алгоритм, 2015. – 205, [2] с. – (Проект Путин).

Клачков, П. В. Гуманитарные технологии и целостность государства / П. В. Клачков, С. А. Подъяпольский. – Москва : URSS : ЛЕНАНД, 2015. – 518 с.

Козулин, В. Н. Россия и Запад. Очерки истории взаимодействия культур / В. Н. Козулин ; М-во образования и науки РФ, Алт. гос. ун-т. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2015. – 147, [2] с.

Козулин, В. Н. Россия и Запад: история взаимовосприятия: учеб. пособие / В. Н. Козулин ; М-во образования и науки РФ, Алт. гос. ун-т, Ист. фак. – [2-е изд., доп. и перераб.]. – Барнаул : Изд-во Алт. гос. ун-та, 2016. – 145 с.: ил.

Коростовец, И. Я. Китайцы и их цивилизация : религии и суеверия, японо-китайская война (1894–1895)/ И. Я. Коростовец. – Изд. 2-е. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2015. – С. 449-625, [1], III. – (Академия фундаментальных исследований: история).

Кубышкин, А. И. Публичная дипломатия США : учеб. пособие для студентов/ А. И. Кубышкин, Н. А. Цветкова. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 269, [1] с.

Лиддел Гарт, Б. Г. Вторая мировая война / Лиддел Гарт Базил Г. ; [сост. С. Переслегин, Р. Исмаилов ; пер. с англ. В. Борисова и др. ; под общ. ред. С. Переслегина]. – Москва : АСТ; СПб.: Terra fantastica, 1999. – 941 с. – (Военно-историческая библиотека).

Лиддел-Гарт, Б. Г. Решающие войны в истории / сэръ Бэзил Лиддел-Гарт ; [пер. с англ. А. А. Цыпленкова]. – Москва : Центрполиграф, 2012. – 285, [2] с.: карты. – Пер.изд.: Liddell Hart, Basil The decisive wars of history.

Лукин, А. В. Возвышающийся Китай и будущее России : работы о Китае и российско-китайских отношениях : [сб. ст.] / А. В. Лукин. – Москва: Междунар. отношения, 2015. – 789, [1] с.: ил.

Лукьянов, А. Е. Лаоцзы : (философия раннего даосизма)/ А. Е. Лукьянов. – Москва : Изд-во Ун-та дружбы народов, 1991. – 163, [1] с.: ил.

Лутовинов, В. И. Военная политика Российской Федерации в условиях глобализации : учеб. пособие/ В. И. Лутовинов, Ю. Н. Мотин ; под общ. ред. С. В. Смутьского ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Москва : Изд-во РАГС, 2009. – 161, [1] с.

Международные отношения России в «новых политических пространствах» : космос, приполярные зоны, воздушные и морские пространства, глобальная информ. сфера / [А. Д. Богатуров и др.] ; Ин-т проблем междунар. безопасности РАН. – Москва : URSS: ЛЕНАНД, 2011. – 268 с. – (Новые тенденции и явления в мировой политике).

Мировые финансово-экономические кризисы и глобальное латентное управление миром : материалы постоянно действующего научного семинара / [науч. рук. С. Сулакшин]. – Москва : Науч. эксперт, 2011. – 168 с.: ил. – (Семинар «Россия и человечество: проблемы миростроительства» / Центр проблем. анализа и гос.-управленч. проектирования ; вып. 3).

Мюнклер, Г. Империи: логика господства над миром : от Древнего Рима до США / Герффрид Мюнклер ; [пер. с нем. Л. В. Ланника ; ком-

мент. и вступ. ст. Л. В. Ланника]. – Москва : Кучково поле, 2015. – 398, [1] с.: карты. – (Геополитический ракурс). – Пер.изд.: Munkler, Herfried Imregien.

Назаретян, А. П. Агрессивная толпа, массовая паника, слухи : лекции по соц. и полит. психологии : [учеб. пособие для вузов] / А.П. Назаретян. – Санкт-Петербург и др. : Питер, 2003. – 189 с.: ил.

Най, Дж. С. Будущее власти : [как стратегия умной силы меняет XXI век] / Джозеф С. Най ; [пер. с англ. В. Н. Верченко]. – Москва : АСТ, 2014. – 444 с. – (Политика). – В вып. дан. авт.: Най С. Джозеф (младший).

Нартов, Н. А. Геополитика: учеб. для студентов / Н. А. Нартов, В. Н. Нартов ; под ред. В. И. Старовойрова. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва : ЮНИТИ, 2013. – 638, [1] с.: ил. – (Золотой фонд российских учебников).

Национальная безопасность Российской Федерации / М-во образования и науки Рос. Федерации, Федер. агентство по образованию, Акад. нац. безопасности, обороны и правопорядка (ин-т), Алт. фил. ; [сост. В. Л. Зайченко, Б. М. Редин ; под ред. В. Л. Зайченко]. – Барнаул. – (Правовая база национальной безопасности Российской Федерации). – Кн. 2: Система безопасности Российской Федерации : [сб. информ. материалов]. – 2008. – 273, [1] с.

Основы военной политики и обеспечения военной безопасности Российской Федерации: учеб. пособие/ [В. С. Волошко, В. И. Лутовинов, Ю. Н. Мотин] ; под общ. ред. А. А. Прохожева ; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Изд. 2-е, стер. – Москва : Изд-во РАГС, 2008. – 180, [1] с.

Панарин, И. Н. Информационная война и коммуникации / И. Н. Панарин. – Москва : Горячая линия-Телеком, 2014. – 236 с.

Подберезкин, А. И. Вероятный сценарий развития международной обстановки после 2021 года / А. И. Подберезкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Центр воен.-полит. исслед. МГИМО (У) МИД России и ОАО «Концерн ПВО «Алмаз-Антей». – Москва : МГИМО-Университет, 2015. – 325 с.: ил.

Поликарпов, В. С. Загадка Генри Киссинджера : почему его слушает Путин? / Виталий Поликарпов. – Москва : Алгоритм, 2015. – 237, [2] с. – (Гроссмейстеры тайной войны).

Пономарев, Н. Ф. Политические коммуникации и манипуляции : [учеб. пособие] / Н. Ф. Пономарев. – Москва : Аспект Пресс, 2007. – 126, [2] с.

Почепцов, Г. Г. Информационные войны / Георгий Почепцов. – Москва : Алгоритм, 2015. – 254, [1] с. – (Манипуляция сознанием).

Рейнгольд, Г. Умная толпа: новая соц. революция : [пер. с англ.] / Говард Рейнгольд. – Москва : Гранд: ФАИР-пресс, 2006. – 415 с. – Пер.изд.: Rheingold, Howard Smart mobs. – 2002.

Реклама: внушение и манипуляция : медиа-ориентир. подход : [учеб. пособие для фак. психологии, социологии, экономики и журналистики / ред.-сост. Д. Я. Райгородский]. – Самара : Изд. Дом «Бахрах-М», 2001. – 746 с.

Рогозина, И. В. Медиа-картина мира : когнитивно-семиотический аспект / И. В. Рогозина ; Ин-т языкознания Рос. акад. наук, М-во образования Рос. Федерации, Алт. гос. техн. ун-т им. И.И. Ползунова. – Москва ; Барнаул : Изд-во АлтГТУ, 2003. – 290 с.: ил.

Россия: стратегия достоинства : имидж и реальность страны, информ. технологии и кризис. ситуации / под ред. С. Е. Кургияна, А. П. Ситникова. – Москва : Консалтинговая группа «ИМИДЖ-Контакт», 2001. – 399 с. – (Информационно-гуманитарная акция «Открытая Россия»).

Современная мировая политика: прикладной анализ : учебное пособие для студентов / [А. А. Байков и др.] ; под ред. д-ра полит. наук А. Д. Богатурова ; Науч.-образоват. форум по междунар. отношениям, Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, Каф. прикладного анализа междунар. проблем. – Москва : Аспект Пресс, 2009. – 589, [1] с. – (Региональная библиотека международника).

Современные международные отношения и внешняя политика России : Материалы конф. молодых ученых, посвящ. 10-летию фак. междунар. отношений, 2-5 марта 2004 г. / С.-Петерб. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений ; [науч. ред. Ю.Г. Акимов, А.А. Сотниченко]. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2004. – 242 с.

Станет ли XXI век веком Китая? Манковские дискуссии о роли Китая : Генри Киссинджер и Фарид Закария против Найла Фергюсона и Дэвида Даокуя Ли / [пер. с англ. В. Н. Верченко]. – Москва : АСТ, 2013. – 190, [1] с. – (Neoclassic).

Стариков, А. Г. Масс-медиа современной России: учеб. пособие / А. Г. Стариков. – Ростов н/Д : Феникс, 2013. – 250 с.: ил. – (Высшее образование).

Тайный канон Китая / [сост.], перевод и исследования Владимир Малявин. – Москва : РИПОЛ классик, 2015. – 302, [1] с. – (PRO власть).

Тоффлер, Э. Война и антивоина: что такое война и как с ней бороться : как выжить на рассвете XXI в. : [пер. с англ.] / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. – Москва : АСТ: Транзиткнига, 2005. – 412, [1] с. – (Philosophy).

Тоффлер, Э. Метаморфозы власти : знание, богатство и сила на пороге XXI века : [пер. с англ.] / Элвин Тоффлер. – Москва : АСТ, 2003. – 670 с. – (Philosophy).

Тоффлер, Э. Шок будущего: [пер. с англ.] / Элвин Тоффлер. – Москва : АСТ : АСТ МОСКВА, 2008. – 557, [2] с.

Тридцать шесть стратагем : Кит. секреты успеха / пер. с кит. В. В. Малявина. – Москва : Белые альвы, 2000. – 188 с.: ил. – (Бестселлер в Китае и Америке).

Тузиков, А. Р. Основы геополитики: учеб. пособие для студентов вузов / А. Р. Тузиков. – 2-е изд., стер. – Москва : КноРус, 2013. – 269, [2] с.

Фельдман, Д. М. Терминология власти : совет. полит. термины в ист.-культур. контексте / Д. М. Фельдман ; [отв. ред. О. И. Киянская] ; Рос. гос. гуманитар. ун-т. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2006. – 486 с.

Филимонов, Г. Ю. Культурно-информационные механизмы внешней политики США : истоки и новая реальность / Георгий Филимонов. – Москва : Рос. ун-т дружбы народов, 2012. – 405 с.

Фронтин, С. Ю. Стратегемы. Военные хитрости : пер. с латин. / Секст Юлий Фронтин. – Москва : Белые альвы, 2003. – 160 с. – (Вне-временной бестселлер).

Фурс, В. Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / В. Н. Фурс. – Минск : Экономпресс, 2000. – 223 с.

Хабермас, Ю. Ах, Европа : небольшие политические сочинения, XI / Юрген Хабермас ; [пер. с нем. Б. М. Скуратова]. – Москва : Весь Мир, 2012. – 155 с. – (Тема

Хабермас, Ю. Вовлечение другого : очерки полит. теории / Хабермас Юрген ; пер. с нем. Ю. С. Медведева ; под ред. Д. В. Складнева ; [вступ. ст. Б. Маркова]. – Санкт-Петербург : Наука, 2001. – 418 с., [1] л. портр. – (Слово о сущем).

Хабермас, Ю. Диалектика секуляризации: о разуме и религии : [пер. с нем.] / Юрген Хабермас, Йозеф (Бенедикт XVI) Ратцингер. – Москва : Библейс.-богосл. ин-т св. апостола Андрея, 2006. – 112 с. – (Современное богословие). – Пер.изд.: Habermas, Jurgen Dialektik der Sakularisierung/ Jurgen Habermas, Joseph Ratzinger. – Freiburg.

Хабермас, Ю. Между натурализмом и религией : философские статьи / Юрген Хабермас ; [пер. с нем.: М. Б. Скуратов]. – Москва : Весь Мир, 2011. – 331 с. – (Тема).

Хабермас, Ю. Политические работы / Юрген Хабермас ; [пер. с нем. Б. М. Скуратова ; сост. А.В. Денежкин]. – Москва : Практис, 2005. – 361, [1] с. – (Новая наука политики).

Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне : пер. с нем. / Юрген Хабермас ; [науч. ред. и авт. послесл. Е.Л. Петренко]. – Москва : Весь Мир, 2003. – 415 с. – (Тема).

Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / Самюэль Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – Москва : АСТ, 2015. – 571, [2] с.: ил. – (Политика).

Хауер-Тюкаркина, О. М. Аспекты формирования внешнеполитической имиджевой стратегии современной ФРГ / Ольга Хауер-Тюкаркина. – Владимир : Транзит-Икс, 2013. – 178, [1] с.: ил

Хрестоматия нового обществоведения / [сост. Никитина В.В.]. – Москва : Науч. эксперт, 2014. – 755, [1] с.: ил., портр.

Цыганов, В. В. Информационные войны в бизнесе и политике : теория и методология / В. В. Цыганов, С. Н. Бухарин. – Москва : Акад. проект, 2007. – 335 с. – (Социально-политические технологии).

Ширяев, Б. А. Внешняя политика США: принципы, механизмы, методы : курс лекций / Б. А. Ширяев ; С.-Петербур. гос. ун-т, Фак. междунар. отношений. – 2-е изд. – Санкт-Петербург : Изд-во СПбГУ, 2007. – 441, [1] с.

Шишкина, О. В. Внешнеполитические ресурсы. Россия и ЕС на пространстве «общего соседства» / О. В. Шишкина ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. – Москва : Аспект Пресс, 2013. – 156, [1] с.: ил. – (Постсоветские и восточноевропейские исследования; 1).

Шпенглер, О. Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории : [в 2 т.] / Освальд Шпенглер ; [пер. с нем. И. И. Маханькова]. – Москва : Акад. проект, 2009. – (Социокультурные технологии). – Т. 1: Образ и действительность. – 2009. – 648 с.: ил. – Пер.изд.: Spengler, Oswald Der Untergang des Abendlandes. – München, 1923.

Шпенглер, О. Закат Западного мира: очерки морфологии мировой истории : [в 2 т.] / Освальд Шпенглер ; [пер. с нем. И. И. Маханькова]. – Москва : Акад. проект, 2009. – (Социокультурные технологии). – Т. 2: Всемирно-исторические перспективы. – 2009. – 764 с.: ил. – Пер.изд.: Spengler, Oswald Der Untergang des Abendlandes. – München, 1922.

Диссертации

Бояркина, А. В. «Мягкая сила» как политический инструмент реализации внешней политики КНР на рубеже XX–XXI вв.: дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук / А. В. Бояркина ; [Место защиты: Дальневосточный федеральный университет]. – Владивосток, 2015. – 223 с.

Опенько, Е. В. От традиционной дипломатии к использованию «мягкой силы» (на примере американо-европейских отношений в 50 годы XX века) [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Е. В. Опенько ; Национальный исследовательский Томский государственный университет. – Томск-2012. – URL: <http://cheloveknauka.com/ot-traditsionnoy-diplomatii-k-ispolzovaniyu-myagkoj-sily> (дата обращения: 30.03.2017).

Панова, Е. П. «Мягкая власть» как способ воздействия в мировой политике [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. полит. наук / Е. П. Панова ; науч. рук М. М. Лебедева. – Москва, 2012. – URL: <http://rudocs.exdat.com/docs2/index-593405.html> (дата обращения: 30.03.2017).

Регзенова, Д. Б.-О. Исторический опыт стратагемности и принципа «мягкой силы» в социально-экономических реформах Китая [Электронный ресурс] : автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук / Д. Б.-О. Регзенова ; Бурятский государственный университет. – Улан-Удэ, 2012. – URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-kandidatskih-dissertatsii/1366.php> (дата обращения: 30.03.2017).

Филимонов, Г. Ю. Роль «мягкой силы» во внешней политике США [Электронный ресурс] : дис. на соиск. учен. степ. док. полит. наук / Г. Ю. Филимонов. – Москва, 2013. – 422 с. – URL: <http://www.dissercat.com/content/rol-myagkoi-sily-vo-vneshnei-politike-ssha> (дата обращения: 30.03.2017).

Нет в АКУНБ

Най, Дж. С. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике / Джозеф С. Най. – Нью-Йорк : Паблик афферз, 2004.

Лиддел Гарт, Б. Х. Стратегия непрямых действий. – Москва : Иностр. лит., 1957.

Статьи из периодических изданий из фондов АКУНБ им. В. Я. Шишкова

Аватков, В. А. Перспективы становления Турции как ведущего игрока на африканском континенте / В. А. Аватков, Ю. О. Томилова // Вестник МГИМО-Университета. – 2013. – № 4. – С. 227-233.

Алиев, З. Формирование нового имиджа России «мягкой силой» / З. Алиев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 4. – С. 51-60.

Алиева, А. И. кызы. «Мягкая сила» в современной внешней политике Турции / А. И. кызы Алиева // Вестник Московского университе-

та. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 63-94.

Алхименков, М. А. Социальные сети и современная интернет-дипломатия США / М. А. Алхименков // США. Канада. Экономика – политика – культура. – 2014. – № 11. – С. 52-66.

Антонов, И. Китай: пятое поколение власти / И. Антонов // Международная жизнь. – 2012. – № 12. – С. 84-92.

Арин, О. А. От Сунь Цзы до Джозефа Ная / О. А. Арин // Азия и Африка сегодня. – 2013. – № 5 (670). – С. 55-61: табл.; фот.

Астахов, Е. М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «мягкой силы» / Е. М. Астахов // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 1. – С. 45-53.

Барсенков, А. С. Продвижение правозащитной проблематики как элемент «мягкого» воздействия стран Запада на государства соцлагеря в годы «холодной войны» / А. С. Барсенков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 20-39.

Бойков, А. А. «Мягкая мощь» Европейского союза в глобальном силовом равновесии: евро-российский трек / А. А. Бойков // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 36-46.

Боришполец, К. П. Публичная дипломатия на пространстве ЕАЭС: осмысление феномена и тенденций развития / К. П. Боришполец // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 5. – С. 42-55.

Будаев, А. «Мягкая сила» во внешней политике Бразилии / А. Будаев // Международная жизнь. – 2014. – № 5. – С. 22-31.

Будаев, А. В. Присутствие России в Бразилии: «мягкая сила» в двусторонних отношениях / А. В. Будаев // Латинская Америка. – 2013. – № 5. – С. 61-65.

Будаев, А. Российское председательство в БРИКС : формирование стратегии «мягкой силы» / А. Будаев // Международная жизнь. – 2015. – № 8. – С. 46-56.

Бурматов, В. В. Уникальна ли «мягкая сила» для демократического общества? / В. В. Бурматов // Власть. – 2012. – № 11. – С. 9-13.

Воинов, Д. Е. «Мягкая сила» игр «Сочи-2014» и зарубежные медиа: анализ политико-информационного фона российской олимпиады / Д. Е. Воинов // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2015. – Т. 7, № 2. – С. 155-181.

Габуев, А. Пиарова победа / А. Габуев, авт. П. Тарасенко // Коммерсантъ-Власть. – 2012. – № 14. – С. 26-28.

Громько, А. А. «Мягкая сила» и сила права : к постановке проблемы / А. А. Громько // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 3-19.

Демидов, А. В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» / А. В. Демидов // Международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 231-235.

К вопросу об актуальных инструментах «мягкой силы» / Р. Н. Школин [и др.] // Российский следователь. – 2015. – № 12. – С. 42-46.

Капицын, В. М. Космополитизм – компонент «мягкой силы» и глобального управления / В. М. Капицын // Обозреватель=Observer. – 2009. – № 10. – С. 70-79.

Карпович, О. Г. «Мягкая сила» в глобальных координатах внешней политики США / О. Г. Карпович // Право и политика. – 2013. – № 10 (166). – С. 1295-1297.

Косачев, К. Ретрансляция ценностей : Грузия как геополитический магазин на диване / К. Косачев // Россия в глобальной политике. – 2012. – № 5. – С. 77-84.

Косачев, К. «Против России действуют осознанно и целенаправленно, но на это нельзя обижаться» / К. Косачев // Коммерсантъ Власть. – 2012. – № 14. – С. 22-23.

Костырев, А. Г. «Разумная сила», общественная дипломатия и социальные сети как факторы международной политики / А. Г. Костырев // Полис: Политические исследования. – 2013. – № 2. – С. 143-149.

Кочетков, В. В. Идентичность как источник «мягкой силы» Китая / В. В. Кочетков, авт. Е. Н. Грачиков // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 3. – С. 40-62.

Кошель, А. С. Мягкая сила как инструмент гуманитарного сотрудничества государств на Евразийском пространстве / А. С. Кошель // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2015. – № 2. – С. 160-172.

Кулькова, О. С. Проблематика «мягкой силы» и культурной дипломатии в политическом дискурсе современной Великобритании : поиск ориентиров в эпоху перемен / О. С. Кулькова // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 1. – С. 101-138.

Лачина, Е. В. «Корейская волна» как проявление «мягкой силы» / Е. В. Лачина // Проблемы Дальнего Востока. – 2014. – № 2. – С. 147-155.

Лебедева, М. М. «Мягкая сила» России в развитии интеграционных процессов на евразийском пространстве / М. М. Лебедева, М. В. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 10-13.

Лебедева, О. Особенности института публичной дипломатии в России / О. Лебедева // *Международная жизнь*. – 2015. – № 6. – С. 41-55.

Леонов, Е. С. Истоки формирования германо-американских отношений как партнерства неравных / Е. С. Леонов // *Вестник МГИМО-Университета*. – 2015. – № 6. – С. 15-22.

Леонов, Е. Современная Германия в фарватере концепции глобального лидерства США / Е. Леонов // *Международная жизнь*. – 2015. – № 6. – С. 136-146.

Леонова, О. Г. «Мягкая сила»: инструменты и коэффициенты влияния / О. Г. Леонова // *Обозреватель*. – 2014. – № 3. – С. 18-28.

Леонова, О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О. Г. Леонова // *Обозреватель*. – 2013. – № 4. – С. 27-40.

Лепешкин, В. А. «Мягкая сила» российского туризма / В. А. Лепешкин // *Федерализм*. – 2014. – № 3. – С. 35-44.

Ли Ся «Гуандунский утренний чай» и «мягкая сила» / Ли Ся // *Китай*. – 2015. – № 8. – С. 72: 1 рис.

Макарычев, А. С. «Мягкая сила» в действии : Германия и Калининград / А. С. Макарычев, А. А. Сергунин // *Россия и современный мир*. – 2013. – № 1. – С. 73-89.

Максимова, Е. А. «Мягкая сила» России как способ расширения ее политического влияния / Е. А. Максимова // *Вестник Московского государственного лингвистического университета*. – 2013. – Вып. 24 (684): Исторические и политические науки. – С. 155-159.

Манойло, А. «Мягкая сила» террористов / А. Манойло // *Стратегия России*. – 2016. – № 5 (149). – С. 51-60.

Марчуков, А. «Публичная дипломатия 2.0» во внешней политике Российской Федерации : проблемы и перспективы развития / А. Н. Марчуков // *Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика*. – 2014. – № 3. – С. 95-114.

Михалев, А. В. «Мягкая сила» современной Монголии и приграничные регионы России / А. В. Михалев // *Россия и современный мир*. – 2014. – № 1. – С. 93-101.

«Мягкая сила» / сост. С. Муравьев // *Российская Федерация сегодня*. – 2012. – № 17. – С. 7.

Най, Дж. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения / Дж. Най // *Свободная мысль-XXI*. – 2004. – № 10. – С. 33-41.

Наумов, А. «Мягкая сила» и «умная сила»: внешнеполитический опыт США / А. Наумов // *Стратегия России*. – 2016. – № 1 (145). – С. 57-64.

Наумов, А. «Мягкая сила» и «умная сила»: внешнеполитический опыт США / А. Наумов // *Стратегия России*. – 2016. – № 2 (146). – С. 65-76. – Окончание, начало в № 1(145).

Никитина, Ю. А. Российский подход к продвижению «мягкой силы» в сфере внешней политики / Ю. А. Никитина // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 30-35.

Образ России: дефицит «мягкой силы» : круглый стол журнала «Полис» и РАПН // Полис: Политические исследования. – 2013. – № 4. – С. 88-99.

Пантелеев, Е. Внешняя политика и инновационная дипломатия / Е. Пантелеев // Международная жизнь. – 2012. – № 12. – С. 37-44.

Паршин, П. Б. Два понимания «мягкой силы» : предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 14-21.

Петровский, В. «Мягкая сила» по-русски в поисках точки опоры / В. Петровский // Международная жизнь. – 2013. – № 7. – С. 72-84.

Подберезкин, А. И. Жесткий фактор «мягкой силы» / А. И. Подберезкин ; беседовал А. Вафин // Российская Федерация сегодня. – 2014. – № 6. – С. 22-23: цв. фото.

Пономарева, Е. Г. Секреты «цветных революций» : современные технологии смены политических режимов / Е. Г. Пономарева // Свободная мысль. – 2012. – № 3/4 (1632). – С. 43-59. – Продолж. Начало в № 1/2.

Пономарева, Е. Г. «Мягкая сила» как интеграционный ресурс России на евразийском пространстве / Е. Г. Пономарева, Г. А. Рудов // Обозреватель. – 2015. – № 11 (310). – С. 59-73.

Пономарева, Е. Г. «Цветные революции» : природа, символы, технологии / Е. Г. Пономарева, авт. Г. А. Рудов // Обозреватель-Observer. – 2012. – № 3. – С. 36-48.

Привалов, А. О русском языке и мягкой силе / А. Привалов // Эксперт. – 2014. – № 40. – С. 9.

Путин, В. В. «Нужно активнее влиять на ситуацию там, где напрямую затрагиваются российские интересы, действовать на упреждение, быть готовыми к любому варианту развития обстановки...» : выступление на Советании послов и постоянных представителей РФ при международных организациях / В. В. Путин // Международная жизнь. – 2012. – № 7. – С. 1-8.

Радиков, И. В. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы / И. В. Радиков, авт. Я. В. Лексюткина // Мировая экономика и международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 19-26.

Родионов, В. А. Факторы «мягкой силы» во внешней политике России в отношении Монголии / В. А. Родионов // Преподавание истории в школе. – 2013. – № 5. – С. 39-43.

Россотрудничество – уникальный канал «мягкой силы» //Международная экономика. – 2012. – № 11. – С. 17-18.

Русакова, О. Ф. «Мягкая сила» и «умная власть» : концептуальный анализ / О. Ф. Русакова, Д. М. Ковалева // Социум и власть. – 2013. – № 3. – С. 15-19.

Смирнов, А. А. Административно-правовой статус Россотрудничества как ключевого субъекта реализации «мягкой силы» / А. А. Смирнов // Административное право и процесс. – 2014. – № 2. – С. 39-41.

Смирнов, Н. «Мягкая сила» молодежи в действии / Н. Смирнов // Международная жизнь. – 2013. – № 12. – С. 112-116.

Соловьев, Э. Г. Трансформации американской геополитической мысли : неоконсервативное влияние или возврат к реализму? / Э. Г. Соловьев // Свободная мысль. – 2013. – № 5 (1641). – С. 89-102.

Тонконогов, А. В. Псевдогосударства как акторы современной глокализации / А. В. Тонконогов // Социально-гуманитарные знания. – 2015. – № 6. – С. 59-73.

Урнов, М. Ю. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы / М. Ю. Урнов // Общественные науки и современность. – 2014. – № 4. – С. 46-58: табл.

Урнов, М. Ю. Россия: виртуальные и реальные политические перспективы / М. Ю. Урнов // Общественные науки и современность. – 2014. – № 5. – С. 114-129: табл. – Окончание. Начало: № 4.

Устинкин, С. В. Круглый стол «Актуальные проблемы обеспечения евразийской безопасности» / С. В. Устинкин // Власть. – 2014. – № 12. – С. 216-219.

Филимонов, Г. Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «мягкой силы» / Г. Ю. Филимонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – № 1. – С. 67-82.

Филимонов, Г. Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации / Г. Ю. Филимонов // Международные отношения. – 2014. – № 1. – С. 104–107

Филимонов, Г. Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации / Г. Ю. Филимонов // Закон и право. – 2013. – № 9. – С. 9-18.

Харбих, С. К. Региональная держава как структурный элемент глобального мира / С. К. Харбих // Социально-гуманитарные знания. – 2012. – № 3. – С. 334-340.

Харитонов, Е. М. Эффективность «мягкой силы» : проблема оценки / Е. М. Харитонов // Мировая экономика и международные отношения. – 2015. – № 6. – С. 48-58.

Харкевич, М. В. «Мягкая сила» : политическое использование научной концепции / М. В. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 22-29.

Цзя Сюдун. «Жесткая цель» «мягких прорывов» Японии / Цзя Сюдун // Китай. – 2013. – № 9. – С. 4: 1 рис.

Швыдко, В. Г. «Умная сила» на транстихоокеанском пространстве безопасности и сотрудничества / В. Г. Швыдко // Мировая экономика и международные отношения. – 2014. – № 9. – С. 5-15.

Шестопал, А. В. «Мягкая сила» России в Евразии / А. В. Шестопал // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2. – С. 218-220.

Штоль, В. В. «Мягкая сила» : репертуар жанра или от слов к делу / рец. В. В. Штоль // Обозреватель-Observer. – 2015. – № 5 (304). – С. 112-123. – Рец. на кн.: Безруков, М. П. Энциклопедия гербов и флагов / М. П. Безруков, А. Е. Туровский. – Тула : Гриф и К., 2013. – 410 с.; Безруков, М. П. Награды государств мира / М. П. Безруков, А. Е. Туровский. – Тула : Гриф и К., 2013. – 404 с.; Безруков, М. П. Награды с ликами святых / М. П. Безруков, А. Е. Туровский. – Тула : Аквариус, 2014. – 504 с.; Безруков, М. П. 1914–1918. За верность Отечеству. Награды Великой войны / М. П. Безруков, А. Е. Туровский. – Тула : Аквариус, 2014. – 368 с.; Безруков, М. П. Путеводитель Побед / М. П. Безруков, А. Е. Туровский. – Тула : Аквариус, 2015. – 544 с.; Туровский, А. Е. Небесные покровители государств мира / А. Е. Туровский. – Тула : Гриф и К., 2011. – 400 с.

Юдин, Н. В. Жесткий взгляд на «мягкую силу» : критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» / рец. Н. В. Юдин // Вестник Московского университета: Серия 25: Международные отношения и мировая политика. – 2014. – № 2. – С. 134-163.

Ягья, В. Институт Конфуция как фактор «мягкой силы» во внешней политике КНР в XXI веке / В. Ягья, Л. Минфу // Международная жизнь. – 2015. – № 7. – С. 84-93.

Ягья, В. С. Научное сотрудничество – форма и метод публичной дипломатии / В. С. Ягья, авт. Е. Г. Пономарева // Обозреватель-Observer. – 2015. – № 8 (307). – С. 69-82.

Якоба, И. А. «Мягкая сила» в современной политике и дискурсивной технологии / И. А. Якоба // Социологические исследования. – 2014. – № 12. – С. 65-73.

Статьи из научных электронных библиотек «Киберленинка» и «eLIBRARY.RU»

Абрамов, В. А. Императивный потенциал «Мягкой силы» в стратегиях внутреннего и внешнего развития КНР / В. А. Абрамов // Вестник Забайкальского государственного университета. – 2010. – № 3. – С. 8-15.

Акерман, Г. Научные кластеры как компоненты мягкой силы / Г. Акерман // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 4. – С. 117-121.

Алиев, З. Т. Формирование нового имиджа России «Мягкой силой» / З. Т. Алиев // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2010. – № 4. – С. 51-60.

Асадов, Б. Р. Международная молодежная дипломатия как инструмент формирования имиджа страны в современных условиях / Б. Р. Асадов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – № 1. – С. 102-107.

Астахов, Е. М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «Мягкой силы» / Е. М. Астахов // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 1 (34). – С. 45-53.

Бобыло, А. М. «Мягкая сила» в международной политике: особенности национальных стратегий / А. М. Бобыло // Вестник Бурятского государственного университета. – 2013. – № 14. – С. 129-135.

Бобыло, А. М. Национальные стратегии «Мягкой силы» во внешней политике США, КНР и Российской Федерации: основные направления и особенности регионального развития / А. М. Бобыло // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2015. – № 3 (33). – С. 31-39.

Бобыло, А. М. «Мягкая сила» России: азиатско-тихоокеанский вектор / А. М. Бобыло, С. В. Севастьянов // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2016. – № 4 (39). – С. 75-85.

Бокерия, С. А. Опыт информационной пропаганды в СССР как инструмент мягкой силы / С. А. Бокерия, А. А. Диева // Вестник Российского университета дружбы народов. История России. – 2015. – № 3. – С. 81-89.

Бокерия, С. А. «Мягкая сила» как инструмент обеспечения национальной безопасности в контексте культурно-лингвистической политики Франции / С. А. Бокерия, Н. В. Соколова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2014. – № 2. – С. 93-101.

Братерский, М. В. Концепция «Мягкой силы» во внешнеполитической стратегии США / М. В. Братерский, А. С. Скриба // Вестник меж-

дународных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 130-144.

Будаев, А. В. «Мягкая сила» боливарианской Республики Венесуэла: мифы и реальность / А. В. Будаев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 50 – С. 89-118.

Будаев, А. В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы / А. В. Будаев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 48. – С. 189-205.

Будаев, А. В. Светлые и темные стороны «Мягкой силы» Китая / А. В. Будаев // Государственное управление. Электронный вестник. – 2016. – № 54. – С. 106-129.

Ван Гуанчжэнь. Политика «Мягкой силы» России и КНР в отношении стран Центральной Азии (на примере Казахстана) / Ван Гуанчжэнь, Е. В. Журавлева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2015. – № 1. – С. 60-69.

Василенко, И. А. Имидж России: концепция национального брендинга / И. А. Василенко // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2012. – № 4 (24). – С. 66-78.

Величко, Л. Н. Политика «Мягкой силы» Турции в регионе Южно-Кавказа (1991–2002 гг.): проблемы реализации / Л. Н. Величко // Гуманитарные и юридические исследования. – 2016. – № 3. – С. 44-52.

Вилков, А. А. «Мягкая сила» как элемент имиджевых технологий во внутренней и внешней политике / А. А. Вилков // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология. – 2014. – № 2. – С. 66-74.

Владимирова, А. В. Страновой брендинг и его отражение в глобальных рейтингах «Мягкой силы» / А. В. Владимирова, В. А. Королёв, А. А. Трунина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 209-228.

Володина, Л. В. «Мягкая» сила как инструмент управления репутацией страны / Л. В. Володина, Т. Б. Кострицкая // Управленческое консультирование. – 2014. – № 5 (65). – С. 25-30.

Ворочков, А. П. Институты реализации «Мягкой силы» в современной России / А. П. Ворочков // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – № 6. – С. 53-59.

Голобородько, А. Ю. Имидж страны в мировом информационном пространстве: к вопросу о «Мягкой силе» влияния / А. Ю. Голобородько // Вестник Поволжского института управления. – 2013. – № 2 (35). – С. 38-43.

Голобородько, Андрей Юрьевич, Сериков Антон Владимирович
Дискурс «Мягкой силы» в контексте конструирования имиджа современной России: факторы и технологии формирования конкурентной идентичности // Гуманитарий Юга России. – 2015. – № 4. – С. 41-50.

Горлова, И. И. Культура как «Мягкая сила»: инструменты и точки приложения / И. И. Горлова, О. И. Бычкова // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 18. – С. 268-272.

Долгих, Д. Геополитика и мягкая сила: японская культурная дипломатия в Азии / Д. Долгих, А. Маркелова // Дискурс-Пи. – 2013. – № 1-2. – С. 40-42.

Долматова, Т. В. Физическая культура и спорт как фактор публичной дипломатии / Т. В. Долматова, Л. В. Сорокина // Вестник спортивной науки. – 2015. – № 4. – С. 10-12.

Емельянова, Н. Н. Перспективы «Гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии) / Н. Н. Емельянова // Власть. – 2015. – № 6. – С. 186-191.

Жеребцова, Е. В. Развитие профессиональной мобильности будущих специалистов: практический инструментарий «Мягкой силы» государства / Е. В. Жеребцова // Дискурс-Пи. – 2014. – № 2-3. – С. 110-112.

Жидков, В. О. Элементы южнокорейской мягкой силы // Дискурс-Пи. 2014. – № 2-3. – С. 172-177.

Зубкова, А. И. Мягкая сила Турции: феномен «Soft Power» как инструмент культурной дипломатии / А. И. Зубкова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2015. – № 2. – С. 52-62.

Иванов, В. Г. «Charts power» – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть II / В. Г. Иванов, М. Г. Иванова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2015. – № 3. – С. 7-34.

Израелян, Е. В. Канада: «Мягкая сила» как основа внешней политики державы «Среднего ранга» / Е. В. Израелян, В. И. Соколов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 72-94.

Казанцев, А. А. Продвижение «Мягкой силы» России в Центральной Азии как инструмент развития евразийской экономической интеграции / А. А. Казанцев, Л. Ю. Гусев // Управленческое консультирование. – 2015. – № 11 (83). – С. 80-91.

Мягкая сила в глобальной политике. Часть I. Региональное измерение. Материалы «Круглого стола» сотрудников российского университета дружбы народов / Д. Б. Казаринова и др. // Вестник Российского

университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – № 4. – С. 5-34.

Мягкая сила в глобальной политике. Часть II. Региональное и функциональное измерения. Материалы «Круглого стола» сотрудников российского университета дружбы народов / Д. Б. Казаринова и др. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 2. – С. 5-32.

Касаткин, П. И. Евробезопасность, интеграция и «Мягкая сила» миграции в XXI веке / П. И. Касаткин, И. М. Хрусталева В. А. Аватков // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 6. – С. 79-93.

Ким, В. С. Трансформация стратегии «Мягкой силы» КНР в современных условиях / В. С. Ким, Я. А. Бохан // Вестник ЧелГУ. – 2012. – № 12 (266). – С. 17-20.

Ковалева, Д. М. Концепт soft power как предмет изучения современной политической науки и теоретическая основа внешнеполитических стратегий / Д. М. Ковалева // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2013. – № 1. – С. 118-132.

Ковалевская, Н. В. Роль испанского языка как «Мягкой силы» во внешней политике Испании / Н. В. Ковалевская // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2015. – № 5-2. – С. 141-145.

Ковба, Д. М. Ресурсы и механизм реализации мягкой силы / Д. М. Ковба // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. – С. 136-139.

Ковба, Д. М. Теоретическая и практическая адаптация концепта «Мягкой силы» восточноазиатскими государствами / Д. М. Ковба // Пространство и Время. – 2014. – № 4 (18). – С. 111-118.

Коптяева, А. А. Международный имидж государства как инструмент мягкой силы / А. А. Коптяева // Арктика и Север. – 2016. – № 23. – С. 17-31.

Корнеева, В. А. Палитра национальных ресурсов института soft power / В. А. Корнеева // Дискурс-Пи. – 2016. – № 2. – С. 49-60.

Косачев, К. И. «Мягкая сила» России: теория и реальность / К. И. Косачев // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 7-9.

Косенко, С. И. «Мягкая сила» как фактор культурной дипломатии Франции / С. И. Косенко // Знание. Понимание. Умение. – 2014. – № 1. – С. 114-125.

Косолапов, Н. А. «Мягкая сила» Республики Польша в контексте формирования восточного вектора внешней политики (на примере Украины и Республики Беларусь) / Н. А. Косолапов // Вопросы безопасности. – 2016. – № 2. – С. 43-55.

Кочнева, Е. Д. Япония как мировой лидер продвижения soft power / Е. Д. Кочнева // Дискурс-Пи. – 2014. – № 2-3. – С. 134-140.

Кривохиж, С. В. «Мягкая сила» и публичная дипломатия в теории и внешнеполитической практике Китая / С. В. Кривохиж // Вестник СПбГУ. Серия 13. Востоковедение. Африканистика. – 2012. – № 3 – С. 103-112.

Лебедева, М. М. Высшее образование как потенциал «мягкой силы» России / М. М. Лебедева, Ж. Фор // Вестник МГИМО-Университета. – 2009. – № 6. – С. 200-205.

Леонова, О. Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства / О. Г. Леонова // Обозреватель-Observer. – 2013. – № 4. – С. 27-40.

Ли Минфу. Тайцзи против бокса: использование «Мягкой силы» в отношениях Китая и США / Ли Минфу // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 21. – С. 160-165.

Лукин, Ю. Ф. Виртуальная реальность мягкой силы в Арктике / Ю. Ф. Лукин // Арктика и Север. – 2014. – № 14. – С. 158-183.

Маклис, А. Возрождение российской «Мягкой силы» / А. Маклис // Ойкумена. Регионоведческие исследования. – 2011. – № 2 (17). – С. 175-184.

Маркушина, Н. Ю. Олимпийские и Паралимпийские зимние игры в Сочи, как аспект «Мягкой силы» / Н. Ю. Маркушина, О. Л. Церпицкая // Ученые записки университета Лесгафта. – 2014. – № 10 (116). – С. 89-93.

Матвеевко, Ю. И. «Мягкая сила» как фактор современной геополитики / Ю. И. Матвеевко, М. Г. Галаева // PolitBook. – 2015. – № 1. – С. 165-179.

Матейчук, В. И. Возможные тенденции развития soft power в России с учетом современных кризисов / В. И. Матейчук // Дискурс-Пи. – 2014. – № 4. – С. 99-104.

Мехдиев, Э.Т., Гулиев И.А. Понятие «Мягкой силы» как инструмента глобальных политических технологий // Juvenis scientia. – 2016. – № 3. – С. 49-52.

Михневич, С. В. Мудрец помогает Поднебесной: развитие сети Институтов Конфуция как инструмент реализации политики «мягкой силы» КНР в Большой Восточной Азии / С. В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2015. – № 1. – С. 80-117.

Михневич, С. В. Панда на службе дракона: основные направления и механизмы политики «Мягкой силы» Китая / С. В. Михневич // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 95-129.

Морозов, Ю. В. Значение гуманитарного сотрудничества России и Китая с центрально-азиатскими партнерами в рамках Шанхайской организации сотрудничества / Ю. В. Морозов, Е. И. Сафронова // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2014. – № 32. – С. 35-49.

Мошняга, П. А. Внешняя культурная политика Японии / П. А. Мошняга // Власть. – 2009. – № 6. – С. 159-161.

Мухаметов, Р. С. Императивы внешней политики России: это компонент «Мягкой силы» или фактор охлаждения отношений с западом? / Р. С. Мухаметов // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. – С. 174-179.

Нагорнов, В. А. «Мягкая сила» по-французски / В. А. Нагорнов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 167-189.

Наумов, А. О. «Мягкая сила» и международный имидж стран группы ИБСА / А. О. Наумов, Р. С. Положевич // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 52. – С. 6-37.

Осинина, Д. Д. Спорт и политика в современном мире / Д. Д. Осинина, Е. А. Урожек // Научные записки молодых исследователей. – 2016. – № 2. – С. 77-81.

Паршин, П. Б. Два понимания «Мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия / П. Б. Паршин // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 14-21.

Пашаева, Г. М. Языковое измерение soft power / Г. М. Пашаева // Дискурс-Пи. 2014. – № 1. – С. 75-82.

Песцов, С. К. «Мягкая сила» в мировой политике: проблема операционализации теоретического концепта / С. К. Песцов, А. М. Бобыло // Вестник Томского государственного университета. История. – 2015. – № 2 (34). – С. 108-114.

Песцов, С. К. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке / С. К. Песцов, А. М. Бобыло // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2015. – № 3 (31). – С. 42-53.

Пименов, Н. П. Концепты новых форм политической коммуникации в современной России / Н. П. Пименов // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. – 2015. – Т. 11. – С. 105-111.

Плотников, Д. С. «Мягкая сила» политики Китая, Турции, Ирана, России и США в Центральной Азии в сфере образования / Д. С. Плотников // ARS ADMINISTRANDI. – 2016. – № 1. – С. 160-177.

Попова, Н. Г. Ученый как субъект «Мягкой силы» власти / Н. Г. Попова // Дискурс-Пи. – 2014. – № 1. – С. 164-167.

Редина, Ю. Н. «Валютная сила» как измерение мягкой силы в условиях трансформации мировой валютной системы / Ю. Н. Редина // Вестник Брянского государственного университета. – 2013. – № 3. – С. 229-232.

Руми, Ф. Возможности использования Россией «Мягкой силы» для преодоления недоверия в российско-иранских отношениях / Ф. Руми, А. С. Матвеев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. – 2016. – № 1 (222). – С. 173-177.

Русакова, О. Ф. Концепт «Мягкой» силы (soft power) в современной политической философии / О. Ф. Русакова // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. – 2010. – № 10. – С. 173-192.

Русакова, О. Ф. Мягкая сила стран Азии / О. Ф. Русакова // Дискурс-Пи. – 2013. – № 1-2. – С. 31-37.

Русакова, О. Ф. Реализация технологий «Мягкой силы» во внешней политике России / О. Ф. Русакова, В. М. Русаков // Дискурс-Пи. – 2014. – № 2-3. – С. 58-65.

Русакова, О. Ф. Российская стратегическая модель soft power / О. Ф. Русакова, Т. Н. Носова // Дискурс-Пи. – 2015. – № 1. – С. 148-152.

Рустамова, Л. Р. «Мягкая сила» во взаимоотношениях ФРГ и мусульманского мира / Л. Р. Рустамова // Вестник МГИМО-Университета. – 2015. – № 4 (43). – С. 144-151.

Сафонкина, Е. А. Турция как новый актер политики «Мягкой силы» / Е. А. Сафонкина // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 145-166.

Сафронова, Е. И. Текущая и перспективная роль гуманитарного сотрудничества в деле развития ШОС / Е. И. Сафронова // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2015. – № 20. – С. 119-134.

Скородумова, О. Б. Стратегия «Мягкой силы» и ее значение в современную эпоху / О. Б. Скородумова // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2015. – № 215 (5). – С. 52-57.

Слободян, Н. В. Политика «Мягкой силы» России в странах Персидского залива в начале XXI века / Н. В. Слободян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2013. – № 3. – С. 5-12.

Слободян, Н. В. Политика «Мягкой силы» России в странах Персидского залива в начале XXI в. : исторический аспект / Н. В. Слободян // Известия АлтГУ. – 2013. – № 4 (80). – С. 88-92.

Смирнова, Ю. М. Институт общественной дипломатии как выражение «Мягкой силы»: современное состояние и особенности реализации / Ю. М. Смирнова, Е. Н. Смирнова // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 2. – С. 208-214.

Соловьёва, Е. В. «Мягкая сила» – инструмент интеграции Китая в мировые процессы / Е. В. Соловьёва // Россия и АТР. – 2012. – № 1. – С. 85-95.

Суханова, Н. Е. «Мягкая сила» во внешней политике современной России / Н. Е. Суханова // Власть. – 2015. – № 12 – С. 79-84.

Суханова, Н. Е. Роль и место туризма во внешней политике России / Н. Е. Суханова // Власть. – 2014. – № 3. – С. 110-113.

Улитина, М. О. Имиджевый потенциал России в условиях глобализации и возможности его использования / М. О. Улитина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2 (688). – С. 193-205.

Филимонов Г. Ю. Актуальные вопросы формирования российского потенциала «Мягкой силы» / Г. Ю. Филимонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2012. – № 1. – С. 67-82.

Филимонов, Г. Ю. Стратегия национальной культурной безопасности и «Мягкая сила» современной России / Г. Ю. Филимонов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2010. – № 3. – С. 61-72.

Филимонов, Г. Ю. «Мягкая сила» как форма непрямой аппликации «Национального интереса» / Г. Ю. Филимонов, С. А. Цатурян // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2012. – № 2. – С. 21-30.

Фоминых, А. Проецирование «мягкой силы»: публичная дипломатия США и России в постсоветской Центральной Азии / А. Фоминых // Центральная Азия и Кавказ. – 2010. – № 3. – С. 73-87.

Фролова, О. А. «Мягкая сила» внешнеполитической деятельности США: институты и механизмы формирования / О. А. Фролова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2013. – № 3. – С. 49-54.

Хаботина, Д. В. Рейтинг soft power Аргентины на основе RGMs / Д. В. Хаботина // Дискурс-Пи. – 2015. – № 3-4. – С. 94-101.

Харитоновна, Е. М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик / Е. М. Харитоновна // Сравнительная политика. – 2017. – № 1. – С. 5-20.

Чепурина М. А. Мягкая сила в глобальной политике: болонские измерения / М. А. Чепурина // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2014. – № 1. – С. 96-103.

Чепурина, М. А. Потенциальный вклад Болонского процесса в повышение международно-политической привлекательности России / М. А. Чепурина // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4. – С. 241-246.

Шакиров, Е. Р. Мягкая сила Японии / Е. Р. Шакиров // Дискурс-Пи. – 2014. – № 2-3. – С. 141-145.

Шелепов, А. В. Факторы успеха политики «Мягкой силы» Великобритании / А. В. Шелепов // Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2014. – № 2. – С. 10-27.

Ягья, В. С. Стратегия «Мягкой силы» во внешней политике КНР в Африке / В. С. Ягья, Н. В. Ковалевская, Ли Минфу // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2015. – № 9. – С. 77-84.

Ярмак, Ю. В. Проявление коммуникативных особенностей «Мягкой силы» в истории государственного управления / Ю. В. Ярмак // Пространство и Время. – 2015. – № 3 (21). – С. 126-133.

Яшков, Т. А. Суверенитет или интеграция: soft power на постсоветском пространстве / Т. А. Яшков // Дискурс-Пи. – 2014. – № 2-3. – С. 46-50.

Fesyk, O. The evolution of the category «soft power» in international relations research / O. Fesyk // Науковий вісник Одеського національного економічного університету. – 2015. – № 11 (231). – С. 196-209.

Rukavishnikov, V. Assessing Russia's «soft power» in a globalizing world / V. Rukavishnikov // Управление мегаполисом. – 2009. – № 4. – С. 105-124.

Информация об Алтайской школе политических исследований

АШПИ возникла в 1996 г., статус учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета Школа получила в 1998 г.

Директор АШПИ — доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений АГУ, руководитель Алтайского отделения Российской ассоциации политической науки Юрий Георгиевич Чернышов. Заместитель директора — кандидат исторических наук, доцент Вячеслав Николаевич Козулин.

Деятельность Школы направлена на развитие межфакультетского и межвузовского сотрудничества в области политических наук. Главные принципы Школы — неангажированность, научность, демократизм. АШПИ стремится объединить ученых самых разных специальностей — историков, политологов, международников, социологов, экономистов, юристов и др. В работе Школы уже приняли участие десятки известных отечественных и зарубежных экспертов, докторов и кандидатов наук. В проектах Школы участвуют также представители власти, общественные деятели, предприниматели, журналисты. Студенты и аспиранты приобретают ценные практические навыки по организации научных конференций и проведению прикладных политологических исследований (в частности, в рамках молодежного отделения АШПИ — студенческой организации «Международник»).

Школа стремится сочетать в своей деятельности науку и практику, высокий профессионализм и активную гражданскую позицию.

Одно из главных направлений работы Школы — *проведение международных научно-практических конференций, издание сборников* по актуальным проблемам политической жизни.

Конференции, материалы которых были изданы в виде выпусков «Дневника АШПИ»:

28 мая 1996 г. — Тоталитаризм и его преодоление: актуальные уроки истории.

16 июля 1996 г. — Принципы самоуправления в федеральных системах России и Германии.

31 января 1997 г. — Власть и собственность: к итогам губернаторских выборов в России.

16–18 июля 1997 г. — Политическая система и политическая жизнь в современной России (проблемы федерального и регионального уровней).

27 января 1998 г. — Интеллигенция и власть.

17–18 июля 1998 г. — Становление гражданского общества в России: проблемы и перспективы.

30–31 июля 1999 г. — Роль парламента в демократическом государстве.

28 января 2000 г. — Интеллигенция и «новый авторитаризм».

16 мая 2000 г. — Становление демократического, правового, социального государства и профсоюзы: практика, проблемы, перспективы.

15–16 июля 2000 г. — Россия после выборов: перспективы экономического и политического развития.

10–11 февраля 2001 г. — Западная Сибирь: регион, экономика, инвестиции.

15–16 мая 2001 г. — Человек и мир работы: социально-политические, профессиональные, антропологические аспекты профсоюзной деятельности.

14–15 июля 2001 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития.

16–17 июля 2001 г. — Республика Алтай и реформы в экономике и федеративном устройстве России.

8 октября 2001 г. — Проблемы и перспективы сотрудничества третьего сектора с властью.

22 января 2002 г. — Реформа образования и гражданское общество.

2 июля 2002 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика.

1–2 июля 2003 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития. Постсоветское пространство: проблемы интеграции. Женщина и выборы.

29 апреля 2004 г. — Региональные выборы 2004 г. — волеизъявление народа или триумф технологий?

1–3 июля 2004 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (трансграничное сотрудничество и проблемы национальной безопасности).

1–2 июля 2005 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (национальная, региональная идентичность и международные отношения).

4–5 июля 2006 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (этноконфессиональные конфликты и вызовы XXI века).

27–28 сентября 2007 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке).

13–14 сентября 2008 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль российских регионов в формировании имиджа страны).

19–20 сентября 2009 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (роль политических лидеров в формировании имиджа страны и региона).

17–18 сентября 2010 г. — Современная Россия и мир: альтернативы развития (Россия и Западная Европа: влияние образов стран на двусторонние отношения).

23–24 сентября 2011 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Разрешение межгосударственных конфликтов: актуальный опыт истории и современность)

20–21 сентября 2012 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Информационные войны в международных отношениях)

26–28 сентября 2013 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: межцивилизационные взаимодействия и международные отношения)

25–27 сентября 2014 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Трансграничные мигранты и общество страны пребывания: взаимное восприятие и проблемы межкультурного взаимодействия).

28–30 сентября 2015 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Запад и Восток: регионы в трансграничном взаимодействии).

29-30 сентября 2016 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Сепаратизм и его роль в мировом политическом процессе).

28-29 сентября 2017 г. Современная Россия и мир: альтернативы развития (Имидж страны как фактор «мягкой силы» в международных отношениях).

Кроме этого, Школа постоянно занимается *просветительской работой* — организацией «круглых столов», чтением лекций, публикацией статей в газетах и т.д. Эксперты Школы много раз выступали с оценками политической ситуации в СМИ. На телевидении и радио были проведены «круглые столы» на темы об итогах выборов в Государственную Думу, о президентских и губернаторских выборах, о многопартийной системе, о Дне Независимости России, о национальной идее в России, о борьбе с терроризмом, о реформе избирательной системы, о соблюдении прав человека, о содержании различных законопроектов и т.д. Руководитель АШПИ представлял Алтайское отделение РАПН на Конгрессах политологов, проходивших в Москве; участвовал в работе Гражданского Форума в Москве и Санкт-Петербурге, в Конвенте РАМИ в МГИМО (У) МИД РФ и т.д.

Еще одно направление деятельности — *консультирование, проведение прикладных политологических исследований*. Во время выборов депутатов Государственной Думы, президентских и губернатор-

ских выборов эксперты АШПИ неоднократно проводили фокус-группы, телефонные и анкетные опросы. Итоги большинства этих опросов опубликованы в печати.

Результаты научной деятельности АШПИ подробно представлены на интернет-сайте, где размещены тексты всех «Дневников АШПИ», а также отдельные статьи экспертов, материалы исследований, разнообразные информационные ресурсы. Этот сайт является победителем призового конкурса «Лучший сайт», проводившегося «Project Harmony» в рамках программы «Обучение и доступ к Интернет» в 2000 г., и 3-го регионального конкурса «Интернет — Мир без провинций» в 2001 г. В 2005 г. во Всероссийском конкурсе научных работ, проведенном Российской ассоциацией политической науки, серийному изданию «Дневник АШПИ» было присуждено второе место. В мае 2008 г. АШПИ стала лауреатом IV Интернационального конкурса «Имидж-директория» и была награждена Почетным дипломом в номинации «Проект года в имиджологической науке» за сборник «Дневник Алтайской школы политических исследований №23. Современная Россия и мир: альтернативы развития (международный имидж России в XXI веке)».

АШПИ продолжает научно-просветительскую работу и приглашает к сотрудничеству всех, кто умеет самостоятельно мыслить, кто стремится сделать жизнь россиян более достойной и свободной.

✉ 656049 г. Барнаул,
просп. Ленина, 61, к. 310
☎ Tel./fax (3852) 29-12-74
✉ E-mail: ashpi@hist.asu.ru
🌐 <http://ashpi.asu.ru/ic/>

Информация об авторах

Аршинцева Ольга Алексеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Асрян Татьяна Юрьевна

Аспирантка Северо-Кавказской государственной гуманитарно-технологической академии, г. Черкесск

Барсуков Александр Михайлович

Кандидат политических наук, заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Безнадельных Дарья Михайловна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бетмакаев Алексей Михайлович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Березняков Дмитрий Владимирович

Кандидат политических наук, доцент, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Бикетова Екатерина Андреевна

Кандидат исторических наук, г. Барнаул

Бойко Владимир Сергеевич

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, со-директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Бокова Юлия Игоревна

Магистр международных отношений, выпускница кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского госуниверситета, г. Барнаул

Вахрушева Мария Андреевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ведерникова Мария Игоревна

Аспирантка Института Европы РАН, выпускница факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, магистр менеджмента, г. Москва

Гребенкина Елена Владимировна

Аспирантка Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск

Григорян Григор Паруйрович

Магистр международных отношений; соискатель, Ереванский государственный университет, факультет международных отношений, г. Ереван, Армения

Гурьянова Анна Андреевна

Студентка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Демидов Валерий Викторович

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и гуманитарного сотрудничества Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Дерендяева Анна Дмитриевна

Аспирантка исторического факультета Алтайского государственного университета, магистр политологии, г. Барнаул

Коваленко Людмила Георгиевна

Кандидат философских наук, доцент, г. Барнаул

Козлов Сергей Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент, декан факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Козулин Вячеслав Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, заместитель директора АШПИ, г. Барнаул

Кротов Александр Викторович

Кандидат географических наук, доцент кафедры экономической географии и картографии Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Кузина Светлана Ивановна

Доктор политических наук, профессор Донского государственного технического университета, Южно-Российского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Ростов-на-Дону

Курныкин Олег Юрьевич

Кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Лицарева Елена Юрьевна

Доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой востоковедения Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск

Мальшева Нина Сергеевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Мизимбаев Талгат Сарсенбекович

Магистрант Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Муратшина Ксения Геннадьевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, департамент (факультет) международных отношений, г. Екатеринбург

Назаршоева Сакина Фарухшоевна

Аспирантка исторического факультета Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Ни Цзяоцзяо

Аспирант кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета, г. Чита

Пашуто Ксения Павловна

Магистрантка по направлению «Политическая экспертиза и GR-стратегии» МГИМО (У) МИД, г. Москва

Реут Олег Чеславович

Доцент технических наук, доцент кафедры истории стран Северной Европы Петрозаводского государственного университета, г. Петрозаводск

Рокки Тони (Roschi Tony)

Библиотекарь Справочной библиотеки Торонто (Toronto Reference Library), магистр исторических наук и магистр библиотековедения, г. Торонто, Канада

Романова Екатерина Валерьевна

Студентка департамента международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Самойлов Никита Юрьевич

Аспирант кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Сковородников Александр Васильевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры отечественной истории Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Табаринцева-Романова Ксения Михайловна

Кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург

Тарабарко Ксения Александровна

Старший преподаватель кафедры востоковедения Забайкальского государственного университета, г. Чита

Турьинская Христина Михайловна

Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии РАН, Института Африки РАН, г. Москва

Ульянов Павел Владимирович

Ассистент кафедры всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, г. Барнаул

Филиппов Василий Рудольфович

Доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института Африки РАН, г. Москва

Фоменко Светлана Владимировна

Доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, г. Омск

Харин Алексей Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных наук Кировского филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Киров

Цыряпкина Юлия Николаевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории Алтайского государственного педагогического университета, г. Барнаул

Чернышов Юрий Георгиевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории и международных отношений Алтайского государственного университета, директор АШПИ, г. Барнаул

Юдина Ирина Николаевна

Кандидат экономических наук, доцент Барнаульского филиала Финансового университета при Правительстве РФ, г. Барнаул

Яблонских Елена Васильевна

Заместитель декана факультета политики и международных отношений Сибирского института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ, г. Новосибирск

Содержание

ИМИДЖ СТРАНЫ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ.....3

*Чернышов Ю.Г. Многозначность понятий «мягкая сила» и
«имидж страны»: к итогам дискуссии4*

1. ИМИДЖ СТРАНЫ И «МЯГКАЯ СИЛА»: ТЕОРЕТИКО- МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ И ОПЫТ ПРИМЕНЕНИЯ ПОНЯТИЙ..... 10

*Аршинцева О.А. Джозеф С. Най и концепт «мягкой силы»:
дискуссионные вопросы прикладного анализа10*

*Березняков Д.В., Козлов С.В. «Мягкая сила» государств и
формирование международных альянсов16*

*Табаринцева-Романова К.М. Эволюционные изменения концептов:
«мягкая сила», культурная политика
и внешнеполитический имидж21*

*Тарабарко К.А. Концепция «мягкой силы культуры» в китайском
научном дискурсе.....25*

Филиппов В.Р. «Имидж страны» как информационная модель...30

*Харин А.Н. Имидж страны и «мягкая сила» в концепциях
американских политологов.....34*

2. ИМИДЖ СТРАНЫ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.... 39

*Безнадельных Д.М. Распад Советского Союза и имидж России в
США (1991–1993 гг.).....39*

*Курныкин О.Ю. «Мягкая сила» в политике колониальных империй:
к постановке проблемы43*

*Мальшиева Н.С. Пропаганда Плана Маршалла во Франции
(1948–1952 гг.)49*

*Рокки Т. Имидж пореформенной Российской империи в исследованиях
французского историка Анатоля Леруа-Больё.....54*

*Самойлов Н.Ю. Массовая культура Великобритании
1960–1970-х гг. как элемент «мягкой силы».....59*

*Ульянов П.В. Идея «содружества наций» в британской
пропаганде периода Первой мировой войны63*

*Фоменко С.В. «Мягкая сила» и имидж Германии 1933–1939 гг.
с позиций концепции Джозефа Ная-младшего
и ее критиков.....68*

3. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИМИДЖ СТРАНЫ И ПОЛИТИКА «МЯГКОЙ СИЛЫ» В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ..... 75

- Барсуков А.М. «Мягкая сила» России на евразийском пространстве в условиях трансформации международных отношений75*
- Бетмакаев А.М., Юдина И.Н. «Мягкая сила» по-русски: интерпретация и практика80*
- Бикетова Е.А. Имидж Республики Беларусь и использование инструментов “soft power” в отношениях с ЕС.....84*
- Бойко В.С. «Сила слабости», или чем привлекательно «несостоявшееся» государство Афганистан89*
- Бокова Ю.И. «Мягкая сила» во внешней политике Республики Корея93*
- Вахрушева М.А. «Мягкая сила» во внешней политике Катара.....98*
- Ведерникова М.И. Политтехнологические и методологические возможности «мягкой силы» для корректировки имиджа России в европейских странах101*
- Гребенкина Е.В. Многообразии акторов и новые виды дипломатии: перспективы для «мягкой силы» государства и его внешней политики106*
- Григорян Г.П. Международный рейтинг и влияние России111*
- Гурьянова А.А. «Мягкая сила» ООН как средство обеспечения стабильной международной безопасности и международного сотрудничества118*
- Демидов В.В., Яблонских Е.В. Информационная турбулентность вокруг имиджа интеграционных процессов в Евразии и эхо в Уругвае.....122*
- Дерендяева А.Д. Использование стратегии «soft power» при формировании имиджа столицы Республики Казахстан — Астаны127*
- Коваленко Л.Г. «Мягкая сила» как элемент имиджа государства и механизм взаимодействия в международных отношениях132*
- Козулин В.Н. Проблема привлекательности образа страны: рассуждения о возможностях использования «мягкой силы» для оптимизации имиджа России137*
- Кузина С.И., Асрян Т.Ю. СМИ как инструмент «мягкой силы» в процессах формирования политического имиджа российского государства.....143*

<i>Лицарева Е.Ю. «Мягкая сила» стран Юго-Восточной Азии</i>	<i>147</i>
<i>Мизимбаев Т.С. Конституционно-правовые основы национальной политики Казахстана.....</i>	<i>152</i>
<i>Назаршоева С.Ф. Политика Республики Таджикистан по формированию международного имиджа страны и особенности его восприятия в России.....</i>	<i>156</i>
<i>Ни Цзяоцзяо Культурный брендинг как инструмент мягкой силы Китая</i>	<i>162</i>
<i>Папуто К.П. Формирование имиджа России на постсоветском пространстве.....</i>	<i>166</i>
<i>Реут О.Ч. Страна электоральных хакеров — новый образ России?.....</i>	<i>171</i>
<i>Романова Е.В., Муратишина К.Г. Институты Конфуция как инструмент «мягкой силы» КНР во взаимоотношениях с Итальянской Республикой на современном этапе</i>	<i>176</i>
<i>Сковородников А.В. Использование Россией «мягкой силы» на Балканах (на основе анализа экспертных мнений на Интернет-ресурсах)</i>	<i>183</i>
<i>Турьинская Х.М. Франция на Коморских островах: сила «мягкая» или «жесткая»?</i>	<i>188</i>
<i>Цыряпкина Ю.Н. Русскоязычное культурное пространство в Узбекистане и «фактор России»</i>	<i>193</i>

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ ПО ТЕМЕ «ИМИДЖ СТРАНЫ КАК ФАКТОР «МЯГКОЙ СИЛЫ» В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ»

199

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АЛТАЙСКОЙ ШКОЛЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

224

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

228

Серийное научное издание

**Дневник Алтайской школы политических исследований №33.
Современная Россия и мир: альтернативы развития
(Имидж страны как фактор «мягкой силы»
в международных отношениях)**

Сборник научных статей

Публикуется в авторской редакции

Издательская лицензия ЛР 020261 от 14.01.1997

Подписано в печать 26.10.2017

Формат 60x84/16.

Бумага офсетная. Усл. печ. л. 14,4.

Тираж 200 экз. Заказ 280

Типография Алтайского государственного университета
656049, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66